

Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 7—11.

УДК 101.8
ББК 87.52

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10201

Третичная формация: отрицание как начало

А. Б. Невелев, А. Я. Камалетдинова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Нужна система категориальных координат, в которых происходит осмысление истории. Формационный подход К. Маркса представляется вполне продуктивным и могущим методологически справиться с этой задачей. Учение о предыстории и истории, о трех формациях дает основания высказать версию концептуального резюме третичной формации и в первом приближении интерпретировать современную историю.

Ключевые слова: *предыстория, история, формационный подход, первичная, вторичная, третичная формация, форма стоимости, форма прибавочной стоимости, форма комплексной потребительной стоимости, свободная человеческая индивидуальность.*

Есть все основания полагать, что формационный подход К. Маркса, его учение о первичной, вторичной и третичной формации в истории человечества подтверждается реальным историческим процессом. В первую очередь это касается деления им истории на предысторию и историю в собственном смысле слова. Он исходит из диалектики опредмечивания и распредмечивания. Предыстория — это процесс и результат создания предметной среды человеческого бытия. Человек, только выходящий из природы, является преобладающе естественным существом, хотя его сущность уже содержит элемент, который способен конституировать в перспективе и социум и самого человека как социальное существо. Таким элементом, если опираться на мысль В. И. Плотникова, является систематическая подработка орудий. Именно так: не само пользование орудиями, а их систематическая подработка, их изготовление как феномен культуры, культивирования орудийной формы.

Последующая история в качестве «предыстории» — это процесс и результат наращивания неорганического тела человека, социокультурной предметной среды его обитания. В предыстории

на первом плане находится именно предметная среда, она, в конечном счете, является ведущей объективной результирующей предыстории. Реальный живой индивид, личность, индивидуальность, в массе своей, по преимуществу выступает средством этого предметного становления человечества. Если он и рождается в качестве яркой самодостаточной индивидуальности, он, скорее, случаен, чем необходим. Феномен распредмечивания богатства культуры реальным человеком — это удача его человеческого становления в предыстории. Природные предпосылки, с которыми рождается человек, развиваются только в социокультурной предметной среде, которая должна быть доступна, чтобы на базе индивида состоялась личность и свободная человеческая индивидуальность. Как раз такой доступности, как необходимости, в условиях предыстории весьма не хватает.

На первый план в ней выходит конкуренция за условия, прежде всего материальные, человеческого становления. Первичная, общество личной зависимости, и вторичная, общество вещной зависимости, формации К. Маркса вполне укладываются в период предыстории человечества.

Личная зависимость доминирует в обществе с еще почти не ставшей предметной средой человеческого обитания. Вещная зависимость предполагает весьма значительное развитие этой среды. Но и она еще не вполне готова, чтобы, наконец, из тени вышла главная цель всего исторического процесса человечества — свободная человеческая индивидуальность. С нею К. Маркс связывал начало становления третичной формации. Третичная формация — это вступление человечества в период собственно истории. Попутно заметим, что знаменитые Марксовы «Форма стоимости» и «Форма прибавочной стоимости» могут быть увязаны с первичной и вторичной формацией, как логическое с историческим. Они концептуально резюмируют становление общества вещной зависимости и его же, как ставшее. Становление фиксирует «Форма стоимости», ставшее фиксирует «Форма прибавочной стоимости». Это логически выверенное резюме того, как в истории живой человек перестает быть целью и становится в своей идентичности на место вещи. А вещь становится на место человека. Также отметим, что перед нами стоит задача дать логическое концептуальное резюме третичной формации, которое Маркс не разработал.

Думается, что конституирующей идеей резюмирующей третичную формацию концептуальной формы должна быть идея «обратного поглощения стоимости потребительной стоимостью» и в итоге: «форма комплексной потребительной стоимости». Тем самым мы получим концептуальную опору понимания логики третичной формации как общества свободной человеческой индивидуальности. Денежная форма стоимости знаменует универсальную мировую связь индивидуально-го человека, но в предельно абстрактной форме. Деньги уравнивают между собой все потребительные стоимости, нужные человеку, со всеми. Деньги, — будь это золото или «биткойны», являются внутренне неразличимым «все во всем». В них предметно заложено абстрагирование, то есть пренебрежение как родовым, так и индивидуальным своеобразием человека. Они — «всемирный сводник», уравнивающий все стороны человеческого бытия через уравнивание потребительных стоимостей, то есть той предметной среды, которая и обеспечивает базис свободной человеческой индивидуальности. И если мерилом остаются деньги, то все потребительные стоимости товаров предметно нацелены, в конечном счете, на отрицание человека как цели. Соответственно, человек распремечивающий такую предметную среду попадает в ситуацию самоотрицания. Денежная форма стоимости принуждает,

при целеполагании, «проскакивать» предметную среду из потребительных стоимостей, а значит — «проскакивать» человеку самого себя и стремится к овеществлению себя. Такова диалектика опредмечивания и распремечивания в условиях общества вещной зависимости, вторичной формации.

Постепенно рост предметного богатства, совокупных потребительных стоимостей, обеспечивающих человеческие потребности, наконец-то добирается до показателей, которые, хотя бы в границах «золотого миллиарда», все настойчивее меняют денежно ориентированный вектор на «потребительно» ориентированный вектор, на общество потребления. Это можно концептуально расценить как начало поворота к смене мер, к обратному поглощению денег потребительными стоимостями. Но поначалу овеществление предметного вектора сохраняется и в предметной среде материальной жизни и в сфере предметностей сознания. Общество потребления — это поворот к человеку, но по преимуществу — в его вещно-телесной ипостаси. Возникает «эпоха брендов». В ней человек вроде бы и уже цель общественного бытия, но только как реклама значимых и знаковых вещей. Тут явно можно усмотреть, что в брендах разворачивается борьба двух противоположных мер: человека и вещи.

Потребительная стоимость, с одной стороны, немыслима и невозможна вне реального потребителя, а значит вне распремечивания реальным живым человеком, но, с другой стороны, она детерминирована деньгами, с их претензией быть «вещью всех вещей». И в своем стремлении быть брендом она, как в далеком прошлом, конкурирует с денежной формой стоимости (например, с золотом) за то, чтобы стать деньгами и вытеснить других конкурентов с поля всеобщего эквивалента. Это тщетные потуги, поскольку уже принципиально поменялось само направление вектора, поменялась мера, каковой становится реальная свободная человеческая индивидуальность, смысловой центр третичной формации. В «классике жанра», в «Форме стоимости» К. Маркса представлены четыре ступени становления денежной формы стоимости (денег). Думается, что и в «Форме комплексной потребительной стоимости» процесс обратного поглощения денег представлен четырьмя ступенями.

Между абстрактно всеобщей, денежной формой стоимости и брендом находится уравнительная форма потребительной стоимости, которая выступает, по сути, уравнительно-коммунистической. О ней К. Маркс пишет в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.». Всеобщность денег с их абстрактной уравнительностью распремечи-

вается в коммунистическую уравнительность по отношению к людям. Вторая ступень зациклена на факте абстрактного бытия человека как такового. В некотором смысле это «тут-бытие». Сознание, распредмечивающее коммунистическую уравнительность бытия, соответственно, тоже уравнительно. Человек и тут находится под воздействием двух противоположностей: денег как образца детерминирующей уравнительную жизнь абстрактной всеобщности и комплексной потребительной стоимости, представленной уравнительным минимумом жизненных благ: претензией человека быть и быть не вещью.

Итак, четыре ступени комплексной потребительной стоимости:

- 1) абстрактно-всеобщая форма комплексной потребительной стоимости («паек»);
- 2) особенная форма комплексной потребительной стоимости («дифференцированный паек»);
- 3) особенная форма комплексной потребительной стоимости («бренд»);
- 4) единичная форма комплексной потребительной стоимости («индивидуализированная комплексная потребительная стоимость»).

Свободная человеческая индивидуальность есть распредмеченная, то есть переведенная в форму живого человеческого бытия, индивидуализированная комплексная потребительная стоимость. Свободная человеческая индивидуальность есть распредмеченный дублер «индивидуализированной комплексной потребительной стоимости». Если представить эту логику в виде взаимодействия двух известных субстанций, то, в русле обратной логики, субстанция конкретного труда обратно поглощает субстанцию абстрактного труда и становится субстанцией комплексно конкретного труда. Термин «комплексный» предполагает в качестве меры бытия свободную человеческую индивидуальность. Просто потребительная стоимость и просто конкретный труд являются еще сами по себе абстрактными, односторонностями в системе разделения труда. С логической стороны, силлогизм у Маркса тут по первой фигуре в «Форме стоимости»: «Единичное — особенное — всеобщее» (Аристотель, Гегель). Он должен быть сменен обратным силлогизмом в «Форме комплексной потребительной стоимости»: «всеобщее — особенное — единичное».

Деньги, как всеобщий эквивалент, сохраняясь, поглощаются (снимаются) комплексной потребительной стоимостью, получают с ее стороны ограничения во имя реальных потребностей свободной человеческой индивидуальности. Такова, на наш взгляд, структура той меры, которая полу-

чила наименование «свободная человеческая индивидуальность». Разумеется, это идеализация, но такая идеализация, которая помогает концептуально осмыслить происходящие на наших глазах события человеческой истории. Прежде всего, при их осмыслении, надо дать себе отчет в сущностном векторе современной истории. На это нацеливает предельная формационная «система» координат из рассмотренного нами деления истории на предысторию и историю. И, вместе с тем, деления истории на три формации по признаку наличия или отсутствия реальной личной свободы человека. При этом происходит отнесение первичной и вторичной формации к предыстории человечества и отнесение третичной формации — к собственно истории. Самое главное тут: концептуально теоретическое, логическое понимание третичной формации.

Если верна формационная гипотеза исторического процесса, то все ключевые события современной истории следует понимать в русле перехода «от вторичной формации к третичной формации», в которой разворачивается общество свободной человеческой индивидуальности. Свободная человеческая индивидуальность выступает, таким образом, доминирующей мерой в современной истории человечества. Эта мера вызрела в истории объективно и «сняла» (Гегель) прежнюю меру (денежную форму стоимости). Однако, следует дать себе отчет в том, что существуют разные степени снятия старой меры и реально-го утверждения новой. Возможны четыре версии новой меры, которые были и есть в истории либо диахронически, либо синхронически. Их мы перечислили выше. Первые две формы относятся к абстрактной заботе семьи, рода, народа (в конечном счете, государства) о рождении и выживании индивида, к заботе о «сбережении народа» в самом первом приближении. Тут значима уравнительность. Но, в свете свободной человеческой индивидуальности, как меры, даже начальные ступени (формы) комплексной потребительной стоимости приобретают не столько овеществленный, сколько очеловеченный вид. Человечество в лице различных организаций разного уровня общности стремится обеспечить нуждающихся хотя бы минимумом жизненных благ («паек»). Тем более, это касается социально ориентированных забот государства. Явно пробивает себе дорогу комплексность обеспечиваемых людям потребительных стоимостей. Например, государство может взять на себя, хотя бы частично, абстрактный денежный эквивалент комплексной потребительной стоимости, может, вместе с тем, контролировать направление и качество трат этих денег, варьируя,

дифференцируя условия этих трат. Далее, государство может определять содержание комплекса брендов, налагая определенные ограничения на разгул фантазии, например, чиновников при приобретении в государственное пользование служебного транспорта, служебного жилья, земель и т. д. И, наконец, возможны, и даже с переходом в необходимость, условия, обеспечивающие свободное развитие человеческой индивидуальности под эгидой государства.

Здесь, наконец, и обнаруживается сама сущность современной исторической тенденции, переход к третичной формации. Возникает индивидуализация условий становления свободной человеческой индивидуальности, которые она в своём развитии распредмечивает. Итак, в комплексной потребительной стоимости мы имеем, условно говоря, «вертикальное» строение и «горизонтальное» строение. В вертикальной структуре комплексность потребительной стоимости заложена движением от сущностного содержания к существованию и явлению. Сущность комплексной потребительной стоимости состоит в обеспечении индивидуального человека объективно обусловленным минимумом жизненных благ. Над этой сущностью надстраивается индивидуальная вариативность проявлений сущности. Сущность задает объективные границы ее индивидуализированным проявлениям. Здесь еще сохраняется детерминированность сущностью (усилиями семьи, рода, народа, государства). Однако этой родовой интенции противостоит в новых условиях уже другая, индивидуализированная свободная интенция в бытии человека. Вот тут, на наш взгляд, и кроется суть наглядно и порой феерически проявляющегося противоречия.

Мы являемся свидетелями столкновения, сшибки этих двух тенденций. Сшибки, которую в наших проектах будущего мы зачастую не учитывали. Свободная человеческая индивидуальность

начинает порой свое свободное волеизъявление с тотального отрицания. И под деструктивные проявления часто попадает сама сущность комплексной потребительной стоимости. Свободная человеческая индивидуальность порой самозабвенно «рубит сук, на котором сидит». Существование (явление) диалектически переходит в сущность, становится сущностью, прокламирует себя в качестве сущности, а сущность совершает «шаг скромности» и переходит в существование, мимикрирует под него. Сущность как существование, под маской явления становится одной из многих. Она как бы стремится прослыть «за свою» среди потерявшего всякие ориентиры бесконечно многообразного существования. Хаотичный поток, в котором перемешано все: главное с неглавным, сущностное с являющимся, истина с ложью, родовое с индивидуальным, претендует диктовать человечеству и каждому народу в отдельности, объективные базовые условия бытия.

Итог хаоса — всегда отрицание. И, похоже, что свободная человеческая индивидуальность вступает в историю именно через *ничтожение*. «Восстание масс» оборачивается восстанием произвола свободных человеческих индивидуальностей. Опыняющий свободный выбор зачастую заканчивается полной никчемностью выбранного, из-за утраты сущностной укорененности. «Цветные революции» яркий тому пример. Открывшиеся людям увлекательные новые перспективы, энергичность свободного индивидуального развития при отрыве от сущностной укорененности, от традиционных ценностей, от семьи и рода оборачиваются доминированием старых — престарых деструктивных ориентиров, новизна ощущений оборачивается предметной пустотой и итоговым возвращением «на круги своя». Структура комплексной потребительной стоимости будет пробивать себе дорогу к умам людей до тех пор, пока не предстанет, наконец, как ясно осознанная.

Список литературы

1. Маркс, К. Форма стоимости // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 49. С. 139—164.
2. Marx, K. Capital: a Critique of Political Economy / K. Marx. Chicago : Charles H. Kerr and Co. Publ., 1909. Vol. I : The Process of Capitalist Production.
3. Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 // K. Marx, F. Engels. Werke, Ergänzungsband, 1 Teil. Berlin : Dietz Verlag Publ., 1968.
4. Невелев, А. Б. Форма стоимости в учении Карла Маркса как методологическая основа / А. Б. Невелев, А. Я. Камалетдинова, О. А. Брильц // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). Философские науки. Вып. 53. С. 83—85.
5. Невелев, А. Б. Комплексная потребительная стоимость как форма и мера предметного бытия человека / А. Б. Невелев, Н. Л. Худякова, А. Я. Камалетдинова // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 4 (438). Философские науки. Вып. 55. С. 5—9.

6. Сергейцев, Т. Идеология русской государственности. Континент Россия / Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой. СПб. : Питер, 2020. 688 с.

7. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари ; пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2019. 416 с.

Сведения об авторах

Невелев Анатолий Борисович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. filos@csu.ru

Камалетдинова Альфия Янаховна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. allakamaletdinova@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 7—11.

Tertiary formation: negation as the beginning

A.B. Nevelev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. filos@csu.ru N.L.

A.Ya. Kamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. allakamaletdinova@rambler.ru

We need a system of categorical coordinates in which the understanding of history takes place. K. Marx's formational approach seems quite productive and can methodologically cope with this task. The doctrine of prehistory and history, of the three formations, gives grounds to Express a version of the conceptual summary of the tertiary formation and to interpret modern history as a first approximation.

Keyword: *prehistory, history, formational approach, primary, secondary, tertiary formation, form of value, form of surplus value, form of complex use value, free human individuality.*

References

1. Marks K. Forma stoimosti [The Value-Form]. *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya* [K. Marx, F. Engels. Collected Works]. Vol. 49. Moscow, 1974. Pp. 139—164. (In Russ.).

2. Marx K. *Capital: a Critique of Political Economy. Vol. I. The Process of Capitalist Production.* Chicago, Charles H. Kerr and Co. Publ., 1909.

3. Marx K. *Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844.* Marx K., Engels F. *Werke, Ergänzungsband, 1 Teil.* Berlin, Dietz Verlag Publ., 1968. (In Germ.).

4. Nevelev A.B., Kamaletdinova A.Ya., Bril'ts O. A. Forma stoimosti v uchenii Karla Marksa kak metodologicheskaya osnova [Form of value in the doctrine of Karl Marx as a methodological basis]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2019, no. 8 (430), iss. 53, pp. 83—85. (In Russ.).

5. Nevelev A.B., Hudyakova N.L., Kamaletdinova A.Ya. Kompleksnaya potrebitel'naya stoimost' kak forma i mera predmetnogo bytiya cheloveka [Complex use value as a form and measure of a person's objective being]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2020, no. 4 (438), iss. 55, pp. 5—9. (In Russ.).

6. Sergejcev T., Kulikov D., Mostovoj P. *Ideologiya russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya* [The ideology of Russian statehood. Continent Russia]. St. Petersburg, Piter, 2020. 688 p. (In Russ.).

7. Harari Yu.N. 21 urok dlya XXI veka [21 lessons for the 21st century]. Moscow, Sindbad, 2019. 416 p. (In Russ.).

Методологические и теоретико-познавательные аспекты становления синергетического подхода к изучению социально-экономических явлений

Е. И. Арепьев, Е. С. Попченко

Курский государственный университет, Курск, Россия

Синергетическая методология все активнее разрабатывается и применяется в самых различных областях знания и междисциплинарных исследованиях. Этот процесс, активно начавшийся во второй половине прошлого столетия, давно уже требует историко-философского осмысления, выявления его этапов и закономерностей. Настоящая статья посвящена исследованию данного процесса в проекции на социально-экономическую сферу. Рассмотрение эволюции применения синергетического подхода в данной сфере позволяет прояснить его роль для науки и человеческого познания в целом, и, в то же время, представляет определенную эвристическую ценность для конкретных дисциплин.

Ключевые слова: *самоорганизация в социально-экономической сфере, синергетика, синергетическая экономика, философия и методология науки.*

В последние годы наблюдается значительный рост интереса к так называемому «эволюционному» подходу в экономике, который в настоящее время становится одним из приоритетных направлений современной экономической мысли. Конкуренция между действующими субъектами социально-экономической сферы, в условиях ограниченности ресурсов, возрастания роли технологий и информации, приводит к необходимости повышения эффективности их деятельности путём объединения производственных мощностей. В ходе научного осмысления этого явления в литературе стали чаще появляться такие специфические термины как микро- и макро- синергизм, сотрудничество, конгломерация и пр. Проблема осмысления феномена синергии, понимания того, какую роль это явление играет в процессах конкуренции социально-экономических систем разных уровней, становится особенно актуальной [11, с. 227].

Синергетика по-прежнему рассматривается как новая наука, неофициально применяемая в экономике. Синергетические исследования экономических процессов сосредоточены на изучении совместного поведения открытых систем разной природы, на изучении того, как они управляют своей сложностью, чтобы совершенствоваться, образуя что-то новое. Таким образом, синергетика в данном контексте выступает направлением, ориентированным на обеспечение сверхэффективности организаций и экономических систем, обладающих стратегическим потенциалом при объединении. Благодаря этому в сферу методо-

логического осмысления входит такое понятие, как синергия — совокупный результат взаимодействия субъектов, интегрируемых с помощью заново изобретенных и измененных инструментов [1, с. 4453].

Поскольку синергия возникает по совершенно разнообразным сценариям и причинам, синергетический подход в экономике выступает в роли междисциплинарного направления, находящегося в постоянном преобразовании. Экономические и социальные объекты становятся более открытыми, более динамичными и взаимосвязанными с элементами среды, в которой они функционируют, взаимодействуют друг с другом. Синергетический подход выдвигает на первый план возможность создания новых объект-субъектов за счет всесторонней интеграции социальных, экономических или других типов систем.

Возникает вопрос, предлагает ли синергетика новый подход к пониманию динамики экономических процессов? Для ответа на него обратимся сначала к эволюции методологических принципов в этой области.

Понятие «синергия» использовалось уже в XVII веке. Оно, видимо, происходит от греческого термина «συνεργία», который означает действие совместной работы или сотрудничества. В этот период понятие синергии в основном использовалась в теологической сфере при описании совместного действия человеческих усилий и божественной воли [8, с. 12]. В экономику же это понятие вошло в 60—70-х годах XX века, в рамках исследований открытых экономических

систем. По словам Л. П. Евстигнеевой, синергетический подход изначально касался лишь отдельных экономических проблем, будь то внутренние проблемы корпораций, либо вопросы развития отраслевого рынка и т. д. [3, с. 124]. Поэтому эта концепция медленно интегрировалась в менеджмент и экономику. В результате глагол «to synergize» был введен в английский язык только в 2009—2010 годах (в США), одновременно с усилением феномена синергетики в контексте глобального экономического кризиса [8, с. 13].

В настоящее время выделяется несколько этапов, характеризующих применение синергетики в изучении социально-экономических систем. Начальная стадия развития синергетики как междисциплинарного подхода, который можно применить в экономике, относится к периоду 1963—1970 годов, и связана с именем американского философа и математика Р. Бакминстера Фуллера¹, который подходит к открытым социально-экономическим системам как результатам синергетических эффектов, возникших спонтанными объединениями составляющих подсистем. Таким образом, он ускорил процесс становления синергетики как междисциплинарной методологии, уделяя внимание ее многочисленным производным в области точных и социальных наук. Еще один исследователь, — Игорь Ансофф², — вводит синергетику в исследование открытых экономических систем, подходя к этой концепции с точки зрения менеджмента [9].

Следующий этап применения синергетики в исследовании экономических процессов относится к 1971—1976 годам. В этот период четко просматривается междисциплинарный характер синергетического подхода, который обусловил взаимодействие с экономикой множества других сфер научных знаний, исследований перспектив научно-технологического прогресса, создавая предпосылки к диверсификации товаров и услуг. Ярким примером преобразований того периода является развитие форм стоимости и переход к Ямайской системе плавающего курса валют [4]. Этот процесс полностью отделил валютно-денежную форму стоимости от золотых запасов в мире, что привело к образованию более сложной системы валютных рынков, созданию новой системы обработки транзакций, способной объяснить целостность рынка. Этой проблемой занимались Дж. М. Кейнс, и Р. Коуз. Последнему удалось ор-

ганизовать систему из четырех транзакций — ценовых, правовых, социальных и информационных [3, с. 125]. Активное взаимодействие различных экономических и социальных систем между собой порождает новые самоорганизующиеся устойчивые аттракторы. Влияние оказывают последствия технологических прорывов, факт постоянно ускоряющихся информационных обменов между подсистемами экономического субъекта, и множество других причин. В связи с этим ученые приходят к выводу, что синергетика имеет универсальную применимость. Она применима и к человеческому разуму, и к поведению коллективов, сообществ, организаций (промышленных предприятий, например), и к большим экономическим системам. То есть к описанию явлений любого рода.

Третий этап связывают с кризисом формирования синергетики как прикладной науки в эмпирической экономике (1977—1982) [9]. Поскольку в конце 70-х годов нефтяной кризис затронул всю западную экономическую систему, находилось все больше противников применения синергетики в экономике. На микро- и макроуровне отмечались неоднократные неудачи в реализации синергетического подхода на практике. Возможно, одной из причин явилась популярность синергетики, благодаря чему этим понятием стали злоупотреблять, используя к месту и ни к месту. Сложилось ошибочное мнение, что тенденции самоорганизации выведут экономические отношения на благодатную почву сами по себе, что в конечном итоге привело к мировому кризису 1980—1982 года. И уже к концу 1980 года наблюдается спад интереса к синергетике. Многие считали, что синергетика оказалась привлекательной, красивой идеей, нереализуемой на практике. Экономическими субъектами эта идея часто использовалась как ширма для оправдания действий, осуществляемых ими по совершенно другим причинам (к примеру, с целью спекуляций и быстрого привлечения инвестиций). Эти действия оказали сильное негативное влияние на понимание и использование синергетического эффекта [9].

Очередной, четвертый этап характеризуется прагматическим подходом к синергетике в вопросах анализа социально-экономических процессов (1983—1994) [9]. Несмотря на уже весьма значительную изученность синергетических эффектов в экономической и управленческой литературе, некоторые корпорации резко поднялись в глобальной конкурентной иерархии в начале 1990-х годов, получая огромные объемы прибыли из, казалось бы, непредвиденных и незначительных экономических явлений, а синергетика дала очень мощный толчок самостоятельным

¹ См., например: Buckminster Fuller R. No more secondhand God: and other writings. Southern Illinois University Press, 1963. Pp. 123—161.

² Ansoff I. From Strategic Planning to Strategic Management. Wiley, 1976. Pp. 102—147 и др.

предприятиям. В итоге, деятельность организаций и даже целых отраслей (таких как Microsoft Corporation, Apple Inc., электронная промышленность Японии, факсимильная промышленность Тайваня и др.) была основана на принципе взаимодополняемости, новых технологий и непрерывной передачи «ноу-хау» между подразделениями с различными функционалом. Кроме того, восприимчивость к изменениям внешней среды и распространение межфункциональной поддержки сделали эти корпорации открытыми, в отличие от классических конкурентов. В результате, синергетика заново изобрела себя, превратившись в возобновляемую совокупность систематических знаний о самоорганизации, основанных на практическом положительном опыте.

На пятом этапе, этапе консолидации, синергетический подход всё активнее применяется в социально-экономической сфере (1995—2006 гг.). В результате его развития рост экономики стал достигаться за счет объединения денежных капиталов организациями, активного внедрения «ноу-хау» и создания совместных кооперативов (Транснациональных корпораций). Синергетика стала применяться эффективнее, главным образом в областях экономики и антикризисного управления. Трактовки синергетики были обновлены в западных словарях, причем первым критерием объяснения феномена самоорганизации был экономический и управленческий критерий. В период с 1995 по 2006 год большая часть книг, опубликованных в мире по теме синергетики, касалась ее экономической составляющей, уделяя особое внимание следующим вопросам: самоорганизации в результате слияний, поглощений и союзов, организационные процессы, объясненные через синергетику в экономических системах, снижение затрат за счет выявления и оптимального использования взаимозаменяемых ресурсов функционирующей экономической системы, использование синергетического эффекта коллаборационными сетями. Изучается также создание нового уровня экономической деятельности, развитие пространственных синергетических сетей, определяющих консолидацию региональных (национальных) кластеров и т. д. [9].

Шестой, последний из выделяемых ныне периодов, характеризуется оценкой возможностей синергетической экономики в решении ряда других важных проблем (2007 г. — наши дни). Сейчас, когда многие страны стали претерпевать экономический спад и целые отрасли производства оказались затронуты глобальным экономическим кризисом, синергетика нацелилась на поиск причин, которые привели к затяжной мировой депрессии. Рассматриваются новые возможности,

возникающие в этот нестабильный период по тем же синергетическим принципам, что и затронувший весь мир кризис, их потенциальное влияние на экономическую ситуацию.

Эти исследования привели к началу эры востребованности синергетического потенциала, причем синергетика рассматривается как одно из основных решений для выхода из возникшего хаоса. Американские исследователи обратили внимание на тот факт, что синергия не является единым явлением. Это непрерывный ход событий, в которых существует множество способов использования возникающих социально-экономических явлений и процессов в свою пользу, либо же, в случае принятия неверного шага, пагубно влияющих на экономику, в большей или меньшей степени, что вызовет новую цепочку событий. Можно заметить переход от обособления экономик многих государств к воссоединению и активному сотрудничеству, объединению мощностей для консолидации стратегически важных географических позиций, при этом наблюдается тенденция к продвижению общих интересов на мировой политической арене [7, с. 14].

Материальная и нематериальная составляющая экономических синергетических явлений образует очень сложную взаимосвязанную систему, которая хранит в себе потенциалы разной природы, грамотное использование которых позволяет экономическим субъектам реализовать желаемые сценарии. В литературе делается упор на причины самоорганизации уже возникших социально-экономических явлений, считается, что «это сыграет главную роль в создании целостной картины понимания сути синергетического подхода к анализу и прогнозированию социально-экономических процессов» [9]. В современной методологии и философии науки важной установкой является эффективная передача полученных знаний для использования природных и других ресурсов, необходимых в материальном и духовном производстве. От синергетических эффектов и, значит, от изучающей эти эффекты синергетики в значительной степени зависит дальнейшее развитие экономики и общества в целом.

Как известно, рассмотрение качественных изменений в синергетике основано на постоянной структурной нестабильности открытых систем и возникновении бифуркационного поведения. Последнее, в свою очередь, основано на существовании гиперболической неподвижной точки равновесия — фундаментального понятия, присущего динамическим системам. Таким образом, наличие качественных изменений неразрывно связано со сдвигами из состояния равновесия, которые далее ведут к неустойчивым многообразиям [1,

с. 4456]. Важным остается вопрос о степени открытости развивающихся экономических процессов по сравнению с теми, которые рассматриваются в естественных науках. Особенность самоорганизации состоит в том, что само проявление синергии как явления можно наблюдать лишь в переходах между условиями, которые соответствуют определению стационарного состояния. Однако, когда мы входим в социально-экономическую область, мы обычно сталкиваемся с системами, которые большую часть времени являются открытыми и нестабильными. Таким образом, в экономических процессах исследователи предпочитают выделять «кратковременные равновесные состояния», что позволяет использовать синергетический подход без особых оговорок [2, с. 4].

Однако вопрос о том, можно ли исходить из установки о кратковременности равновесных состояний в социально-экономических системах, еще не решен. Например, полученные знания о макроэкономических процессах, произошедших за более-менее четкие промежутки времени, показывают, что образованные в результате этих явлений экономические системы стабильны. В то же время можно предположить, что во многих случаях рассматриваемый нестабильный процесс является эволюционным, привносящим что-то новое и может рассматриваться как проявление последовательного развития.

Как было показано в ряде исследований¹, если в процессах экономического роста инициаторами становятся какие-либо технические инновации, то такие переходы можно считать стабильными. Только при приближении к условиям квазистационарности, — в фазе насыщения траектории логического роста, — возникает структурная нестабильность и связанные с ней короткие фазы структурной нестабильности. Таким образом, в экономической эволюции часто возникают процессы, которые являются неравновесными по своему характеру, проявляя непрерывные структурные изменения, которые можно разделить на стабильные (медленные) и нестабильные (быстрые) переходные фазы.

Для синергетики важно, происходят ли структурные изменения в равновесном или неравновесном состоянии системы. В случаях, когда наблюдается преобразование неавтономной системы в автономную достаточно просто обосновать причины такого преобразования и показать наличие эволюционных изменений. Эволюционные про-

цессы по своему определению являются эндогенными и нестабильными [2, с. 11]. Имея дело с самоорганизацией в эволюционных экономических процессах, мы нуждаемся в методах исследования «переходного» поведения, связанного с количественными и качественными изменениями, хотя в современной литературе большее внимание уделяется асимптотическим свойствам равновесных систем.

Так как в большинстве случаев события социально-экономической сферы не могут быть воссозданы в виде контролируемых экспериментов, а там, где удастся что-то подобное, все равно невозможны многократные повторения, дающие объективную информацию о вероятностных характеристиках исследуемых систем, исследования их синергических свойств затруднены. Несмотря на то, что собранные данные статистических тестов предполагают, что модель построена правильно, уверенность в подобных заключениях весьма сомнительна, учитывая сложность и неопределенность большинства экономических процессов. В отличие от физических наук, в экономике нет фундаментальных уравнений движения.

Все это убедило ученых в необходимости исследования процессов самоорганизации в социально-экономической сфере на основе новых принципов. Экономисты, работающие в области теории хаоса, продемонстрировали, что детерминированные нелинейные модели способны производить результаты, которые имитируют тип поведения, обычно связанный со случайными процессами. Математическая модель, тем не менее, не может дать нам полную картину, потому что это закрытая и детерминированная форма, в то время как процесс самоорганизации является эндогенным и открытым. Эндогенность и открытость здесь гораздо более заметны, чем в физико-химических или даже биологических формах самоорганизации, что делает детерминированное математическое представление гораздо менее приемлемым способом познания.

Структурные изменения могут отражать, прежде всего, совокупность факторов, которые имеют базовую характеристику кратковременной шкалы вариаций. Чаще всего, наша способность предсказывать приближение структурного изменения в системе связана с определенными краткосрочными явлениями во внешней среде, с которой исследуемая открытая система активно взаимодействует. Это контрастирует с исследованиями на большой выборке, в тех случаях, когда становится возможным идентифицировать структурные изменения только после того, как они уже произошли, тем самым, не давая возможности для прогнозирования

¹ См., например: Смородинская Н. В. Шумперианская теория роста в контексте перехода экономических систем к инновационному развитию // *Journal of Institutional Studies*. 2019. № 11 (2). С. 61—76.

их вероятности возникновения или для предсказания аналитиками хотя бы примерной очередности событий, ожидаемых в исследуемой системе до того, как они действительно возникнут. С точки зрения прогнозирования неполноценное знание всей структуры и особенностей анализируемой социально-экономической системы вызовет проблему построения ложной модели прогнозов с использованием оцененных параметров. Неполноценный анализ структурной нестабильности часто приводит к большим ошибкам прогнозирования.

Синергетическая экономика, разделенная на шесть последовательных фаз развития, изучает конкретные явления экономических систем в процессе трансформации с целью достижения динамического равновесия. Это касается не только различных видов деятельности, которые объединяются для достижения общей экспоненциальной цели, но также представляет собой науку о само(ре)организации открытых экономических систем на основе всеобъемлющих отношений сотрудничества составляющих их единиц, порождающих глобально особое поведение. Переходная фаза от состояния порядка к состоянию беспорядка (или от состояния стабильности к состоянию нестабильности) представляет собой критическую точку, в которой системы или яв-

ления становятся синергетическими, кажущийся хаос играет важную роль в усилении выгодной (превосходно реорганизованной, новой) системы посредством инновационных или переосмысленных совместных процессов.

В естественных науках исследование процессов самоорганизации привело к новым способам понимания стабильности и структурного перехода. Соответствующие методы уже разработаны и применяются в экспериментальных условиях. Однако синергетическому подходу в экономике необходимо объединиться с неэкспериментальной экономической теорией традиционного типа. Требуется двойное развитие: экономический анализ должен проводиться в рамках синергетической парадигмы, а синергетика структурной стабильности, нестабильности и переходного периода должна быть изменена с учетом уникального характера экономической эволюции. Экономическая самоорганизация включает в себя непрерывный эволюционный переход, который является нелинейным, но стабильным в течение значительных периодов времени. Нестабильность — это норма, при которой происходят быстрые переходы от одного нестабильного процесса к другому. Таким образом, именно синергетика становится перспективой исследований в социально-экономической сфере.

Список литературы

1. Алтунина, Т. М. Принципы самоорганизации в методологии исследования социально-экономических систем / Т. М. Алтунина, Л. А. Чернышев // *Economic sciences*. 2015. № 2. С. 4452—4457.
2. Дерябина, М. А. Самоорганизация социально—экономических систем: теоретические основания : науч. докл. / М. А. Дерябина. М. : Институт экономики РАН, 2018. 34 с.
3. Евстигнеева, Л. П. Становление экономической синергетики / Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 122—133.
4. Кристаллинская, О. М. Ямайская валютная система. От истоков до кризиса / О. М. Кристаллинская // *Символ науки*. 2016. № 1-1 (13). С. 129—132.
5. Кузнецов, Б. Л. Экономическая синергетика как методология экономического развития / Б. Л. Кузнецов // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2014. № 5 (55). С. 26—30.
6. Новоселова, Т. Н. Синергетика: новые ориентиры финансовой политики / Т. Н. Новоселова // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2016. № 6. С. 46—48.
7. Поликарпов, В. С. Экономика Востока и Запада: методологические подходы / В. С. Поликарпов, А. Н. Кузьминов, Е. В. Поликарпова, В. А. Поликарпова. Ростов н/Д., 2015. 180 с.
8. Шманев, С. В. Институционально-синергетический подход к решению проблем управления инновационно-инвестиционной деятельностью как системой / С. В. Шманев, Л. В. Шманева, Т. Н. Егорова. // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2015. № 3 (16). С. 11—18.
9. Stan, L. M. Synergetic Economics. Scientific Approaches of Synergistic Economic Networks and Systems / L. M. Stan // *CS-DC'15 World e-conference*. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01291111/2015> (дата обращения: 12.03.2021).
10. Foster, J. Economic evolution and the science of synergetics / J. Foster, P. Wild. // *Journal of Evolutionary Economics*. 1996. P. 236—260.
11. Baranzini, M. Economic structure: analytical perspectives / M. Baranzini, R. Scazzari. // *The economic theory of structure and change*. — UK, 1990. P. 227—333.

Сведения об авторах

Арепьев Евгений Иванович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Методология и философия науки», факультет философии и социологии Курского государственного университета, Курск, Россия. *arepiev@yandex.ru*

Попченко Евгений Сергеевич — аспирант кафедры философии Курского государственного университета, Курск, Россия. *eug.popchenko@yandex.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 12—17.

Methodological and theoretical-cognitive aspects of the formation of a synergetic approach to the study of socio-economic phenomena

E.I. Arepiev

Kursk State University, Kursk, Russia. arepiev@yandex.ru

E.S. Popchenko

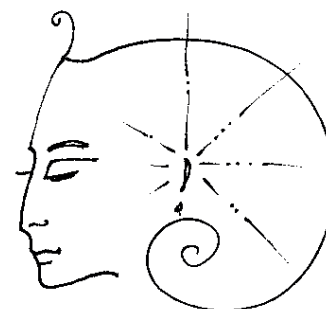
Kursk State University, Kursk, Russia. eug.popchenko@yandex.ru

Synergetic methodology is developing more actively. It's applied in various fields of knowledge and interdisciplinary research. This process, which started in the second half of the last century, has required a historical and philosophical understanding, identification of its stages and patterns a long time ago. This article is devoted to the study of this process in projection onto the socio-economic sphere. Consideration of the application of synergetic approach in this area from point of view of evolution makes possible to clarify its role for science and human cognition in the whole, and, represents a certain heuristic value for specific disciplines at the same time.

Keywords: self-organization in the socio-economic sphere, synergetics, synergetic economics, philosophy and methodology of science.

References

1. Altunina T.M. Printsipy samoorganizatsii v metodologii issledovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Principles of self-organization in the methodology of researching socio-economic systems]. *Ekonomicheskiye nauki* [Economic sciences], 2015, no. 2. pp. 4452—4457. (In Russ.).
2. Deryabina M.A. *Samoorganizatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: teoreticheskiye osnovaniya* [Self-organization of socio-economic systems: theoretical foundations]. Moscow, 2018. 34 p. (In Russ.).
3. Yevstigneyeva L.P. Stanovleniye ekonomicheskoy sinergetiki [Formation of economic synergetics]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2012, no. 1, pp. 122 — 133. (In Russ.).
4. Kristalinskaya O.M. Yamayskaya valyutnaya sistema. Ot istokov do krizisa [Jamaican monetary system. From the origins to the crisis]. *Simvol nauki* [Symbol of science], 2016, no. 1—1 (13), pp. 129—132. (In Russ.).
5. Kuznetsov B.L. Ekonomicheskaya sinergetika kak metodologiya ekonomicheskogo razvitiya [Economic synergetics as a methodology of economic development]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ural State University of Economics.], 2014, no. 5 (55), pp. 26—30. (In Russ.).
6. Novoselova T.N. Sinergetika: novyye oriyentiry finansovoy politiki [Synergetics: new guidelines for financial policy]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and business: theory and practice], 2016, no. 6, pp. 46—48. (In Russ.).
7. Polikarpov B.C. *Ekonomika Vostoka i Zapada: metodologicheskiye podkhody* [Economy of the East and West: methodological approaches]. Rostov-na-Donu, 2015. 180 p. (In Russ.).
8. Shmanev S.V. Institutsional'no—sinergeticheskiy podkhod k resheniyu problem upravleniya innovatsionno-pinvestitsionnoy deyatel'nost'yu kak sistemoy [Institutional-synergetic approach to solving problems of management of innovation-investment activity as a system]. *Izvestiya Yugo—Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [News of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management], 2015, no. 3 (16), pp. 11—18. (In Russ.).
9. Stan L.M. Synergetic Economics. Scientifical Approaches of Synergistic Economic Networks and Systems. *CS-DC'15 World e-conference*. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-012911112015>, accessed 12.03.2021.
10. Foster J. Economic evolution and the science of synergetics. *Journal of Evolutionary Economics.*, 1996, pp. 236-260.
11. Baranzini M. Economic structure: analytical perspectives. *The economic theory of structure and change*. United Kingdom, 1990. Pp. 227—333.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 18—25.*

УДК 215:1
ББК 87

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10203

Специфика религиозно-философского синкретизма

О. Н. Демченко, И. В. Демченко

Норильский государственный индустриальный институт, Норильск, Россия

В статье дается характеристика сущности, механизма и особенностей процесса синкретизации религии и философии. Отмечается, что посредником между религией и философией выступает теология, которая решает две задачи: проводит «теологизацию философии» и осуществляет «философизацию» теологии. Особое внимание обращается на взаимодействие христианской теологии и философии в современных условиях.

Ключевые слова: философия, религия, религиозный синкретизм, религиозно-философский синкретизм, процесс синкретизации, теология, христианство.

В современных условиях отношения религии и философии приобретают актуальное значение в связи с поиском новых духовных ориентиров цивилизационного развития. Потребность этого поиска продиктована кризисными явлениями конца XX столетия, которые привели к возникновению глобальных проблем. Выбор стратегий выживания человечества оказывается сопряженным с проблемой взаимодействия различных сфер культуры. Историческая связь религии и философии представляет собой процесс взаимопроникновения и столкновения этих типов мировоззрения, их противоборства по поводу идеалов человеческого бытия, ведущих факторов развития культуры, роли и места светского и религиозного в жизни общества.

Продуктивным для изучения процесса эволюции религии и ее отношений с мирскими феноменами культуры выступает понятие религиозного синкретизма, означающее «объективный процесс объединения, слияния различных, как рациональных, так и иррациональных, элементов в ходе их взаимодействия друг с другом и образования новой целостной системы мировоззрения, мироощущения и культа со своей специфической структурой [3, с. 13]. Любая религиозная система

не существует в «чистом виде» как исключительно иррациональная, а представляет собой особый сплав рациональных и иррациональных компонентов.

Религиозные представления, символы, образы и чувства не исчерпывают всего содержания религиозного сознания. В нем неизбежно присутствуют и рациональные моменты, порожденные стремлением религии обеспечить доступное восприятие, общезначимое понимание и трансляцию содержания религиозной веры. Ибо «отказ от понимания и слов идет против человеческой природы, против потребности людей осмыслить жизнь и опыт. Оставаясь лишь в сфере неопределенных внутренних состояний, вера оказывается перед опасностью превратиться в «убежище», которое не имеет никакого отношения к нашим действиям» [7, с. 74].

Фазы эволюции религии выражает не только контаминация иррациональных элементов, но и своеобразная взаимосвязь религии с господствующими в социуме определенной исторической эпохи понятиями и идеями философии, политики, права, морали, экономики, искусства. Религия вынуждена их увязывать со своими вероисповедными постулатами, чтобы удовлетворять интел-

лектуальные и духовные запросы верующих, поддерживать свою актуальность и социальную значимость в обществе. Таким образом, процесс синкретизации рационального и иррационального в религии носит закономерный характер обусловленный, как внутренними потребностями эволюции религиозного комплекса, так и его постоянными контактами с различными светскими областями общественной жизни.

Религия это особый идеологический опыт освоения мира, в котором ведущую роль играют не разум и логика, а мироощущение. В этом аспекте она предстает как личное, глубоко интимное переживание Бога, истины Откровения как истины спасения. Религиозное мировоззрение апеллирует к авторитету священных текстов, иррациональным аргументам, его положения имеют форму догматов и отличаются непримиримостью к альтернативным взглядам. Религиозные представления, как отражение опыта массового сознания, получают систематизацию и осмысление в рамках теологии. Теология является посредником в отношениях религии и философии, выполняя функцию концептуального обоснования и санкционирования религиозного мировоззрения. Она представляет собой совокупность религиозных учений о Боге, основанных на текстах Священного Писания. Теология выступает как мышление внутри церковной организации, подчиняется ее авторитету и канонам.

Философия существует в принципиально иной системе координат — рефлексивность, свободное исследование, отрицающее власть авторитетов, опора на опытное знание, критический анализ, готовность к пересмотру своих принципов и выводов, обсуждение и полемика при решении любых вопросов. Особенность философии состоит в том, что она стремится синтезировать знание о первоосновах бытия с конечными целями человеческого бытия, которые формируются в качестве этико-нормативной программы деятельности и поведения [2, с. 5]. Интерес философии к поиску совершенных форм жизни, экзистенциально-аксиологическим проблемам сближает ее с теологией, хотя в их способе постановке и решении между ними имеются существенные различия.

Результатом объективного процесса взаимодействия теологии и философии выступает религиозно-философский синкрет — своеобразное объединение компонентов философского знания и религиозного вероучения и опыта. Философские концепты и методы, проходят тщательный-предварительный отбор и реконструкцию своего смысла и функциональной направленности в соответствии с догматическими ценностями, а затем

внедряются в религиозную систему и используются в служебных целях. Такой механизм синкретизации обеспечивает сохранение инварианта, доктринальной матрицы сакральной системы, достаточно сбалансированные и мобильные формы взаимосвязи рационального и иррационального в ее содержании и структуре. Прибегая к философии как аналитическому инструменту для истолкования и разъяснения божественных истин, теология закрепляет за ней исключительно служебную роль.

Вместе с тем, связь с философией создает для религии зону повышенного риска, порождающую множество проблем. Они обусловлены тем, что даже интегрированные в вероучение и находящиеся в сфере его контроля и регулирования рациональные компоненты продолжают сохранять свой светский характер и функции, противоречащие гносеологической и социальной природе религии. Это приводит к внутреннему напряжению внутри вероисповедного комплекса, явной или скрытой деформации его иррациональных элементов, размыванию их устойчивости и целостности. Интерпретация и переплавка рационального в религии имеет свои объективные границы, продиктованные невозможностью полного подчинения его содержания и функциональной направленности в иррационально-мифологической системе. Отсюда существование в теологическом мышлении полярных тенденций — к трансформации и консервации, новаторству и ортодоксии, фундаментализму и модернизму. Такая амбивалентность позволяет религии сохранить интеллектуальную привлекательность, системообразующее догматическое ядро и, одновременно корректировать и модифицировать различные аспекты вероучения.

В отношении с философией, теология акцентирует внимание на сложности и проблематичности философского знания, существование неоднозначных вариантов решения философских вопросов в рамках различных школ, отрицание рядом философских течений мировоззренческих проблем. Как правило, теологическая мысль обращается к теоретико-методологическим ресурсам философского идеализма и иррационализма, которым внутренне свойственна религиозная апологетика. Общность исходных методологических принципов облегчает включение их понятий и положений в теологические построения, дает возможность задействовать их в качестве уточненных средств богословского конструирования. Теология всегда делает ставку на фидеистские и теистические моменты, присутствующие в содержании идеалистических и иррационалистических учений. Выстраивая связи с философией,

теология прибегает к критике, одних неприемлемых для религии философских взглядов, посредством других; комбинированию различных, порой противоположных друг другу философских идей и способов доказательств, для решения богословских вопросов.

В ходе контактов с философией, перед теологией встают две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, осуществлять «теологизацию философии» — обосновывать преимущество религиозного способа познания, защищать вероучение от разлагающего воздействия рационально-критических элементов. С другой стороны, проводить «философизацию теологии» — избирательно усваивать и использовать логико-дискурсивные средства для достижения апологетических, конструктивно-систематических и других целей.

Взаимодействие религии и философии актуализируется в эпоху социальных преобразований, когда перед теологией встает проблема выражения на языке неизменных догматических формул нового содержания. Так, обращение христианства к античной философии было продиктовано необходимостью разработки и утверждения вероисповедных положений, защиты их от ересей. Представители патристики сформулировали и обосновали своеобразный религиозно-философский синкретизм на базе рационального объяснения постулатов вероучения, осуществив синтез евангельской веры и философского мышления античности. Например, учение Августина представляет собой продукт «платонического истолкования христианского откровения» (Э. Жильсон), где основой христианского рационализма выступает иррационализм.

В дальнейшем, исходя из трактовки теологии как «веры, ищущей разумения», католическая мысль устремляется на поиск логических средств более полного объяснения доктринальных истин, что приводит к формированию особого комплекса спекулятивного верознания (схоластики). Господствующей становится модель Фомы Аквинского, согласно которой философия вливается в состав теологии в качестве необходимого введения в сферу религиозной веры и обслуживает ее потребности. Однако, проникновение рациональных элементов в содержание теологии (Абеляр, Сигер Брабантский и др.) создавало предпосылки для размежевания философии и религии. Взаимовлияние философии и религии заключалось в том, что христианство переориентировало философию на познание сверхприродных объектов. А философия дополнила эмоционально-волевою связью человека с Богом, рациональным компонентом, направленным на осмысление и доступное понимание природы трансцендентного.

Реформация разрывает схоластический тип связи религии и философии. Идеологи Реформации выступили против участия философии в делах веры. Тем не менее, Ж. Кальвин, чтобы нейтрализовать критику христианства со стороны ренессансной философии («теория обмана») и доказать врожденность религиозности, обращается к идеи Цицерона об изначальной заложенности в человеке семян веры [14, с. 75]. Несмотря на усиливающееся размежевание философии и религии в Новое время, процесс взаимообмена между ними сохраняется. В теологические конструкции проникают элементы механистического материализма, аргументация скептических учений, ставивших под вопрос достоверность науки и метафизики. Философская критика Библии (Т. Гоббс, Б. Спиноза) стимулировала появление либеральной школы в протестантизме, применяющей исторический метод изучения библейских текстов. Обратное влияние религии на философию обнаруживается в теодицеи Г. Лейбница, «философии откровения» Ф. Шеллинга. Наиболее ярко сращивание религии и философии представлено в системе Г. Гегеля. В его концепции философия поглощает теологию и рассматривается как всеобщий способ мышления о сверхчувственном и трансцендентном, раскрывающий с помощью понятий разума содержание религии.

Секуляризация культуры в современную эпоху порождает ситуацию религиозного плюрализма, которая проявляется на уровне идеологии в сосуществовании различных теологических учений, в расширении процесса их внутренней дифференциации. Теологическое разнообразие создает конкурентную среду, в рамках которой происходит поиск и отбор наиболее успешных концептуальных моделей. Многоликость теологии стимулирует ее контакты с разнотипными философскими подходами, что позволяет религиозной мысли использовать наиболее соответствующий проблемной ситуации и теистической установке философский инструментарий. Влиятельность, респектабельность, теоретическая новизна и актуальность философских идей служат критериями теологического выбора. В результате религия получает возможность модернизировать способы богословской аргументации и разработать интеллектуально выверенные варианты доказательства истинности своих положений, более доступные, понятные и убедительные для «рационализованного» общественного сознания и тем самым эффективно противостоять вытеснению на периферию общественной жизни, претендовать на восстановления статуса ведущей духовно-культурной силы в обществе.

Концептуальным базисом современной теологии служит религиозная антропология, которая широко использует положения и методы современной философской антропологии, феноменологии, экзистенциализма, психоанализа для решения религиозных задач [5; 6; 8; 9; 21]. Теистически истолкованные идеи интенциональности сознания, «открытости человека миру», опытным переживании трансцендентного, потребности личности в символе служения выступают аргументами в пользу вывода об укорененности религии в инвариантных структурах внутреннего мира человека, принципиальной обоснованности догматических принципов, неразрывной связи религиозной веры с поиском смысла жизни, неизбежности обращения человека к религиозному способу бытия [8. С. 35-38]. Религиозная антропология становится главным инструментом антропологического обоснования религии, актуализации этико-гуманистического содержания христианского вероучения.

Приоритетом современной католической теологии является утверждение «человеческого в божественной истине», а основной темой — миссия человека в мире, поиск сакрального измерения индивидуальной и общественной жизни. Показательно в этом плане учение Ж. Маритена. В гносеологии католический мыслитель использует теистически препарированное феноменологическое понятие интенциональности для обоснования вечного присутствия в сознании человека трансцендентного. С целью критического анализа технократической цивилизации Ж. Маритен прибегает к аргументам учений С. Кьеркегора и Л. Шестова. В его историософии сопрягаются идеи провиденциализма и эсхатологизма с идеей прогресса общества. В качестве идеала цивилизационного развития провозглашается «интегральный гуманизм» — особый симбиоз христианской этики и ценностей современной демократии [10, с. 113].

Современный протестантизм также обнаруживает в философии новые возможности для современного выражения христианской веры. Подтверждением этого является «теология процесса» (Ч. Хартсхорн, Дж. Кобб, А. Пикок), синтезирующая концептуальный аппарат философии Г. Гегеля и А. Уайтхеда с религиозным видением мира. Теология процесса утверждает приоритет становления над субстанцией, наряду с вечностью и неизменностью, полагает важным атрибутом Бога временность и изменчивость. Она отстаивает идею теистического эволюционизма, согласно которой Бог еще не закончил процесс творения мира, а создает его непрерывно. Бог — соучастник процесса космической эволюции, он присутствует в каждом акте творения, учится

и развивается вместе с ним. Становление мира это одновременно и процесс становления Бога, который по отношению к миру и имманентен, и трансцендентен. При этом деятельность людей на Земле, также оказывает влияние на этот процесс. В результате обосновывается непротиворечивость атрибутов Бога, который отождествляется с творческим потенциалом Вселенной и культуры и динамически соотносится с историей общества, принцип человеческой ответственности за судьбу мира [13].

Наиболее интенсивное освоение философского материала осуществляется в различных версиях религиозного модернизма, в которых первичность религиозного опыта по отношению к Священному Писанию является базисной чертой. Так, в «теологии надежды» Ю. Мольтманна заимствуются установки «отрицательной диалектики» философии культуры Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно). Религиозная вера у него выступает как критическая свобода, а церковь как место ее воплощения, где верующие сознательно обретают христианскую надежду перед лицом эсхатологической перспективы [11, с. 139]. В «посттеистической теологии» Д. Зелле для обоснования новейших форм религиозного опыта сплавляются элементы критики религии Л. Фейербаха, К. Маркса, Э. Фромма, положения психоанализа К. Г. Юнга и Р. Лэнга. А в феминистской теологии Э. Мольтман-Вендель категории психоанализа применяются для новой интерпретации образа Христа в парадигме взаимности-взаимозависимости как базисной структуры отношений между людьми и человека к Богу [12, с. 102].

Наконец, в «секулярной теологии» Х. Кокса, просматривается воздействие идей атеистического экзистенциализма А. Камю, а радикальная теология «смерти Бога» (Т. Альтицер, У. Гамильтон) формируется под явным влиянием критики христианства Ф. Ницше [1, с. 92—93]. В деконструктивистской теологии (К. Рашке, М. Тэйлор) используются концепты философии Ж. Дерриды для обоснования способа восприятия Абсолюта в постхристианском мире балансирующего на грани веры и неверия, теизма и атеизма, светского и религиозного [15].

Современное православие в своих отношениях с философией, исходит из традиционного понимания богословия не как абстрактного теоретизирования о «неведомом Боге», а как поиска личной встречи с Ним, мистического сверхчувственного созерцания Творца, духовной практики (аскетики). Задача богословия состоит в уяснения и наиболее точной формулировке богооткровенных истин, которые не нуждаются в логических

доказательствах. Вместе с тем православная церковь не может не учитывать происходящие кардинальные трансформации, обуславливающие острую потребность в богословском ответе на вызовы секулярного мира. В этой связи ведущей задачей церкви становится развитие православного богословия, утратившего значительной степени влияние на церковную жизнь и находящегося в состоянии стагнации.

По мнению православных мыслителей (митрополит Антоний (Блум), митрополит Иларион (Алфеев), епископ Каллист (Уэр) и др.), развитие богословия невозможно в отрыве от духовной аскетической традиции, без «неопатристического синтеза» — творческого «вхождения в разум Отцов» и «обретение духа Отцов Церкви», умевших выражать «кафолическое самосознание Церкви» [19, с. 507]. Характерной чертой богословия должна стать максимальная открытость проблемам современного общества и глубокая укорененность в церковном Предании. Она предполагает критическое освоение достижений философской мысли для того, чтобы свидетельствовать о православной истине на языке современной философии и культуры, разработать современные способы выражения православной веры и совершенствовать рациональную сторону догматических положений [18, с. 10].

В этом отношении ключевое значение для православия приобретает русская религиозная философия. Последняя рассматривается в качестве общемировоззренческой доктрины, в которой происходит соединение церкви с обновленной системой философско-богословских идей, раскрывающих богатое содержание и жизненность православной религии. Православные богословы избирательно подходят к наследию русской религиозной мысли. Так, при истолковании роли православной церкви в истории России богословы используют тезисы славянофилов, при оценке науки и роли человека в обществе — взгляды В. С. Соловьева, при анализе религиозного познания и культа — воззрения П. А. Флоренского [23, с. 49]. Следует подчеркнуть, что интегрируя в свои концептуальные построения идеи русских религиозных философов, православные богословы с неизбежностью наследуют присущие им противоречия, что существенно ограничивает возможности использования их воззрений.

Анализ современной теологии демонстрирует синкретический характер ее концептуальных положений. Состыковываясь и сращиваясь с теологическими представлениями, философские концепты и установки оказывают существенное влияние на характер и формы модификации рели-

гии, способы обновления церковного вероучения. В ряде случаев философские учения могут играть не только вспомогательную роль, но и выступать в качестве основания теологических дисциплин, источника богословских новаций, площадки идейных экспериментов, направленных на решение актуальных проблем. Взяв курс на расширение взаимодействия с философией, современные теологи стремятся не допустить обратного эффекта — философизации теологии в результате подмены догматических определений логическими понятиями. В богословских изысканиях делается упор на сохранении самоидентичности вероучения, строгом контроле процесса отбора и внедрения философских элементов с тем, чтобы блокировать или ослабить их негативное влияние и избежать растворения в рациональном дискурсе ключевых доктринальных принципов.

В свою очередь, построения религиозного модернизма привлекают внимание представителей философского идеализма. Они включают теологическую аргументацию в свои теории, обращаются к теистическим способам доказательств теоретических конструкций. Поэтому их учения нередко представляют собой рационализированную теологию [4, с. 192—253]. Особенно заметно влияние религии проявляется в морально-этическом, аксиологическом, антропологическом аспектах философского знания. В последнее время в европейской философии наблюдаются попытки использования теологических концепций для преодоления кризиса постмодернистской культуры [16].

Исследование отношений философии и религии показывает, что в ходе их развития возникает последнее глубинное противоречие между исходными каноническими постулатами и логической формой их обоснования. Эволюция теологической мысли представляет собой непрерывный процесс поиска оптимальных моделей соотношения рационального и иррационального, катафатики и апофатики, традиционализма и модернизма с целью формирования целостной и непротиворечивой доктринальной системы. В результате содержание вероучения и богословских конструкций выступает как синкретическое образование, специфический синтез религиозно-мифологических представлений и рационально-логических элементов, разнотипных философских и теистических подходов и методов.

Идеи диалога, плюрализма и толерантности играют ведущую роль в формировании культуры современного общества. Этим определяется стремление философов и теологов реалистически оценить возможности диалога религии и фило-

софии, трудности консенсуса и опасности конфронтаций. По мнению митрополита Минского и Слуцкого Филарета, богословие и философия предполагают друг друга, имеют единый вектор интеллектуального движения, у них существует общее пространство мысли, которое необходимо создавать и расширять «в процессе содержательного диалога, который будет полезен как богословам, так и философам» [17, с. 21]. Действительно, такой диалог является востребованным и обладает мощным эвристическим потенциалом. В частности, как показывают исследования, только в перспективе диалогической конвергенции современной философии и исихастской традиции, можно найти решение важных методологических и герменевтических проблем наук о духе и человеке [20, с. 31]. Представляется, что именно аксиологическая и культурно-антропологическая проблематика может стать зоной продуктивного взаимодействия богословия и философии.

Как свидетельствует история, конфликт между философией и религией возникают тогда, когда

вероисповедные принципы принимают форму догматов и отвергают рациональную критику, логические доводы. Это начинают осознавать и сами представители теологии, которые подчеркивают, что «Радикальная самокритика христианства делает его наиболее способным к универсальности — до тех пор, пока оно сохраняет эту самокритику как силу, присутствующую в его жизни» [21, с. 214]. В свою очередь, современная философия открывает новые пути изучения религии, стремится раскрыть и освоить ее эвристический и духовно-нравственный потенциал, понять религиозное как составной компонент целостного человеческого опыта.

Приобретая открытый и непрерывный характер, диалог религии и философии выступает важным фактором конструктивного сотрудничества представителей религиозного и светского мировоззрения. Он органично включен в процесс формирования новой ценностной парадигмы современной цивилизации, обеспечивающей ее устойчивое и безопасное развитие в XXI в.

Список литературы

1. Боков, Г. Е. Парадоксы «христианского атеизма». Некоторые особенности радикального протестантского теологического модернизма третьей четверти XX века / Г. Е. Боков // *Религиоведение*. 2017. № 4. С. 86—96.
2. Гусейнов, А. А. Философия между наукой и религией / А. А. Гусейнов // *Вопросы философии*. № 8. 2010. С. 4—11.
3. Капустин, Н. С. Особенности эволюции религии / Н. С. Капустин. М. : Мысль, 1984. 222 с.
4. Кимилев, Ю. А. Философия религии: Систематический очерк / Ю. А. Кимилев. М. : NotaBene, 1998. 424 с.
5. Кимилев, Ю. А. Философский теизм: типология современных форм / Ю. А. Кимилев. М. : Наука, 1993. 125 с.
6. Кузмицкас, Б. Ю. Философские концепции католического модернизма / Б. Ю. Кузмицкас. Вильнюс : Минтис, 1982. 208 с.
7. Мень, А. В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни : в 7 т. Том 1. / А. В. Мень. М. : Слово, 1991. 287 с.
8. Никонов, К. И. Критика антропологического обоснования религии / К. И. Никонов. М. : Московский государственный университет, 1989. 192 с.
9. Никонов, К. И. Современная христианская антропология (опыт философского критического анализа) / К. И. Никонов. М. : Московский государственный университет, 1983. 187 с.
10. Маритен, Ж. Философ в мире / Ж. Маритен. М. : Высшая школа, 1994. 192 с.
11. Мольтманн, Ю. Теология надежды / Ю. Мольтманн // *Вопросы философии*. 1990. № 9. С. 132—148.
12. Мольтманн-Вендель, Э. И сотворил Бог мужчину и женщину (Феминистская теология и человеческая идентичность) / Э. Мольтманн-Вендель // *Вопросы философии*. 1991. № 3. С. 91—104.
13. Пикок, А. Богословие в век науки. Модели бытия и становление в богословии и науке / А. Пикок. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. 416 с.
14. Ревуненкова, Н. В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации / Н. В. Ревуненкова. М. : Мысль, 1988. 205 с.
15. Селиванов, Ю. З. Деструктивизм и современная христианская теология / Ю. З. Селиванов // *Волшебная гора*. 1994. № 2. С. 36—43.

16. Тримбл, У. Радикальная ортодоксия: первая философия в «постхристианском мире» / У. Тримбл // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 160—186
17. Филарет (Вахромеев). Богословие и философия в «постсовременную» эпоху / Филарет (Вахромеев) // Богословие и философия: аспекты диалога. М. : Институт философии Российской академии наук, 2001. С. 13—21.
18. Филарет (Вахромеев). Оценка состояния и перспектив развития современного православного богословия / Филарет (Вахромеев) // Журнал Московской Патриархии. 2000. № 4. С. 6—12.
19. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. Киев : Путь к истине, 1991. 600 с.
20. Хоружий, С. С. О старом и новом / С. С. Хоружий. СПб. : Алетейя, 2000. 477 с.
21. Христос и культура : избранные труды Ричарда Нибура и Рейнхольда Нибура. М. : Юрист, 1996. 577 с.
22. Хромец, И. С. Введение в антропологию Карла Ранера / И. С. Хромец. Киев : Дух и Литера, 2014. 168 с
23. Шапошников, Л. Е. Православное богословие и философская апология религии (конец XVIII—XX вв.) / Л. Е. Шапошников // Философские науки. 1989. № 5. С. 41—51.

Сведения об авторах

Демченко Олег Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и иностранных языков Норильского государственного индустриального института. Норильск. Россия. demchon@yandex.ru

Демченко Ирина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и иностранных языков Норильского государственного индустриального института. Норильск, Россия. hjy90@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 18—25.*

Specifics of Religious and Philosophical Syncretism

O.N. Demchenko

Norilsk State Industrial Institute, Norilsk, Russia. demchon@yandex.ru

I.V. Demchenko

Norilsk State Industrial Institute, Norilsk, Russia. lhjy90@yandex.ru

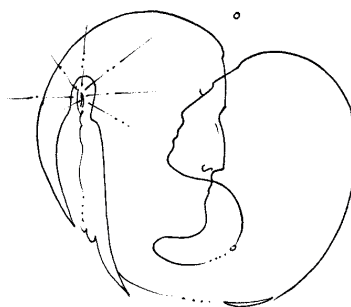
The article reveals the characteristic features of the process of syncretization of religion and philosophy. It is shown that the relationship between religion and philosophy has a natural character; its product is a kind of fusion of elements of philosophical knowledge and doctrine. It is noted that the relationship between religion and philosophy is mediated by theology. In the course of its evolution, theology solves two tasks: it proves the superiority of dogmatic postulates opposes the destructive influence of philosophy, i.e. conducts a «theologization of philosophy» and selectively assimilates logical-discursive means to justify their positions and conclusions, i.e. carries out the «philosophizing of theology». The mechanism of syncretization, the peculiarities of theological choice and the use of philosophical ideas and methods are revealed. It is emphasized that the integration of the rational in religion has its own objective boundaries, dictated by the impossibility of complete subordination of its content and functions in the religious complex. Special attention is paid to the process of syncretization of modern Christian theology and philosophy, its confessional specifics. The conclusion is made about the ambivalence of the interaction between philosophy and religion and its consequences.

Keywords: *philosophy, religion, religious syncretism, religious-philosophical syncretism, the process of syncretization, theology, Christianity.*

References

1. Bokov G.E. Paradoksy «khristianskogo ateizma». Nekotorye osobennosti radikal'nogo protestantskogo teologicheskogo modernizmatret'ej chetverti XX veka [Paradoxes of «Christian atheism». Some features of radical Protestant theological modernism of the third quarter of the XX century]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2017, no 4, pp. 86—96. (In Russ).

2. Gussejnov A.A. *Filosofiya mezhdou naukoj ireligiej* [Philosophy between science and religion]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], no. 8, 2010, pp. 4-11. (In Russ).
3. Kapustin N.S. *Osobennosti jevoljutsii religii* [Features of the evolution of religion]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 222 p. (In Russ).
4. Kimilev Yu.A. *Filosofiya religii: Sistematičeskij očerok* [Philosophy of religion: a systematic essay]. Moscow, Nota Bene Publ., 1998. 424 p. (In Russ).
5. Kimilev Yu.A. *Filosofskij teizm: Tipologija sovremennykh form* [Philosophical theism: typology of contemporary forms]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 125 p. (In Russ).
6. Kuzmitskas B.Yu. *Filosofskie kontseptsii katolicheskogo modernizma* [Philosophical concepts of Catholic modernism]. Vil'nyus, Mintis Publ., 1982. 208 p. (In Russ).
7. Men' A.V. *Istoriya religii: v poiskakh Puti, Istiny i Zhizni: v 7 t. T. 1.* [History of religion: In Search of the Way, Truth and Life: in 7 vols. Vol. 1]. Moscow, Slovo Publ., 1991. 287 p. (In Russ).
8. Nikonov K.I. *Kritika antropologičeskogo obosnovaniya religii* [Criticism of the anthropological foundation of religion]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 192 p. (In Russ).
9. Nikonov K.I. *Sovremennaya khristianskaya antropologija (opyt filosofskogo kritičeskogo analiza)* [Modern Christian anthropology (the experience of philosophical critical analysis)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1983. 187 p. (In Russ).
10. Mariten Zh. *Filosof v mire* [Philosopher in the world]. Moscow, Higher school Publ., 1994. 192 p. (In Russ).
11. Mol'tmann Yu. *Teologija nadezhdy* [Theology of hope]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1990, no. 9, pp. 132—148. (In Russ).
12. Mol'tmann-Vendel' Je. *I sotvoril Bogmuzhčinu i zhenshčinu (Feministkaya teologija i čelovečeskaya identičnost')* [And God created man and woman (Feminist theology and human identity)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1991, no. 3, pp. 91—104. (In Russ).
13. Pikok A. *Bogoslovie v vek nauki. Modelibytija i stanovlenie v bogoslovii i nauke* [Theology in the age of science. Models of being and becoming in theology and science]. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreja Publ., 2004. 416 p. (In Russ).
14. Revunenkov N. V. *Renessansnoe svobodomyслиe i ideologija Reformatsii* [Renaissance free-thinking and Reformation ideology]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 205 p. (In Russ).
15. Selivanov Yu.Z. *Destruktivizm i sovremennaya khristianskaya teologija* [Destructivism and modern Christian theology]. *Volshebnyaya gora* [Magic Mountain], 1994, no. 2, pp. 36—43. (In Russ).
16. Trimbl U. *Radikal'naya ortodoksiya: pervaya filosofija v «postkhristianskom mire»* [Radical Orthodoxy: the first philosophy in the «Post-Christian World.]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoj Dukhovnoj Akademii* [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy], 2019, no. 1(3), pp. 160—186. (In Russ).
17. Filaret (Vakhromeev) mitropolit Minskij i Slutskij. *Bogoslovie i filosofija v «postsovremennuyu» jepokhu* [Theology and philosophy in the «post-modern» era]. *Bogoslovie i filosofija: aspekty dialoga* [Theology and philosophy: aspects of dialogue]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. pp. 13—21. (In Russ).
18. Filaret (Vakhromeev) mitropolit Minskij i Slutskij. *Otsenka sostoyaniya i perspektiv razvitiya sovremenogo pravoslavnogo bogosloviya* [Assessment of the state and prospects for the development of contemporary Orthodox theology]. *Zhurnal Moskovskoj Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 2000, no. 4, pp. 6—12. (In Russ).
19. Florovskij G. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Kiev, Put' k istine Publ., 1991. 600 p. (In Russ).
20. Khoruzhij S.S. *O starom i novom* [About old and new]. St Petersburg, Aletejya Publ., 2000. 477 p. (In Russ).
21. *Khristos i kul'tura: Izbrannye trudy Richarda Nibura i Rejnkholfda Nibura* [Christ and Culture: Selected Works by Richard Niebuhr and Reinhold Niebuhr]. Moscow, Yurist Publ., 1996. 575 p. (In Russ).
22. Khromets I.S. *Vvedenie v antropologiju Karla Ranera* [Introduction to anthropology by Karl Rahner]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2014. 168 p. (In Russ).
23. Shaposhnikov L.E. *Pravoslavnoe bogoslovie i filosofskaya apologija religii (konets XVIII—XX vv.)* [Orthodox theology and philosophical apology of religion (late 18th — 20th centuries)]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 1989, no. 5, p. 41—51. (In Russ).

*Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 26—31.*

УДК 330.8+94.5
ББК 87.6

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10204

Принципиальные подходы М. И. Туган-Барановского к обществу будущего: между государственным социализмом и анархизмом

В. И. Ионесов¹, С. Н. Фоломеев²

¹ *Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия*

² *Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия*

В статье анализируются принципиальные подходы известного российского экономиста конца XIX — первой четверти XX века М. И. Туган-Барановского к будущему социалистическому обществу. Выявляются сходство и отличия его теоретических постулатов с идеями ортодоксального марксизма, а также с практикой строительства социализма в СССР. Показываются противоречия между определяющей ролью будущего социалистического государства, контролирующего все процессы и стремлением к свободе личности.

Ключевые слова: *социалистическое общество будущего, принципиальные подходы, насилие, марксизм, анархизм.*

Всемирно известный русский экономист конца XIX — первой четверти XX века М. И. Туган-Барановский являлся общепризнанным теоретиком в экономической области и был существенно менее знаменит в советское время, как автор одной из социалистических концепций общества будущего. В начале прошлого века, по мнению К. В. Сорвина [12, с. 7], М. И. Туган-Барановский считался ведущим специалистом в области социалистических учений. Его классификация систем социализма и коммунизма была положена в основу капитального библиографического справочника Н. И. Рубакина «Среди книг» [11].

В молодые годы М. И. Туган-Барановский был близок к идеям классического марксизма, но впоследствии в результате трансформации его взглядов его отношение к автору «Капитала» изменилось. Он не считал его идейным противником, многое заимствовал у К. Маркса, но предпочитал идти собственным путем [13, с. 44]. Его критика взглядов Ф. Энгельса на причины экономических кризисов, полемика с К. Каутским [5] и Р. Люксембург [8] по этому вопросу способствовали

тому, что его идеи подвергались жесткой критике со стороны ортодоксальных марксистов [1—3], в советской политической и научной литературе он рассматривался как легальный марксист [10] и теоретический примиренец [4].

Еще одним основанием замалчивания идей М. И. Туган-Барановского в Советской России, по мнению Я. И. Кузьминова, явилось то, что большевиков не интересовало будущее социалистическое общество, все их помыслы были направлены на завоевание власти [9, с. 3].

В последующем интерес к работам М. И. Туган-Барановского о будущем социализма возрос в 90-е годы XX века в связи с развалом СССР и системы социализма и размышлениями о возможной трансформации общества в сторону социализма с человеческим лицом. На тот момент интересовались работами М. И. Туган-Барановского о кооперации и трудами его ученика Н. Д. Кондратьева. Несмотря на провозглашенный переход нашей страны на рельсы капиталистического развития с ориентацией на ценности демократии, не потеряли своей актуальности раз-

мышления М. И. Туган-Барановского об экономической эффективности модели социалистического общественного развития и свободы личности в будущем обществе.

Взгляды М. И. Туган-Барановского на будущее общество формировались постепенно. Одним из первых вопросов, с которым ему пришлось столкнуться в практике российской политической жизни был аграрный вопрос. Анализируя подходы народников и ортодоксальных марксистов к этому вопросу, он приходит к выводу, что первые вынуждены были признать процесс развития капитализма прогрессивным процессом, а вторые несколько сгладили свои позиции относительно того, что крупное капиталистическое производство должно вытеснить в будущем мелкое крестьянское хозяйство. В результате аграрные программы тех и других претерпели изменения так как оба политических направления стали требовать перехода земли в руки крестьянства. Для разрешения возникшего противоречия он предлагал развивать кооперативное движение, к которому обе политические силы относились сочувственно [14, с. 74—75].

Не соглашаясь с позицией классиков марксизма относительно взглядов представителей утопического социализма на будущее общество, он считал, что утопический социализм более научен, чем считали классики марксизма, а утопия есть поиск идеала [15, с. 85]. Выступая против подмены социального идеала социальным предвидением, М. И. Туган-Барановский сравнивал идеал со звездой, ориентируясь на которую, человек в ночное время отыскивает дорогу. Играв роль ориентира, звезда не заменит фонарь для ее освещения. Сравнивая идеал со звездой, а науку с фонарем, он подчеркивал необходимость того и другого для формирования взглядов на общество будущего [15, с. 86].

М. И. Туган-Барановский, в отличие от сторонников классического марксизма, достаточно высоко оценивал деятельность утопистов и считал, что представители критического направления в социализме только потому превзошли своих учителей, что обосновали необходимость классовой борьбы, о которой первые не имели представления. Утописты пытались нарисовать будущее общество, а К. Маркс, опираясь на тенденции общественного развития, искал путь к нему [15, с. 163].

Выступая против несправедливого отношения марксистов к идеализму утопистов, М. И. Туган-Барановский упрекает К. Маркса в том, что именно у них он заимствовал представление о социальном идеале и опираясь на него он смог выработать учение об объективных законах капиталистического развития [15, с. 253].

Подвергнув критическому анализу подходы утопистов и ортодоксальных марксистов к будущему социалистическому обществу, он задался целью определить свое видение нового общественного строя. Для М. И. Туган-Барановского важно было определить принципиальные подходы к обществу будущего. Склоняясь к позиции «этического социализма» К. Форлендера и Э. Бернштейна, он понимал невозможность дополнения К. Маркса И. Кантом, так как этика Канта разрушала марксистскую теорию. Но критикуя марксизм, М. И. Туган-Барановский использовал его научный материал для создания своей концепции социализма, считая положения классического марксизма в определенной степени устаревшими [14, с. 79].

Размышляя над принципами будущего общественного строя, М. И. Туган-Барановский отмечает, что социалистический строй, в отличие от предшествующих форм общества, развившимися стихийно, является формой искусственной, придуманной людьми для общего блага [16, с. 261]. Одним из первых мыслителей, который задумался об общем благе, гармоничном и совершенном обществе, но подчинявшем личность обществу, был Платон. Последнее не устраивало М. И. Туган-Барановского. По его мнению, в современном социалистическом обществе интересы личности должны стать приоритетными [16, с. 265]. Развивая далее эту мысль, М. И. Туган-Барановский подчеркивал принципиальное различие в подходах к устройству платоновского идеального государства и его модели социалистического общества. Выступая за общность имущества, Платон стремился к ликвидации богатства, а не бедности. Современный социализм с его общностью имущества преследует цель сделать всех членов общества богатыми, причем богатство достигается трудом каждого, а не эксплуатацией одних другими [16, с. 271].

Данный принципиальный подход М. И. Туган-Барановского к новому общественному устройству принципиально расходился с практикой строительства социализма в СССР, где в роли еще более жесткого эксплуататора выступало уже государство, от которого нельзя было избавиться, все действия которого были направлены на борьбу с богатством граждан, ввергая их в унижительное равенство и поголовную нищету.

Определившись с принципиальными подходами к новому общественному устройству, подвергнув критике идеи утопического социализма, М. И. Туган-Барановский во многом склонялся к государственному социализму, не идеализируя его. Исследователи его идей, ссылаясь на воспоминания

его учеников, отмечали в его характере сочетание рационального научного подхода и искренних идеалистических представлений [10, с.15]. Он также, как и представители государственного социализма склонялся к мысли о ключевой роли государства в строительстве будущего общества, подчеркивая при этом, что оно явится, прежде всего, «организацией культуры, а не классового господства». Именно в рамках государства, по его мнению, можно поднять производительность общественного труда и осуществить планомерность хозяйственных процессов [16, с. 346—347, 356].

Но, создание социалистического государства на национальной основе невозможно и необходим выход социалистической государственности за ее пределы, что вызовет изменение политической карты мира и трансформацию существующих границ государств. Эта идея не кажется ему утопической (пример Швейцарии). Способом их изменения будут не кровопролитные войны, замешанные на обостренном государственном патриотизме, а добровольное взаимное соглашение, поскольку будет отсутствовать социальная борьба и угнетение. Хозяйственная целесообразность создания единого мирового государства, отсутствие таможенных барьеров и протекционизма, общественное разделение труда, международный обмен товарами и услугами приведут к невиданному развитию производительных сил общества, преследующих интересы общего благосостояния. Правильный учет общественного спроса не допустит создания избыточного продукта и промышленных кризисов [16, с. 343—349, 354—355]. Организация работы транспортных средств передавалась международным организациям, членами которых становились отдельные государства [16, с. 360—361].

Наиболее важной хозяйственной единицей останется социалистическое государство, которое будет руководить производством, контролировать его, распределять предметы потребления между областями и районами, составлять общий план общественного производства на каждый год. По поручению социалистического государства непосредственное распределение продуктов среди населения будут осуществлять органы местного самоуправления — муниципалитеты. И здесь М. И. Туган-Барановский заимствует мысль К. Маркса о том, что переход капиталистического производства, объединенного в синдикаты, тресты, другие капиталистические союзы, в национальное социалистическое производство, может совершиться органично и безболезненно. При этом выработка плана национального производства исходит из экономической целесообразности

и эффективности. «Только при условии централизации возможны стройность, согласованность, пропорциональность во всех частях общественного целого» [16, с. 363].

Но далее, казалось бы, в строгую систему воззрений М. И. Туган-Барановского вторгаются опасения, которые он пытается разрешить путем компромисса. Он отмечает, что государственная централизация жизни общества и бюрократизм в связи с возрастанием принудительных начал власти может привести к подавлению личности государством. Но опасения огромной опасности со стороны государственной централизации вытесняются в его сознании размышлениями о том, что в социалистическом обществе общественное богатство будет служить человеку, а не наоборот. И здесь он приходит к мысли, принципиально расходящейся с постулатом К. Маркса о том, что коммунизм превзойдет капитализм по уровню произведенных материальных благ, поскольку человек не будет объектом эксплуатации. М. И. Туган-Барановский считал несомненным злом стремление к созданию максимума материальных благ, достигаемое принижением личности человека [16, с. 365]. Дальнейшее развитие нашей страны показало, что унижение личности и достоинства человека в реально существовавшем у нас «социалистическом обществе» намного превзошло кошмары капитализма.

М. И. Туган-Барановский не идеализировал принцип равенства, который объединял в то время многих, выступающих под социалистическим знаменем. Выступая против неравенства, являвшегося несомненным социальным злом, он не рассматривал равенство как значительное достижение и видел в нем только первый шаг к общественному идеалу, который впоследствии должен привести к социальной свободе человеческой личности. Но наибольшая свобода личности и централизм социалистического государства несовместимы. Однако, по его мнению, государственный социализм с его централизацией управления и планомерностью социалистического хозяйства, несмотря на подавление личности государством, способен принести большие хозяйственные результаты, чем иные модели социалистического строя. Выход он видит в компромиссе: централистическая система общества должна быть дополнена элементами федералистического социализма [16, с. 366].

Таким элементом могут быть муниципалитеты, полномочия которых устанавливаются и контролируются государством, но которые он рассматривал как органы широкого местного самоуправления, дополненные элементами синдикального социализма, в котором производственный процесс

контролируется рабочими. Примером такой организации производства выступают фабрики, основанные на системе трудового кооператива, где рабочие принимают непосредственное управление фабрикой, выбирая определенное число своих представителей в правление [16, с. 368]. В командно-административной системе СССР, рабочему социализму места не нашлось. Группа «рабочей оппозиции» во главе с А. Г. Шляпниковым, борющаяся за разделение обязанностей между профсоюзами, советами и партией и претендовавшая на руководство народным хозяйством была идейно и организационно разгромлена.

Поскольку руководство со стороны государства и муниципалитетов строится на принуждении, М. И. Туган-Барановский стремился к созданию свободных хозяйственных организаций, как-то на его взгляд были трудовые кооперативы различных типов, которые могли быть созданы как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Смысл их создания состоял в освобождении творческих сил общества. Он считал, что кооперативный труд в промышленности будет более эффективен в производстве одежды, домашней мебели, утвари, в области же сельского хозяйства, отдавая предпочтение крупному сельскохозяйственному производству, допускал сохранение трудовых общин (маслодельных, животноводческих и птицеводческих, огородничество) и единоличных хозяйств, при сохранении земли в руках государства [16, с. 368—380]. Некоторые виды коопераций существовали в СССР весь период Советской власти под пристальным надзором государства в силу несоответствия его идеологии и существенной роли в производстве продукции не играли.

Общество будущего М. И. Туган-Барановский рассматривал как дуализм государственного социализма и анархизма. «возможно полное примирение двух противоположных начал». Причем система государственного социализма будет доминирующей, пока не произойдет готовности массы населения поступаться личными интересами ради общественного целого и только тогда восторжествует анархический коммунизм, который явится конечным общественным идеалом, для ближайшего же будущего необходимо сочетание социализма с коммунизмом и вытеснение первого вторым [16, с. 383—387].

Следует отметить, что германская социал-демократия, самая авторитетная социалистическая партия рубежа XIX — начала XX столетия, еще на своем берлинском съезде 18 ноября 1892 года единодушно отвергла политику «государственного социализма». Резолюция съезда отвергала передачу орудий производства в государственную собственность поскольку это вело к замене эксплуатации со стороны отдельного капиталиста, двойной эксплуатацией со стороны государства, носящей экономический и политический характер [7, с. 3]. Это была оценка консервативной политики канцлера О. фон Бисмарка с целью приручить германскую социал-демократию. Но в то же время германская социал-демократия выступала за политику «государственного социализма» при реальном переходе власти в руки социалистического государства [7, с. 20]. Как показала практика строительства социализма в СССР, предупреждение германских социал-демократов оказалось пророческим и их иллюзии о том, что государство победившего пролетариата искоренит эксплуатацию трудящихся, были развеяны самой жизнью.

Список литературы

1. Богданов, А. Основная ошибка Туган-Барановского / А. Богданов // Научное Обозрение (СПб). 1899. № 9. С. 1758—1766;
2. Бельтов, Н. (Плеханов, Г. В.). Критика наших критиков / Н. Бельтов // Заря. 1901. № 1. С. 75—117; № 2—3. С. 101—155; № 4. С. 1—31;
3. Карелин, Н. (Засулич, В.). Заметка читателя по поводу упразднения Туган-Барановским и Струве учения Маркса о прибыли / Н. Карелин (В. Засулич) // Научное Обозрение. 1900. № 11. С. 1923—1936.
4. Бухарин, Н. И. Теоретическое примиренчество (Теория ценности г. Туган-Барановского) / Н. И. Бухарин // Прил. к кн. Политическая экономия рантье. М., 1919. С. 187—197.
5. Kautsky, K. Krisetheorien / K. Kautsky // Die Neu Zeit. 1902. № 28. S. 37—47; 1902. № 29. S. 76—81; 1902. № 30. S. 110—118; 1902. № 31. S. 133—140;
6. Каутский, К. Обнищание и крушение. Новейшая фаза ревизионизма (по поводу книги М. И. Туган-Барановского «Современный социализм») / К. Каутский ; пер. с нем. Дм. Лещенко. СПб., 1908. 65 с.
7. Либкнехт, В. Государственный социализм и революционная социал-демократия / В. Либкнехт ; пер. Г. Ранского. Л. : Библиотека Марии Малых № 1, [б. г.]. 20 с.
8. Люксембург, Р. Накопление капитала. Т. 1—2. С приложением статей Г. Экштейна и О. Бауэра / Р. Люксембург ; пер. [и предисл.] Ш. Дволайцкого. 3-е изд. М. : ГИЗ, 1924. 667 с.

9. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века : избр. произведения / сост. Я. И. Кузьминов. М. : Республика, 1994. 416 с.
10. Прагер, П. Легальный марксизм / П. Прагер // Пролетарская революция. 1930. № 7—9.
11. Рубакин, Н. А. Среди книг. Опыт обзора книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-политических идей. Справочник для самообразования и для систематизации и комплектования библиотек, а также книжных магазинов. Т. I, II / Н. А. Рубакин. М. : Наука, 1913.
12. Сорвин, К. В. Предисловие / К. В. Сорвин // М. И. Туган-Барановский. К лучшему будущему : сб. соц.-филос. произведений. М. : РОССПЭН, 1996. С. 3—16.
13. Туган-Барановский, М. И. Социальные основы кооперации / М. И. Туган-Барановский. М. : Экономика, 1989. 495 с.
14. Туган-Барановский, М. И. Этика и общественная жизнь // М. И. Туган-Барановский. К лучшему будущему : сб. соц.-филос. произведений. М. : РОССПЭН, 1996. С. 19—82.
15. Туган-Барановский, М. И. Утопический социализм и критический социализм // М. И. Туган-Барановский. К лучшему будущему : сб. соц.-филос. произведений. М. : РОССПЭН, 1996. С. 85—254.
16. Туган-Барановский, М. И. Социализм как положительное учение // М. И. Туган-Барановский. К лучшему будущему : сб. соц.-филос. произведений. М. : РОССПЭН, 1996. С. 257—437.

Сведения об авторах

Ионесов Владимир Иванович — доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории истории культуры, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия. acdis@mail.ru

Фоломеев Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права и политологии, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия. cissime@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 26—31.*

Principal approaches of M. I. Tugan-Baranovsky to the society of the future: between state socialism and anarchism

V.I. Ionesov

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia. acdis@mail.ru

S.N. Folomeev

Samara State Economic University, Samara, Russia cissime@yandex.ru

In this article the principal approaches of the well-known Russian economist of the late 19th — first quarter of the 20th century M.I. Tugan-Baranovsky to the future socialist society are explained. It's considered the similarities and differences of his theoretical postulates in context of the ideas of orthodox Marxism and with the practice of building socialism in the USSR are noted. It's shown the contradictions between the decisive role of the future socialist state, which controls all processes and the human being's intention for personal freedom.

Keywords: *socialist society of the future, principled approaches, violence, Marxism, anarchism.*

References

1. Bogdanov A. Osnovnaya oshibka Tugan-Baranovskogo [The main mistake of Tugan-Baranovsky]. *Nauchnoe Obozrenie* [Scientific Review], 1899, no. 9, pp. 1758—1766. (In Russ.).
2. Beltov N. (Plekhanov G.V.). Kritika nashih kritikov [Criticism of our critics]. *Zarya* [Sunrise], 1901, no. 1, pp. 75—117; no 2—3. pp. 101—155. (In Russ.).
3. Karelin, N. (Zasulich V.). Zаметка chitatelya po povodu uprazhdeniya Tugan-Baranovskim i Struve ucheniya Marksa o pribyli [Reader's note on Tugan-Baranovsky and Struve's abolition of Marx's doctrine of profit]. *Nauchnoe Obozrenie* [Scientific Review], 1900, no. 11, pp. 1923—1936. (In Russ.).
4. Buharin N.I. *Teoreticheskoe primirenchestvo (Teoriya cennosti g. Tugan-Baranovskogo)* [Theoretical reconciliation (Theory of value of Tugan-Baranovsky)]. Moscow, 1919. Pp. 187—197. (In Russ.).

5. Kautsky K. Krisetheorien [Krisetheorien]. *Die Neu Zeit* [Die Neu Zeit], 1902, no. 28, pp. 37—47; 1902, no. 29, pp. 76—81; 1902, no. 30, pp. 110—118; 1902, no. 31, pp. 133—140. (In Germ.).
6. Kautskij K. *Obnishchanie i krushenie. Novejshaya faza revizionizma (Po povodu knigi M.I. Tugan-Baranovskogo «Sovremennyj socializm»)* [Impoverishment and ruin. The newest phase of revisionism (Regarding the book of M.I. Tugan-Baranovsky “Modern Socialism”)]. St. Petersburg, 1908. 65 p. (In Russ.).
7. Libknekht V. *Gosudarstvennyj socializm i revolyucionnaya social-demokratiya* [State socialism and revolutionary social democracy]. Leningrad, Biblioteka Marii Malyh № 1. 20 p. (In Russ.).
8. Lyuksemburg R. *Nakoplenie kapitala. T. 1—2* [Capital accumulation. Vols. 1—2]. Moscow, GIZ, 1924. 667 p. (In Russ.).
9. *Obraz budushchego v russkoj social'no-ekonomicheskoj mysli konca XIX — nachala XX veka* [The image of the future in Russian socio-economic thought in the late 19th and early 20th centuries]. Moscow, Respublika, 1994. 416 p. (In Russ.).
10. Prager P. Legal'nyj marksizm [Legal Marxism]. *Proletarskaya revolyuciya* [Proletarian revolution], 1930, no. 7—9. (In Russ.).
11. Rubakin N.A. *Sredi knig. Opyt obzora kniznyh bogatstv v svyazi s istoriej nauchno-filosofskih i literaturno-politicheskikh idej. T. I, II* [Among the books. Experience of reviewing book wealth in connection with the history of scientific-philosophical and literary-political ideas. Vols. I, II]. Moscow, Nauka, 1913. (In Russ.).
12. Sorvin K.V. Predislovie [Foreword]. *K luchshemu budushchemu* [For a better future]. Moscow, ROSSPEN, 1996. Pp. 3—16. (In Russ.).
13. Tugan-Baranovskij M.I. *Social'nye osnovy kooperatsii* [Social foundations of cooperation]. Moscow, Economics, 1989. 495 p. (In Russ.).
14. Tugan-Baranovskij M.I. *Etika i obshchestvennaya zhizn'* [Ethics and social life]. *K luchshemu budushchemu* [For a better future]. Moscow, ROSSPEN, 1996. Pp. 19—82. (In Russ.).
15. Tugan-Baranovskij M.I. *Utopicheskij socializm i kriticheskij socializm* [Utopian socialism and critical socialism]. *K luchshemu budushchemu* [For a better future]. Moscow, ROSSPEN, 1996. Pp. 85—254. (In Russ.).
16. Tugan-Baranovskij M.I. *Socializm kak polozhitel'noe uchenie* [Socialism as a positive doctrine]. *K luchshemu budushchemu* [For a better future]. Moscow, ROSSPEN, 1996. Pp. 257—437. (In Russ.).

УДК 316.342(470)
ББК С55.32(2Р)

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10205

Перспектива становления среднего класса в России

Л. А. Литвякова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Социальное неравенство в России вызвано нестабильным положением трудящегося населения, невозможностью причислить его к среднему классу, что обусловлено социально-экономическими кризисами как следствиями неразвитого капитализма, а также зависимостью от потребления. Становление «нового» среднего класса из рабочего населения путем организации коллективных форм труда может способствовать стабилизации кризисной обстановки и преодолению потребительства.

Ключевые слова: *средний класс, рабочий класс, труд, капитализм, социальное неравенство, потребление, постматериальные ценности.*

Понятие «класс» в рамках капиталистического общества предполагает выделение места и роли социальных масс в системе производства. Вследствие чего, выделяются два противоположных класса — тех, кто владеет средствами производствами, и кто, не обладает ими. В условиях свободного рынка и демократизации общества требовалось выявление еще одной социальной прослойки в виде промежуточного среднего класса. Данное понятие зародилось в эпоху «модерна» [1, с. 9], когда потребовалось деление общества исходя из противопоставления антагонистическому делению классов по Марксу. Отсюда средним классом стала обозначаться массовая прослойка граждан, появившаяся в результате развития товарного производства в западном индустриальном и постиндустриальном обществе. В отличие от запада в России не произошло постепенного развития капитализма. Для этого не было соответствующих экономических, исторических, социальных и культурных предпосылок, осуществление которых в буржуазном обществе связано с призывом к свободе, индивидуализму, а также к утверждению частной собственности как одной из наиболее важных ценностей в мире капитала. Как видно из истории перестроечного времени, в нашей стране произошла глубокая дезинтеграция населения, вследствие безработицы снизилась производительность труда, появился немалочисленный слой материально неблагополучного населения, усилилось социально-экономическое неравенство. Следовательно, появились затруднения при выявлении среднего класса в России несмотря на то, что возникшие рыночные отношения обусловили образование предпринимательства на просторах российской экономики.

В условиях неразвитости капитализма в современной России необходимо отметить изменение в

характере труда и роли производства, сложность в выявлении содержательных и количественных характеристик среднего класса. Если с точки зрения западных теории средний класс представляет основной элемент экономической системы, занятых в сфере технологического, информационного воспроизводства и предпринимательства, то под рабочим классом имеют ввиду людей, занимающихся физическим трудом, согласно общему определению. Более широкое понимание гласит, что рабочий класс отличает низкоквалифицированный труд, отсутствие образования, низкий доход и т.д. Вместе с тем, находим и такое определение, в соответствии с которым рабочий класс является «классом «синих воротничков», не обладающих собственностью и существующих благодаря лишь зарплате [2, с. 37—45]. Исходя из этого, к рабочему классу можно отнести людей, не обязательно занятых физическим трудом, но не относящихся к высококвалифицированным специалистам или не занимающих управленческих позиции. Вполне вероятно, что такие показатели имеют отношению к нынешнему низшему классу. Вместе с тем, если следовать тому, как полагается в марксизме, что рабочий класс служит основным источником развития производства, а значит и изменения социальных отношений в целом, то тогда, применимо к современной российской действительности, его стоит отнести к среднему классу. Однако, средний класс в условиях приоритета массового потребления становится отчужденным от материального производства, а значит и участия в общественном развитии.

Таким образом, средний класс в более обобщенном понимании является атрибутом капиталистического и демократического общества и выступает в качестве основного источника производительности интеллектуального капитала, а в

сложившихся современных условиях — перераспределения труда, и потребления. Следовательно, в России такой класс находится на этапе своего становления, но не является реально существующим поскольку существуют проблемы с рынком труда: высокая безработица, недостаточная востребованность в технической и научной интеллигенции, отсутствие профсоюзов во многих коммерческих организациях. Поэтому, как было сказано, большинство трудящегося российского населения можно отнести скорее к рабочему классу в его современном рассмотрении, а не как это понимается в марксизме. В нынешних реалиях рабочие физического труда, не рассматриваются как источник общественного прогресса, как «привилегированное сословие». Физический труд с точки зрения общественного мнения является недостойным, непрестижным, не требующим высшего образования. Однако, в советском обществе рабочий класс являлся передовой силой, производя материальные блага, поднимая отечественную промышленность, которая сегодня переживает кризис, что объясняется приватизацией государственных предприятий, их коммерциализацией, малым числом кооперативных организации, а это индивидуализирует труд. Кроме того, развитие сферы торговли и услуг также затормозило функционирование отечественного производства. Возможно, следствием кризиса в системе производства стало недопотребление, которое наблюдалось в первые годы после перестройки, оно же предопределило последующее перепотребление в условиях импорта товаров, порой низкокачественных. Так как в России рыночный капитализм, ввиду его незрелости, не способен приспособиться к кризисным условиям, то угроза материальному благополучию населения наблюдается и по сей день, во время экономических катастроф глобального характера. Они, к слову, находятся во взаимосвязи и с политической сферой.

Учитывая, что в России границы среднего класса являются неточными, то сложно представить регуляцию экономической системы средним классом как в западном обществе. Этому мешает «дикий» капитализм. Отмечаемая тенденция поляризует социум на два класса, сокращая численность среднего класса. Обостряющийся классовый антагонизм чреват обострением противоречий на всех социальных уровнях. Такая перспектива для России вполне допустима, если государство не начнет содействовать реализации интересов трудящегося населения и способствовать его производительности. Необходимо сформировать средний класс как «класс для себя», который способен преодолеть индивидуалистическое потребительство и

отразить коллективные интересы в общественной жизни. Этому, на настоящий момент, препятствует потребности в материальных благах и в безопасности как первичные индивидуализированные потребности. Тем не менее, молодое поколение, родившееся во время относительной экономической и политической стабилизации (конец 1990-х — начало 2000-х гг.), чему способствовали проведенные реформы, имеет сходство с «новым» средним классом на Западе, который привержен постматериальным ценностям, например, стремление к улучшению качества жизни, саморазвитие, раскрытие творческого потенциала, освоение технических нововведений. Их принято относить к «новым социально-профессиональным слоям среднего класса» [3, с. 478], желающим совершенствовать навыки в сфере информационных технологий, наукоемких отраслей производства, получить высокий уровень профессиональной квалификации, применять знания на практике, так как современный рынок труда в перспективе направлен на производство знания, информационных технологий [3, с. 484]. В России пока, как видно из исследований, проведенных в конце 1990-х и в первое десятилетие XXI века, такие критерии при выявлении российского среднего класса не принимались во внимание, а за основу полагались те, которые определяли западный средний класс на начальном этапе становления постиндустриального общества. К ним принадлежат стратификационные признаки — доход не ниже среднего уровня, образование, престиж и т.д. Из-за этого многие стали самоидентифицировать себя со средним классом, из-за чего пострадало качество проводимых исследований. Проблемы с уточнением среднего класса влияют на то, почему по сей день не имеется единое исследовательское мнение касательно конкретных особенностей классовой структуры российского общества, поскольку в России капитализм как тип общественного устройства характерен для западного общества, а в нашей стране он внедрялся без учета специфики развития общества.

Для наиболее полного составления картины о российском среднем классе следует рассмотреть, какие его характерные особенности выделяются отечественными исследователями. О. И. Шкартан предлагает выделить несколько составляющих, необходимых для образования среднего класса. Во-первых, определенный набор поведения, установок и ценностей. Во-вторых, высокое качество жизни. В-третьих, наличие капитала и интеллектуального ресурса, который обеспечивает экономическую и гражданскую независимость. Наконец, необходима самоидентификация.

Заметим, что за два-три десятилетия система ценностей российского общества все еще находится на этапе становления, что вызвано неопределенностью в социально-экономической и политической системе, влияющих на качество жизни, от которого зависят стремления к удовлетворению высших потребностей, обусловленных устойчивой ценностной системой. Последняя должна содержать высокий уровень нравственных и духовных характеристик. Однако, большинство исследований выделяет средний класс, исходя из дохода и наличия частной собственности. Поэтому ядро среднего класса обычно составляют управленцы, торговцы, предприниматели, работники банковской сферы. В новый средний класс следует отнести профессионалов и менеджеров, занятых в сфере информационных технологий, высокотехнологичных отраслях промышленности и т.д. В связи с этим, Шкаратан делает вывод, что если ранее средний класс определялся по принципу наличия собственности на средства производства, то сегодня принимаются к сведению человеческий и культурный капитал, а также властные полномочия [3, с. 457—459]. Несмотря на это, потребительские способности в качестве характеристик среднего класса продолжают занимать предпочтение в отечественных исследованиях.

Несомненно, что российское общество вплоть до сегодняшнего дня характеризуется высоким неравенством. Как говорилось, большая часть граждан является рабочим классом, если исходить из того, что в него входят наемные работники (более 40 % российского населения) [2, с. 40], не может встроиться в нынешнюю экономику. Это сказывается на его социальном статусе. Следовательно, если при социализме рабочий класс является «классом для себя», то современное его положение характеризует его как «класс в себе». Из чего исходим, что становление среднего класса необходимо, чтобы преодолеть имеющиеся социальные и экономические кризисы. Вместе с тем, для этого важно стабилизировать обстановку на рынке труда. В этом могут помочь профсоюзы и поддержка государством интересов не частных лиц, а трудящихся. Пока же остается проблемным выявление места и роли большинства российских граждан в производственной системе общества. Тенденция самоидентификации со стороны многочисленного рабочего класса в России со средним классом еще больше затрудняет положение.

Проследивая генезис рабочего класса, заметим, что его безусловными детерминантами являются наличие классового сознания, включая высокий уровень его организации, производительность труда. Средний класс как возможный производи-

тельный класс в условиях современного капитализма, помимо вышеперечисленных признаков, должен обладать также материальным интересом, демократическими правами, иметь возможность материального и духовного потребления, воспроизводить свой творческий потенциал в контексте требований современного общества. В перспективе эту роль в российском обществе должен играть сформированный устойчивый средний класс, представителями которого могут являться активная прослойка граждан, придерживающиеся постматериальных ценностей.

Отметим, что в России с начала 1990-х гг. попытка образования среднего класса не была основана на соответствующих для этого предпосылках, которые предполагали бы наличие определенного уровня жизни и общественного сознания, а проводилась в результате государственной политики, направленной на противоестественное внедрение идеалов западного общества.

Трудность с выявлением общих признаков, обуславливающих принадлежность к среднему классу в российском обществе, коренится, как было сказано, еще и в том, что различается представление о среднем классе в индустриальном и постиндустриальном обществах, поскольку для первого характерно наличие материальных ценностей, склонность к неограниченному потреблению, а для второго — следование постматериальным ценностям и либерализму. О. И. Шкаратан говорит о невозможности объективного существования среднего класса в России, так как отношения в российском государстве можно охарактеризовать как «властесобственнические». Таким образом, причина неопределенности качественных и количественных особенностей среднего класса в постсоветском обществе объясняется особенностями проводимой социальной политики, которая не поддерживала экономически активных граждан в их деятельности и не приняла меры против декартификации профессионалов [4], что и стало причиной массовой безработицы и неустойчивого социального и материального положения, что сказалось на разделении общества. Тем не менее, в России массово возник класс собственников, между которыми сложилась нечестная конкуренция за перераспределение отечественного производства, что стало причиной произвола, усиления неравенства и социальной несвободы в обществе. Поэтому население, став зависимым от сложившейся ситуации, стремилось к обретению безопасности за счет государства, которое давало гарантии защиты и материального благополучия, тем не менее ограничивая доступ к реализации высших ценностей, связанных со свободой и самовыражением.

Ввиду этого О. И. Шкаратан утверждает, что в России большинство граждан не обладает возможностью расширения человеческого капитала, поэтому оно стремится адаптироваться под имеющуюся реальность и принять те формы поведения, которые стоят под запретом [5, с. 67—68]. Действительно, средний класс в России, как показывают различные исследования, скорее предрасположен к конформистскому поведению по отношению к власти и не принимает активных форм деятельности, беря на себя те права и обязательства, которые закреплены за каждым гражданином со стороны государства. Производственная деятельность также отходит на второй план, уступая место потребительству как способу защиты своего положения, вызванного угрозой недопотребления.

Угроза же современному российскому обществу состоит в том, что большинство российского населения, принимая ценности капитализма, не стремится принять участие в преобразовании общества в коллективных интересах по причине приверженности к материальным ценностям и к собственной безопасности, обеспечиваемой государством. Взамен государство не создает условий, способствующих всеобщему удовлетворению высших потребностей в свободе и самовыражению по причине ограждения собственных экономических интересов, которые заключаются в неравном распределении капитала и контроле за деятельностью населения. Это характерные тенденции общества постперестроечного периода.

Необходимо поэтому становление активной социальной прослойки в виде «нового» среднего класса. Еще раз подчеркнем важность наличия профсоюзов, так как они выполняют не только экономическую, но и социально значимую функцию. Такие образования получают наибольшее распространение в крупных или кооперативных предприятиях. Отметим, что в таких организациях возможно осуществление и передача коллективных ценностей. Действительно, кооперативы можно рассматривать не только как объединение работников на основе общих ценностей, интересов, реализующихся в производстве. Они со временем могут перерасти в социальные движения, партии, что дает право выразить свои идеи в более широком поле — в политике и социальной жизни.

Это подтверждает и то, что понятие «нового среднего класса», сформированного к концу 1990-х гг. западными исследователями, исключает приверженность материальным ценностям и предполагает выдвижение среднего класса в качестве движущей силы постиндустриального общества.

К таковым относятся группы интеллектуалов, обладатели высокого «человеческого капитала». На основе результатов исследования среднего класса А. Ю. Чепуренко делает вывод, что к критериям нового среднего класса стоит относить «основополагающие ценности, мотивацию экономической и социальной активности, жизненные стратегии, выполнение определенных социальных функций» [5, с. 10].

В целом, для различения среднего класса существуют несколько подходов. Первый подход связан с определением его в качестве «массового социального субъекта», обладающего высокой способностью к потреблению за счет наличия материальных возможностей, обеспечивающих высокие стандарты жизни. Так, чаще всего средним классом обозначают «всех людей, чья покупательная способность превышает определенный порог» [6, с. 6]. Второй подход заключается в выделении идентификационно-психологических характеристик индивидов, которые выражаются в самоощущении себя как представителя среднего класса. Однако, множество существующих исследований демонстрируют, что данный критерий во многом предполагает субъективную оценку своей принадлежности к среднему классу, что влияет на достоверность полученных результатов. Поэтому существует потребность в выявлении и включении специфических ценностных мерил. Это отражает третий подход, который основан на делении среднего класса на «новый» и «старый», различающихся по принципу склонности к материальным или постматериальным ценностям. В «новый» входят управленцы, обладающие высоким уровнем человеческого капитала и власти. Как правило, данная прослойка стремится удовлетворить высшие потребности, обрести определенный уровень внутренней свободы за счет обладания необходимыми навыками, позволяющими занять то положение на рынке труда, которое обеспечивает независимость от социально-экономических условий. В «старый» включены представители «малого бизнеса» («мелкой буржуазии»), нацеленные прежде всего на увеличение экономического капитала. Четвертый подход концентрирует наиболее общие признаки среднего класса, т.е. так называемые «традиционные» признаки, содержащие профессиональные характеристики, образование, уровень благосостояния, самоидентификации, культурный уровень. Такой подход используется наиболее широко во многих исследованиях, посвященных проблеме среднего класса в России [7, с. 12—24].

Рассмотрев предпосылки образования среднего класса в России с опорой на выделенные его

характеристики, можно предположить, что средний класс является становящимся, а не наличным. Это значит, что он не является, применимо к современной российской действительности, сформированным «классом для себя». Нельзя с точностью определить и его численность, поскольку его признаки размыты, не так явны как у высшего класса (элиты) и низшего класса, т.е. с одной стороны он стремится к высшему классу, с другой имеет предпосылки для перехода к низшему в зависимости от социально-экономической обстановки в стране. Тому причиной несовершенный («дикий») капитализм, не позволяющий развиваться отечественной экономике. Поэтому, можно говорить о недопотреблении (о чем упоминалось ранее) среди российского населения, не позволяющем сконцентрированно воспроизвестись среднему классу, поскольку его

благополучие находится в зависимости от общей атмосферы в стране. Западная либеральная экономика держит свои позиции, опираясь на массовое потребление, устойчивый средний класс, буржуазную демократию. Вместе с тем реальность показывает, что глобальный капитализм подходит к критической точке, поскольку объявленные свободы скрываются за «маской» «иллюзорной свободы», так как большинство граждан, в условиях капитализма, не имеет тех благ, которые доступны немногим. Этому подвергается и российское общество, что обуславливает высокое материальное неравенство среди населения. В связи с этим, важно выявить пути преодоления становящимся средним классом преград, насаждаемых «диким» капитализмом, ведущих к экономическому, социальному и духовному благополучию как детерминант свободы.

Список литературы

1. Дилигенский, Г. Г. Люди среднего класса / Г. Г. Дилигенский. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2002. С. 9.
2. Батуренко, С. А. Современный рабочий класс в России: проблема социальной интеграции / С. А. Батуренко // Вестник Московского университета. 2011. № 4. С. 37—45.
3. Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 478.
4. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан, В. А. Бондаренко, Ю. М. Крельберг, Н. В. Сергеев. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 330 с.
5. Горшков, М. К. Средний класс в современном российском обществе / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Ю. Чепуренко. М. : Рос. полит. энцикл. : Рос. независимый ин-т соц. и нац. проблем, 1999. С. 67—68.
6. Dadush, U. In search of The Global Middle Class. A new Index / U. Dadush, A. Shimelse. Carnegie Endowment, 2012. P. 6.
7. Тихонова, Н. Е. Критерии выделения и определения численности среднего класса в современном российском обществе / Н. Е. Тихонова // Средний класс в современной России. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. С. 12—24.

Сведения об авторах

Литвякова Лариса Александровна — аспирант кафедры философии и методологии науки, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия. litlaramusic@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 32—37.*

Perspective for the becoming of the middle class in Russia

L.A. Litvyakova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. litlaramusic@mail.ru

Social inequality in Russia is caused by the unstable situation of the working population, the inability to classify it as a middle class, which is due to socio-economic crises as a consequence of undeveloped capitalism, as well as dependence on consumption. The formation of a “new” middle class from the working population through the organization of collective forms of labor can help to stabilize the crisis situation and overcome consumerism.

Keywords: *middle class, working class, labor, capitalism, social inequality, consumption, post-material values.*

References

1. Diligenskiy G.G. *People of the middle class* [Ljudi srednego klassa]. Moscow, Institute of the Public opinion Foundation, 2002. P. 9. (In Russ.).
2. Baturenko S.A. Modern working class in Russia: the problem of social integration [Sovremennyj rabochij klass v Rossii: problema social'noj integracii]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University], 2011, no. 4, pp. 37—45. (In Russ.).
3. Shkaratan O.I. *Sociology of inequality. Theory and reality* [Sociologija neravenstva. Teorija i real'nost']. Moscow, Publishing house of Higher school of Economics, 2012, p. 478. (In Russ.).
4. Shkaratan O.I., Bondarenko V.A., Krelberg Yu.M., Sergeev N.V. *Social stratification and its reproduction in modern Russia* [Social'noe rassloenie i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii]. Moscow, Higher school of Economics, 2003. 330 p. (In Russ.).
5. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., Chepurenskiy A.Yu. *The middle class in modern Russian society* [Srednij klass v sovremennom rossijskom obshhestve]. Moscow, Russian political encyclopedia, Russian independent Institute of social and national problems, 1999. Pp. 67—68. (In Russ.).
6. Dadush U., Shimelse A. *In search of The Global Middle Class. A new Index*. Carnegie Endowment. 2012. P. 6.
7. Criteria for identifying and determining the number of the middle class in modern Russian society [Kriterii vydelenija i opredelenija chislennosti srednego klassa v sovremennom rossijskom obshhestve]. *Srednij klass v sovremennoj Rossii* [The middle class in modern Russia]. Moscow, Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008. Pp. 12—24. (In Russ.).

УДК 165.3
ББК 87.2

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10206

Цифровизация языка в условиях «вынужденной» многозадачности: проблема идентификации

Е. М. Николаева, Э. А. Дюкина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Стремительное развитие цифровых технологий, в том числе появление социальных медиа, повлекло за собой глубокое изменение коммуникационного ландшафта в XX веке. Возможность постоянного доступа к интернету, а также использование приложений для обмена мгновенными сообщениями в режиме онлайн дали толчок для формирования нового цифрового языка, конструирования новой языковой среды. В работе рассматриваются основные тенденции развития языковой среды под влиянием цифровизации общественной жизни.

Ключевые слова: *цифровизация, социальные медиа, языковая среда, кибер-язык, эмодзи.*

Язык — это самый впечатляющий по своим масштабам и беспрецедентности проект человечества с открытым кодом. Появление и стремительное проникновение интернета во все сферы нашей жизни меняет язык гораздо быстрее и радикальнее, чем в предыдущие исторические периоды.

Трансформация языка, обусловленная социальным, экономическим, политическим и культурным развитием народа, перманентный процесс. Российский и советский лингвист Л. В. Щерба отмечал, что «филологам, было, конечно, всегда понятно, что орфография есть вещь условная и меняющаяся во времени; но широкие круги грамотных людей считали её покоящейся на каких-то незыблемых основаниях» [3]. Особенность состояния языковой ситуации сегодня состоит в том, что подавляющее большинство изменений в языке является прямым следствием развития и внедрения информационных технологий. Технологии оказывают влияние на все аспекты нашей жизни: формируют новую экологическую среду человека, меняют нашу телесность, вносят коррективы в то, как мы говорим и пишем.

Начиная разговор об изменениях в языковом ландшафте, необходимо определить, что мы понимаем под понятием «язык» в контексте данной работы. Язык — это сложное универсальное социальное явление, основное средство человеческой коммуникации и хранилище огромного массива знаний и жизненного опыта, совершенное и важнейшее средство формирования мировоззрения и человеческого общения, неразрывно связанное с мышлением и социальными взаимодействиями [2]. Язык представляет собой набор знаков и символов, который является основой и источником многих эмоций, убеждений, установок человека.

Одной из главных атрибутов нашего времени является «вынужденная» многозадачность. Мы можем работать или читать, слушать музыку или смотреть you-tube, и в то же время будем обмениваться сообщениями в мессенджерах. В данной работе не будут оцениваться позитивные/негативные последствия этого явления, мы попробуем рассмотреть, как многозадачность влияет на коммуникацию, и в частности на модификацию языка.

Многозадачность связана с изменением скорости протекания различных процессов, потребностью в ускорении. Слоган современного мира: «Чем быстрее, тем лучше». И это, разумеется, оказывает влияние на человеческие взаимодействия и в первую очередь в цифровом поле.

Существует ли корреляция между возрастом и успешностью использования цифровых устройств? Оказывают ли технологии столь же значимое влияние на поколение X, как на поколение Z?

В 2001 году в статье «Цифровые аборигены и цифровые мигранты» [10] американский футуролог Марк Пренски предложил классифицировать всех людей на две категории:

- в первую категорию попали люди, родившиеся в конце XX века — поколение мобильных телефонов, компьютеров, видеоигр; в результате погружения в «цифровую окружающую среду» когнитивные процессы, в том числе мышление и обработка информации, у них протекают иначе, чем у предыдущих поколений;
- вторая категория — цифровые мигранты, включает людей, выросших вне цифровой эпохи, и либо имеющих проблемы с адаптацией к новым технологиям, либо приспособившихся к новым диджитал-реалиям.

Однако мы полагаем, что классификация такого рода — это научный миф. Например, многие студенты, которые являются опытными пользователями социальных сетей, не способны производить операции, связанные с использованием электронных таблиц или созданием веб-сайтов. Поэтому навыки в диджитал-сфере — это не маркер возраста, а скорее простая совокупность знаний и опыта, как и в других областях. Что касается использования кибер-языка, то, очевидно, что его производителями являются молодые люди, однако не существует возрастных ограничений в отношении его пользователей.

Необходимость — мать всех изобретений. Поскольку цифровые коммуникации, как правило, происходят в ситуации многозадачности, следовательно, вполне закономерно возникает необходимость упрощения языка, формирования правил и норм, которые будут удобны его пользователям [11]. По словам исследователя в области психологии развития Э. Гросс «обмен мгновенными сообщениями, особенно в молодежной среде, является одной из множества одновременно выполняемых задач. Такая многозадачность, зачастую включающая в себя другие социальные взаимодействия, а также иные некоммуникативные действия, приводит к необходимости использования простого (примитивного) языка» [9]. Потребность в этом менее трудоемком по сравнению с общепринятой письменной речью языком возрастает еще и потому, что цифровое общение (например, общение в чатах) является синхронным: требует немедленной реакции, использования максимально коротких, но в то же время содержательных сообщений, не допускает задержек.

Лингвистически креативные интернет-сообщества, социальные сети изобретают новый сленг и жаргон с невероятной скоростью. Это новая лаборатория по производству слов и языковых конструкций, в которой мы можем наблюдать трансформацию и развитие языка в ситуации реального времени.

Изменения в языке, свидетелями которых мы являемся, могут казаться незначительными, однако, мы считаем, что в будущем они будут рассматриваться как существенные, фундаментальные изменения языка.

Коммуникация в интернете — это гибрид речи и письменного стиля. «Тон голоса» электронного сообщения — использование заглавных букв, в качестве крика или многоточий для обозначения паузы помогает воспроизвести, компенсировать эмоциональное содержание послания и избежать неверного истолкования адресатом.

При этом часто мы начинаем использовать данные конструкции за пределами онлайн общения. Например, использование хештегов #metoo, #blacklivesmatter или конструкции #ямы... очень быстро стало частью разговорной речи и телесным движением (скрещенные пальцы).

Но зачем пользоваться лингвистическими полуфабрикатами, если можно использовать правильную литературную форму? Например, рассмотрим ситуацию, когда в Инстаграме мы добавляем подпись к фотографии красивого пейзажа «это просто чудооооо и аааааа!» и ставим соответствующий смайлик «восторг». Перевод этого сообщения в классическую литературную форму может выглядеть следующим образом: «То, что я вижу сейчас — это просто невероятное зрелище! Меня переполняет масса эмоций, я просто не способен выразить весь свой восторг! Прекрасное сочетание света и тени, осенние цвета создают эффект полотна Левитана!» Таким образом, история, написанная в 32 словах, превращается в историю в 5 словах. При этом нахождение в общем культурном и интернет-пространстве, обуславливает верное истолкование сообщения, а также оставляет поле для креативности и создания новых смыслов.

Упрощение языка — это также феномен Твиттер. Поскольку пользователь ограничен 140 знаками, возникает необходимость либо более четкого и краткого, либо более эмоционального формулирования передаваемого сообщения [5].

Можно ли определять этот новый кибер-язык как диалект? Принято говорить о двух видах диалектов — территориальных и социальных. При этом социальные различия в языке являются столь же распространенными, как и территориальные. Все люди имеют как региональную, так и социальную идентичность — они не только соотносят себя с жителями определенного района, региона, но также идентифицируют себя как представителей определенного социального класса, возрастной, этнической группы. Лингвист Игорь Исаев определяет социальный диалект как «вариант национального языка, употребление которого ограничено определенной социальной группой» [1]. Известны социальные диалекты, связанные с профессией («язык» юристов, медиков, например). Социальные диалекты являются следствием социальной замкнутости (особого статуса) группы и имеют преимущественно лексические языковые особенности. Таким образом, можно выделить два важнейших критерия диалекта — это взаимопонятность внутри языка и наличие лексических особенностей. Очевидно, на данном этапе развития кибер-язык можно определить как форму социального диалекта: большинство его

пользователей составляют молодые люди, независимо от страны проживания, которые используют специальную знаковую систему, которая отличается от общепринятого языка.

Какие основные особенности «языка чатов» можно выделить?

1. Индивидуальность и творчество. Интернет — это свободное пространство, в котором любой пользователь имеет неограниченное поле для творчества и индивидуализации собственного Я. Создание новой лексики кибер-языка чаще всего происходит двумя путями: придание нового смысла уже существующим словам/символам или создание новых слов/символов. Также речь пользователей различных мессенджеров характеризует наличие опечаток (зачастую преднамеренное), отсутствие знаков препинания, игнорирование начальной заглавной буквы. Цифровой язык в отличие от «нормального» языка не имеет четких норм, принципов, правил, которые являлись бы обязательными для его пользователей.
2. Экономичность. Сетевое общение синхронно. Поэтому пользователям необходимо, во-первых, оперативно отвечать на сообщения, а во-вторых, стремиться к формулированию коротких и содержательных предложений, заменять фразы их более короткими аналогами, аббревиатурами, сокращениями. Кроме того, достаточно распространенной является замена слова на похожий с точки зрения фонетики звук или даже цифру и использование иностранных слов.
3. Выражение экспрессии в речи при помощи использования заглавных букв или конфигурации из знаков препинания. Невозможность использования жестов и интонации препятствует передаче полного спектра эмоций и ощущений. Поэтому пользователи создают серию знаков препинания для выражения определенной эмоции в целях имитации ситуации личного общения лицом к лицу. При этом юмор является главным элементом общения пользователей в различных чатах.
4. Кибер-язык обладает некоторыми характеристиками жаргона, если мы под понятием «жаргон» понимаем социальный диалект, который отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладает собственной фонетической и грамматической системой. Кроме того, с помощью использования кибер-языка создается чувство групповой принадлежно-

сти, для «аутсайдеров» мессенджеров жаргонная речь является непонятным набором букв, цифр и знаков.

Отдельно стоит остановиться на такой особенности кибер-языка, как использование эмодзи, поскольку это наиболее масштабный и знаковый феномен проявления новаций в языке.

Профессор Университета Торонто Марсель Дазеи выдвигает интересную гипотезу о том, что эмодзи — это воспоминание о гибридном письме прошлого, в котором сочетались графические изображения и фонетические конструкции [7]. Тотальное увлечение смайликами — это ренессанс иероглифического письма древних египтян или майя. Они сочетают в себе текстовые, звуковые, образительные средства для эффективной коммуникации, передачи эмоциональных нюансов речи, а также для визуальной стилизации информации.

В 2015 году Оксфордский словарь назвал словом года не слово, а графическое изображение — смайлик «лицо со слезами радости» (<https://languages.oup.com/word-of-the-year/2015/>). Эмодзи помогают преодолевать языковые и культурные барьеры. Но можно ли назвать эмодзи универсальным языком? С большой долей условности. Эмодзи — это индивидуализированный символ, поскольку не существует социальной конвенции по поводу их значения. Например, эмодзи «сложенные руки» некоторые используют в качестве сообщения-благодарности, а другие как графическое изображение молитвы. Помимо разницы в смыслах существует градация уровня эмоциональности. Для одних пользователей смайлик-улыбка — это символ вежливости, для других — смех над шуткой.

Использование смайликов как стратегия избегания двусмысленности или неверного истолкования смысла передаваемого сообщения не всегда является эффективным механизмом. Рассмотрим несколько типичных ситуаций. Улыбающийся смайлик, призванный смягчить интонацию, поставленный в конце сообщения с резкими негативными высказываниями может способствовать усилению агрессии с точки зрения получателя. Сообщение пользователей, которые постоянно используют смайлики, может быть неверно понято, если их месседж не будет промаркирован соответствующим графическим изображением лица.

С точки зрения лингвистики вопрос о широкой применимости и распространенности смайликов решается вполне однозначно. Смайлики — это способ избежать двусмысленности, когда письменность начинает выполнять функции речи. Ввиду невозможности использования просодических

и кинестетических средств письменность всегда была многозначна, но в традиционном письме есть возможность развить мысль, сделать фразу эмоционально окрашенной и развернуто обозначить личную позицию. Быстрый темп сетевого общения в синхронных чатах (даже замедленный элементами планирования, паузами на размышление, проверкой текста перед отправлением) это отвергает.

При всей своей аналогичности кибер-язык не может поддерживать некоторые фундаментальные свойства речи. Метакоммуникативный минимализм языка чатов — вот, что пытается преодолеть использование смайликов, добавить некий усредненный личностный аспект в бестональную среду.

Профессор университета Сёдертёрна (Стокгольм, Швеция) Дженни Санден утверждает, что мы вписываем себя в существование — то, как мы пишем, определяет то, кем мы являемся [4]. Сегодня мы наблюдаем ситуацию размывания, стирания границ между формальным и неформальным, письменным и устным языком.

Если ранее принято было считать, что письмо (например, написание статей, электронных писем) — это формальная деятельность, а неформальное общение продуцировалось в устной речи, (например, в разговорах, выступлениях), то сегодня все неформальное общение становится текстовым благодаря все возрастающей популярности Twitter, Facebook, WhatsApp. Этот текст открыт к модификациям с точки зрения лингвистики, орфографии, пунктуации, в нем используется больше аббревиатур (новые социальные аббревиатуры — lol, btw, omg! и пр.) и заглавных букв, картинок и эмодзи. Вследствие этого меняются способы и методы изучения языка. Сегодня исследователи используют архивы социальных медиа в качестве лингвистического корпуса.

Дискуссионным остается вопрос о принадлежности цифрового языка. Можно ли однозначно определить является цифровой язык естественным или искусственным? Естественный язык — язык, используемый для общения (разговора) людей и не созданный целенаправленно; искусственный язык — специализированный язык, в котором лексика, фонетика и грамматика были специально разработаны для воплощения определенных целей. С одной стороны, характеристикой естественного языка является возможность его использования в устной форме, что, казалось бы, приводит нас к выводу об искусственном характере «языка чатов». С другой стороны, цифровой язык условно можно отнести к разговорным формам, поскольку чаты по своей природе являются «устными», что доказывает использование вос-

клицаний, смайликов, стикеров как альтернативы жестам. Таким образом, интернет-язык не может быть однозначно отнесен ни к одной, ни к другой группе.

Также языки можно классифицировать на письменные и устные. Попробуем прояснить природу устного и письменного языка через выделение основных характеристик [6, с. 26—27]. Устную речь характеризуют:

- 1) ограниченность во времени, динамичность, наличие прямого взаимодействия между участниками коммуникации;
- 2) возможность интонационного окрашивания (темп, громкость, ритм), разграничения частей с помощью пауз, смысл сообщения может быть передан с помощью жестов, мимики;
- 3) размытость границ между предложениями;
- 4) использование ненормативной или бессмысленной лексики, кратких форм;
- 5) невозможность устранения ошибок.

Письменную речь характеризуют:

- 1) статичность во времени, постоянство — зачастую она является результатом ситуации, когда между адресатом и адресантом существует граница (временная или территориальная);
- 2) временной разрыв между ее производством и получением адресантом;
- 3) возможность многократного чтения и анализа;
- 4) четкое разграничение предложений с помощью пунктуационных знаков, разделение информации с помощью абзацев;
- 5) отсутствие немедленной обратной связи;
- 6) возможность устранения ошибок, корректировки смысла.

Таким образом, кибер-язык обладает характеристиками и той, и другой формы: с одной стороны, юридические, литературные, научные тексты в интернете представлены в традиционной письменной форме с некоторыми стилистическими особенностями для адаптации к электронному носителю, с другой стороны, ситуацию использования электронной почты, чатов, социальных сетей можно описать с помощью свойств устной речи.

Есть несколько позиций, по которым можно демаркировать язык в диджитал-пространстве от разговора в офлайн-мире. Даже в мгновенных чатах невозможно понять успешность сообщения в момент его создания, поскольку мы не видим выражения лица или не слышим вербальных согласий (например, угу, аха, конечно) или несогласий с нашей позицией. С другой стороны, адресантам

приходится находиться в ситуации ожидания и наблюдать за строкой «... печатает сообщение». При этом связь реакция-стимул может занимать от нескольких секунд до нескольких месяцев, скорость обмена зависит от нескольких факторов, в том числе от личности и привычек пользователя, наличия уведомления о получаемых сообщениях или доступности сети. Из-за запаздывания реакции ритм взаимодействия будет ниже, чем в телефонном разговоре или при личной встрече.

Кибер-язык также существенно отличается от письменной формы языка. Страница с информацией не остается в статичном виде. И это связано не только с возможностью корректировки содержания создателями или пользователями ресурса, но также с появлением рекламных окон или нового графического дизайна. Таким образом, кибер-язык лучше рассматривать как письменную форму языка, адаптированную для диджитал-пространства, нежели чем как речь, перемещенную на экран.

На наш взгляд, изучение кибер-языка в рамках дихотомии «речь-письмо» не продуктивно, поскольку это эмерджентный и эклектичный коммуникативный феномен. Это кентавр, состоящий из речи, письма и диджитал-опосредованных средств выражения. По мнению американских лингвистов Б. Дэвис и Дж. Брюэр пользователи лишь условно принимают конвенциональные установки предыдущего дискурса для создания собственного языка, отвечающего новым индивидуальным коммуникативным потребностям [8].

Любые новации общественной жизни всегда вызывают негатив со стороны консервативно настроенной части социума. Это касается и транс-

формации языка под влиянием цифровых технологий. Защитники офлайн-языка обеспокоены по поводу разрушения существующих норм грамматики, пунктуации, орфографии. Некоторые наиболее радикальные исследователи говорят о том, что цифровой язык вскоре поставит офлайн-язык на колени. Действительно ли это так? С одной стороны, мы можем утверждать, что модификация языка вполне закономерный процесс. Общество — это открытая саморазвивающаяся система, изменения одной ее части неизбежно влекут за собой новации в других областях. Конечно, мы можем привести сотни примеров грамматических или семантических архаизмов или можем перечислять устаревшие нормы в своде правил русской орфографии и пунктуации 1956 года. Но с другой стороны, мы не можем игнорировать скорость, масштаб и фундаментальность изменений, происходящих в цифровом языке.

Конечно, мы понимаем, что грамматика — это условность. Но до определенного времени она рассматривалась как несомненный признак принадлежности к определенному культурному и социальному уровню. Л. Н. Толстой даже нравственность человека определял через его отношение к слову. Действуют ли эти нормы сейчас — спорный вопрос. Строгость лингвистических правил и их соблюдения в ситуации сетевого общения утрачивает свою актуальность. Ориентир смещается с заикленности на правилах и нормах к «языковой толерантности». Важным является не правильность букв и знаков, а сама ситуация общения, передачи смыслов и эмоций. Язык должен оставаться живым, а для этого ему необходимы трансформации изменения.

Список литературы

1. Исаев, И. И. Диалекты русского языка / И. И. Исаев. URL: <https://postnauka.ru/faq/60031>.
2. Лобачева, О. А. Функциональная трансформация языка в современном российском обществе (теоретико-методологический аспект) : автореф. дисс. ... канд. социол. наук / О. А. Лобачева. Саратов, 2012. 141 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/389290>.
3. Щерба, Л. В. Безграмотность и ее причины // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. 186 с., — URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba20.htm>
4. Boyd, D. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. Boyd, N. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 13(1). P. 210—230. URL: DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x.
5. Carrier, M. Because Internet: Understanding the new rules of language (a review) / M. Carrier // Training Language and Culture. 2019. Vol 3. P. 107—111. URL: DOI: 10.29366/2019tlc.3.3.8.
6. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. Cambridge Cambridge University Press, 2004. 284 p. URL: http://medicine.kaums.ac.ir/uploadedfiles/files/language_and_%20the_internet.pdf.
7. Danesi, M. The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet / M. Danesi. London Cambridge University Press, 2016. P. 208. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Semiotics_of_Emoji.html?id=n0PqDAAAQBAJ&redir_esc=y

8. Davis, B. *Electronic Discourse: Linguistic Individuals in Virtual Space* / B. Davis, J. Brewer. Albany : State University of New York Press, 1997. URL: https://books.google.ru/books?id=Kz11jvHsed4C&pg=PA1&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4.

9. Edwards, B. *Digitally Speaking: Multitasking and the Future of Digital Language for Academic Communication* / B. Edwards, B. Aris, N. Shukor // *LSP International Journal*. 2015. Vol. 3. P. 17—26. URL: DOI: 10.11113/lspi.v2n2.25.

10. Prensky, M. *Digital Natives, Digital Immigrants* / M. Prensky // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9, no. 5. URL: DOI: 10.1108/10748120110424816.

11. Sun, Y. *Changes from the Internet Language to Emoji* / Y. Sun // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 378. P. 508—511. URL: DOI: 10.2991/assehr.k.191217.116.

Сведения об авторах

Николаева Евгения Михайловна — доктор философских наук, профессор кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, Казань. kaisa1011@rambler.ru

Дюкина Эльвира Амировна — аспирант кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия. dyukina.elvira@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 38—44.

Digitalization of the language in “forced” multitasking: identification issues

E.M. Nikolaeva

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. kaisa1011@rambler.ru

E.A. Dyukina

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. dyukina.elvira@yandex.ru

The rapid development of digital technologies, including the emergence of social media, has led to a profound change in the communication landscape in the 20th century. Today, in an era of multitasking, we are witnessing a dramatic increase in the speed of social processes, a change in the rules and norms of communication interaction, which leads to a language shift. The possibility of constant access to the Internet, as well as the use of instant messaging applications online, has given rise to a new digital language and the construction of a new language environment. The paper examines the main trends in the development of the language environment as a result of the digitalisation of public life, and attempts to demarcate internet-mediated written and spoken speech.

Keywords: *digitalisation, social media, language environment, cyber language, emoji.*

References

1. Isaev I.I. *Dialekty russkogo yazyka* [Dialects of Russian]. Available at: <https://postnauka.ru/faq/60031>, accessed 22.10.2020. (In Russ.).

2. Lobacheva O.A. *Funkcional'naya transformaciya yazyka v sovremennom rossijskom obshchestve (teoretiko-metodologicheskij aspekt)* [Functional transformation of language in modern Russian society (theoretical and methodological aspect)]. Abstract of thesis. Saratov, 2013. Available at: <https://www.prlib.ru/item/389290>, accessed 22.10.2020. (In Russ.).

3. Shcherba L.V. *Bezgramotnost' i ee prichiny* [Illiteracy and its causes]. Moscow, Uchpedgiz. 1957. 186 p. Available at: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba20.htm>, accessed 22.10.2020. (In Russ.).

4. Boyd, D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, no. 13(1), pp. 210—230. Available at: doi:10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x.

5. Carrier M. Because Internet: Understanding the new rules of language (a review). *Training Language and Culture*, 2019, no. 3, pp. 107—111. Available at: doi: 10.29366/2019tlc.3.3.8.

6. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 284 p. Available at: http://medicine.kaums.ac.ir/uploadedfiles/files/language_and_the_internet.pdf, accessed 22.10.2020.

7. Danesi M. *The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet*. London, Bloomsbury, 2016. 208 p. Available at: URL: https://books.google.ru/books/about/The_Semiotics_of_Emoji.html?id=n0PqDAAAQBAJ&redir_esc=y, accessed 22.10.2020.
8. Davis B. *Electronic Discourse: Linguistic Individuals in Virtual Space*. Albany, State University of New York Press, 1997. Available at: URL: https://books.google.ru/books?id=Kz11jvHsed4C&pg=PA1&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4, accessed 22.10.2020.
9. Edwards B. Digitally Speaking: Multitasking and the Future of Digital Language for Academic Communication. *LSP International Journal*, 2015, no. 3, pp. 17—26. Available at: doi: 10.11113/lspi.v2n2.25.
10. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, 2001, no. 9 (5). Available at: doi: 10.1108/10748120110424816.
11. Sun Y. Changes from the Internet Language to Emoji. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, no. 378, pp. 508—511. Available at: doi: 10.2991/assehr.k.191217.116.

УДК 008.001
ББК 71.06

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10207

Межкультурная коммуникация в контексте делового взаимодействия: теоретические и практические аспекты

С. В. Михельсон

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В нынешнее время не хватает работ, описывающих межкультурную коммуникацию с новой точки зрения — с точки зрения эффективного межкультурного делового взаимодействия, теоретического анализа моделей классификации культур, сочетания теоретических и практических подходов в преодолении препятствий межкультурного взаимодействия. Цель статьи — проанализировать теоретические и практические аспекты эффективной межкультурной деловой коммуникации, описать барьеры в межкультурном взаимодействии и пути их преодоления.

Ключевые слова: барьеры межкультурного взаимодействия, деловая коммуникация, культура, межкультурная коммуникация, переговоры, мультикультурализм.

Межкультурное деловое взаимодействие происходит в среде различных культур с присущими им особенностями. Эффективное управление международной конструктивной коммуникацией и ведением переговоров требует опоры на адекватные теоретические решения и эффективную организацию практической коммуникативной работы. Поэтому необходимо проанализировать различные аспекты интернационализации в межкультурной коммуникации.

Несмотря на то что различные аспекты межкультурной коммуникации рассматривались в работах различных авторов, на сегодняшний день наблюдается недостаток работ, описывающих межкультурную коммуникацию с новой точки зрения — с точки зрения эффективного межкультурного делового взаимодействия, теоретического анализа моделей классификации культур, сочетания теоретических и практических подходов в преодолении барьеров межкультурного взаимодействия. По нашему мнению, без тесного синтеза этих аспектов невозможно детально понять смысл эффективного межкультурного делового взаимодействия.

Проблема — недооценка важности теоретической и практической гармонии элементов межкультурного взаимодействия.

Объект исследования — межкультурная коммуникация в контексте делового взаимодействия.

Цель работы — проанализировать теоретические и практические аспекты эффективной межкультурной деловой коммуникации.

Задачи работы: 1) проанализировать аспекты мультикультурализма в контексте межкультурного делового взаимодействия через модели классификации культур различными мировыми учеными;

2) описать препятствия на пути межкультурного взаимодействия и пути их преодоления.

По нашему мнению, только при правильном понимании аспектов, перечисленных в задачах, можно обеспечить эффективную межкультурную коммуникацию в контексте делового взаимодействия.

Методы исследования — системный, сравнительный, логический анализ и синтез научной литературы.

Коммуникация представителей различных культур в глобальном мире создает дополнительные трудности в оценке переговорных навыков, навыков делового взаимодействия общающихся субъектов и в моделировании стратегических решений. Все это предполагает необходимость поиска подходов моделирования, ориентированных на межкультурную совместимость и более эффективное знание контекста межкультурного делового взаимодействия.

Разные ученые представили различные классификации, которые показывают, как особенности делового взаимодействия и ведения переговоров одной культуры зависят от той или иной культурной среды.

Коэн [1, с. 7—32] различает две парадигмы ведения переговоров и делового взаимодействия: американскую и восточную. Кроме того, переговоры, а также различные встречи и собрания формируют основу для межкультурного делового взаимодействия, поэтому в данной статье мы уделим большее внимание переговорам.

Американская культура делового взаимодействия и переговоров основана на вербальном, эксплицитном, низкоконтекстном стиле общения. Культуры с низкой контекстуальностью

характеризуются: 1) прямой и экспрессивной речью; 2) ограниченным вниманием к использованию невербальных форм взаимодействия в общении; 3) четкой и точной оценкой всех затронутых тем и вопросов; 4) трактовкой молчаливости как недостаточной компетентности или недостатка информации; 5) открытым выражением неудовлетворенности [3]. Эта парадигма основана на принципах «Я могу делать» и «Давать и брать». В деловом взаимодействии и переговорах представители американской парадигмы, видя преимущества отдачи и принятия, могут делать многие процессы, которые не были полностью включены в повестку дня деловой встречи, а также договариваться о вещах, отличных от того, что изначально предполагалось. Во время переговоров постоянно ищут решения с партнером по переговорам, поскольку считается, что обе стороны должны быть мотивированы решать проблемы точно так же, как они заинтересованы в получении прибыли. Время для представителей этой парадигмы всегда имеет реальную ценность, особенно это касается представителей США.

Восточная парадигма ведения переговоров и делового взаимодействия базируется на различных переговорных характеристиках. В ней доминирует внутренний, высококонтекстный стиль коммуникации. Высокие контекстуальные культуры характеризуются: 1) непроявленным, скрытым языком, множественными паузами с множественными значениями; 2) ориентацией на невербальное общение и способностью «говорить глазами»; 3) точной, детальной передачей информации; 4) избегание открытого показа недовольства, гнева в различных условиях. Восточная парадигма характеризуется тем, что деловое взаимодействие, переговоры и принятие решений происходит в гораздо большей степени на основе коллективного мнения, а не личных установок. Установление и укрепление личных отношений во время делового взаимодействия и переговоров считается очень важным аспектом коммуникации. В этой парадигме межкультурной коммуникации большое значение придается истории, ходу встречи, атмосфере, терпению и терпимости.

Соглашение может быть достигнуто только после установления хороших отношений и без спешки с завершением переговоров. Эта парадигма представлена такими странами, как Япония, Китай и др.

Гестеланд [2] выделил классификацию типов межкультурного взаимодействия и переговоров по трактовке основных аспектов переговоров (субъективности, формальности, времени и эмоциональности). Она позволяет гибко смотреть на

особенности межкультурного взаимодействия и ведения переговоров с точки зрения страны и региона, не привязываясь только к географическому распределению.

Автор анализирует культуры в соответствии со следующими измерениями: 1) ориентация на деловые вопросы и межличностные отношения; 2) формальность и неформальность; 3) ориентация на время и повестку дня; 4) экспрессивность и сдержанность.

Приведенную выше классификацию мы рассмотрим более подробно, так как последняя, по нашему мнению, лучше всего иллюстрирует особенности мультикультурализма в межкультурном деловом взаимодействии.

Деловая ориентация и межличностная ориентация. Вводя это измерение, Гестеланд, в свою очередь, различает следующие типы культур: 1) культуры, ориентированные на деловые отношения (Северная и Германская Европа, Великобритания, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка); 2) культуры, умеренно ориентированные на деловые отношения (Южная Европа, Восточная Европа, Средиземноморский регион, Гонконг, Сингапур); 3) культуры, ориентированные на взаимные отношения (арабские государства, большая часть Африки, Латинская Америка, большая часть Азии) [2, с. 18].

На мировых рынках подавляющее большинство составляют бизнес-культуры, ориентированные на взаимные отношения. Люди в этих культурах предпочитают работать с членами семьи, друзьями и хорошо известными людьми или их группами, и считают неудобным работать с иностранцами [2, с. 17]. Такие черты характерны, например, для Японии, которую часто называют «обществом пауков» [7, с. 378—379]. Для того чтобы установить деловой контакт с представителями деловой культуры, ориентированной на межличностные отношения, например, японцами, необходимо быть представленным третьей стороной — посредником [2, с. 21]. Это может быть бизнесмен или фирма, хорошо известная обеим сторонам.

Представители, ориентированные на деловые отношения, напротив, довольно легко выстраивают контакты с неизвестными партнерами без какой-либо предварительной подготовки, взаимодействия или отношения [2, с. 17, 19]. Лучшим примером ориентированной на бизнес культуры является США. Во многих отношениях легче всего иметь дело с представителями США, поскольку их философия делового взаимодействия основана на прагматизме и проста [7, с. 166].

Культуры, ориентированные на деловые отношения и взаимные отношения, также различаются

по способу их взаимодействия. Переговорщики, ориентированные на бизнес, обычно предпочитают прямой, открытый, простой язык, в то время как переговорщики, занимающиеся отношениями, предпочитают использовать косвенный и утонченный стиль. Последние предпочитают гармоничные и ровные взаимоотношения. Они стремятся сохранить гармонию, тщательно контролируя свой язык и действия, чтобы не оскорблять других или ставить их в неудобное положение [2, с. 35—36]. Например, японцы избегают употребления слова «нет» в переговорах, поскольку считают, что это может привести к дисгармонии в переговорах [7, с. 381, 383].

Формальность и неформальность. Существуют формальные и неформальные бизнес-культуры. Гестеланд утверждает, что формальные культуры, как правило, делятся на иерархии, отражающие положение и авторитет их членов. Между тем неформальные культуры больше ценили эгалитарные общества с меньшими различиями в статусе и власти [2, с. 45]. Возможна также более детальная разбивка вышеперечисленных культур: 1) высоко неформальные культуры (Австралия, США); 2) полностью неформальные культуры (Канада, Новая Зеландия, Дания, Норвегия); 3) формальные культуры (большинство стран Европы, Средиземноморья, арабских стран, Латинской Америки, большей части Азии [2, с. 47].

Противоположно воспринимаемые ценности могут привести к конфликтам и недоверию за столом переговоров. Например, при переговорах с немецкими бизнесменами настоятельно рекомендуется называть их по фамилиям и не забывать их должности и титулы. Не рекомендуется шутить во время деловых встреч с немцами. Немецкий формализм не ограничивается переговорами: даже на рабочих местах, где они работают вместе уже много лет, они обращаются к своим коллегам по фамилиям [7, с. 197, 199, 201]. Американцы совсем другое дело; хотя они всегда чувствуют себя непринужденно, им не нравится официальная атмосфера при взаимодействии с партнерами.

Ориентация на время и повестку дня. Разные культуры по-разному воспринимают время и повестку дня. Последний аспект мешает эффективной конструктивной коммуникации. В обществах, которые строго относятся ко времени, пунктуальность является обязательной, повестка дня неприкосновенна, а деловые встречи редко прерываются. Гестеланд описывает эти культуры как монохромные в своей модели делового взаимодействия между разными культурами. Их оппозиция — полихромные общества, которые меньше обращают внимания на пунктуальность. В полих-

ромных культурах ценится более свободная повестка дня или деловые встречи, которые могут включать несколько «встреч в рамках встреч».

Гестеланд подразделяет эти различные культуры дальше: 1) высоко монохромные культуры (скандинавская и германская Европа, Северная Америка, Япония); 2) средние монохромные культуры (Австралия, Новая Зеландия, Восточная Европа, Южная Европа, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Китай, Южная Корея); 3) полихромные культуры (арабские государства, Африка, Латинская Америка, Южная и Юго-Восточная Азия) [2, с. 57].

Различное восприятие времени и повестки дня приводит к конфликтам. Редко кто-либо из Северной Европы или Северной Америки принимает полихромное использование времени.

Экспрессивность и сдержанность. Гестеланд дает следующую подклассификацию таких культур: 1) высокоэкспрессивные культуры: Средиземноморский регион, Южная Европа, Латинская Америка; 2) среднеэкспрессивные культуры: США и Канада, Австралия и Новая Зеландия, Восточная Европа, Южная Азия; 3) сдержанные культуры: Восток и Юго-Восточная Азия, Северная и Германская Европа [2, с. 68].

Представители сдержанной культуры не любят много говорить, они предпочитают слушать. Слушание — необходимый атрибут их взаимодействия с другими. Представители этой культуры — интроверты, недоверчивые к излишним словам и поэтому умеют общаться без слов. Этому способствует тонкое выражение тела, которое в корне отличается от буйного махания руками у романских народов и африканцев.

Герт Хофстеде [5] характеризует китайское общество как сдержанное. Это означает, что члены китайского общества подчиняют свои желания существующим социальным нормам. По сравнению с западными странами они проводят гораздо меньше времени в отпуске и придают меньше значения этой части жизни.

На рубеже веков Холл [3] разделил культуры на: 1) культуры высокого и низкого контекста; 2) монохромные и полихромные. Характеристики культур с низким и высоким контекстом обсуждались при анализе парадигм ведения переговоров и делового общения: американской и восточной. Характеристики монохронных и полихронных культур обсуждались при анализе классификации типов межкультурной коммуникации и переговоров Гестленда, в которые автор включил некоторые элементы из модели культурной классификации Холла.

По словам Холла, разные культуры по-разному воспринимают пространство. Есть культуры, для

которых характерна потребность в определенном личном пространстве между собой и другими (США, Япония). В отличие от этих культур — латиноамериканские и арабские страны с присутствием им чувством общности. Представители этих культур чувствуют себя комфортно в общем пространстве с другими [9, с. 5].

Льюис делит культуры на три группы в соответствии с их ориентацией на внешний мир: 1) ориентация на достижение цели (представители — высокоорганизованные планировщики (единый план)); 2) ориентация на людей (представители — разговорчивые, ищущие взаимосвязи (многоплановые)); 3) ориентация на уважение к людям (представители — сдержанные, интровертные) [7, с. 42—56]. Классификация моноплоскостных и многоплоскостных культур здесь по существу соответствует вышеупомянутой классификации Холла монохромных и полихромных культур.

Герт Хофстеде [5, с. 53—298] предложил парадигму, в которой выделил шесть культурных измерений (проблем, с которыми каждая культура сталкивается и решает по-своему), с помощью которых можно описать и сравнить отдельные культуры: 1) дистанция власти; 2) избегание неопределенности; 3) индивидуализм — коллективизм; 4) маскулинность — фемининность; 5) долгосрочная — краткосрочная ориентация; 6) удовлетворение и ограничение. Эти измерения должны учитываться в стремлении к эффективному межкультурному деловому и экономическому взаимодействию, а также к продуктивным переговорам. Очевидно, что только лучшее понимание менталитета различных культур позволит нам более эффективно применять нашу коммуникативную стратегию с другими культурами.

Дистанция власти. Эта дистанция связана с существованием / отсутствием неравенства в обществе, а также с уровнями зависимости и взаимозависимости. Это измерение показывает, в какой степени сотрудники осознают, что те, кто выше их в иерархии управления, обладают властью. В культурах с более высоким уровнем власти руководители и подчиненные считают друг друга неравными. Они не чувствуют себя неловко в конечном результате, а скорее принимают как неизбежность то, что должно быть принято. Здесь власть централизована, и подчиненные должны следовать инструкциям. В культурах с меньшей дистанцией власти к руководителям и подчиненным относятся более справедливо, и между ними нет строгих границ. В качестве контраста — культуры, основанные на разной дистанции власти, мы можем идентифицировать Китай, Малайзию, Индонезию, Филиппины, Индию, арабские стра-

ны, Мексику, Венесуэлу, Эквадор (очень сильная дистанция власти) и Швейцарию, Финляндию, Норвегию, Швецию, Ирландию, Новую Зеландия, Данию, Австрию, Израиль (очень слабая дистанция власти) [5, с. 57—59].

Избегание неопределенности. Избегание неопределенности выражает двусмысленность, отсутствие терпимости и потребность в формальных правилах. Оно показывает, в какой степени люди в обществе чувствуют угрозу неопределенных ситуаций и пытаются их избежать. Высокое избегание неопределенности существует в таких странах, как Греция, Португалия, Бельгия, Испания, Франция, Япония, Гватемала, Уругвай, Сальвадор, Перу, Аргентине, Панаме, Чили, Коста-Рика, низкое избегание неопределенности — США, Великобритания, Ирландия, Швеция, Дания, Ямайка, Индия, Малайзия, Филиппины, Гонконг, Сингапур [5, с. 192—194].

Измерение индивидуализм — коллективизм. Измерение индивидуализма — коллективизма указывает на степень, в которой индивидуальные интересы получают приоритет по отношению к общим интересам. Сильный индивидуализм существует в таких странах как США, Канада, Великобритания, Италия, Бельгия, Дания, Швеция, Франция, Нидерланды, Австралия, Новая Зеландия. Слабый индивидуализм или сильный коллективизм встречается в таких странах, как Китай, Тайвань, Индонезия, Сингапур, Таиланд, Южная Корея, Пакистан, Западная Африка, Колумбия, Венесуэла, Сальвадор, Панама, Эквадор, Гватемала, Коста-Рика, Перу [5, с. 95—97].

На пример, в китайской культуре семья является основным социальным образованием. Китайцы ориентированы на группу, и это иллюстрирует то, как индивид видит себя частью группы. В Китае большое значение придается выгодам и целям всей группы, а не самому себе. Организацию часто называют семьей. Это сообщество, которое развивается и заботится о своих членах, которые обещают свою лояльность в ответ. Что также характерно для китайской коллективистской культуры, так это то, что решение принимается группой, рассматриваемой представителями культуры индивидуализма как медленный процесс. В ходе консультаций члены группы принимают единодушное решение. Много времени уделяется составлению контрактов и рассмотрению каждой возможности для достижения желаемых долгосрочных результатов в будущем. Эта концепция также связана с идеей Хофстеде о долгосрочной ориентации и измерениях избегания неопределенности. Китайское общество, между тем, столь же прагматично, когда люди верят, что истина

очень сильно зависит от ситуации, контекста и времени.

Измерение маскулинность — фемининность.

В терминах этого измерения мужественность и женственность (маскулинность — фемининность) понимаются здесь не в биологических терминах, а в социальном смысле. Исследование IBM показало, что почти везде женщины считают более важными социальные цели, такие как хорошие отношения, уважение к другим и физическому окружению, в то время как мужчины предпочитают так называемые цели эго, такие как карьера и деньги. Таким образом, это измерение описывает то, на что члены общества делают больший акцент: настойчивость и рабочие цели (такие как зарплата и продвижение по службе) или забота и личные цели (например, дружеская атмосфера, хорошие отношения с руководством и другими сотрудниками). По этой причине более фемининные общества лучше адаптируются к гендерным различиям, чем маскулинные общества. Очень слабая маскулинность или, другими словами, очень сильная фемининность наблюдается в таких странах, как Швеция, Норвегия, Нидерланды, Дания, Финляндия, Португалия, Чили, Коста-Рика, Таиланд; очень сильная маскулинность, или, другими словами, очень слабая фемининность, преобладает в таких странах, как Япония, Австрия, Италия, Швейцария, Ирландия, Великобритания, Германия, Венесуэла, Мексика, Ямайка [5, с. 141—143].

Долгосрочная — краткосрочная ориентации.

Это измерение основано на учении китайского философа Конфуция. Оно описывает, как быстро члены общества ожидают результатов. Долгосрочная ориентация предусматривает продвижение качеств, ориентированных на вознаграждение в будущем, а именно выносливость и экономическую эффективность. Краткосрочная ориентация предусматривает развитие черт, связанных с прошлым и настоящим, а именно уважение традиций и выполнение социальных обязательств. Долгосрочная ориентация характерна для таких стран, как Китай, Тайвань, Гонконг, Япония, Южная Корея, краткосрочная — США, Канада, Великобритания, Филиппины, Пакистан, Нигерия, Зимбабве.

Измерение удовлетворения — ограничения.

Сообщества с высоким уровнем удовлетворенности могут относительно свободно наслаждаться жизнью и получать от нее удовольствие, в то время как сдержанные (ограниченные) общества подавляют личное удовлетворение личных потребностей и управляются строгими социальными нормами. Полнос удовлетворенности представлен Северной и Южной Америкой, Западной Европой, некоторыми африканскими странами, Юго

— Восточной Европой, Азией, мусульманскими странами.

Шварц выделил семь аспектов при анализе различий в ценностях между странами: 1) консерватизм (или зависимость); 2) иерархичность; 3) превосходство; 4) эмоциональная автономия; 5) интеллектуальная автономия; 6) приверженность эгалитаризму (эквивалентность); 7) гармония. Теория культурных различий Шварца, основанная на исследованиях, проведенных в 54 странах, также используется при исследовании ценностей в странах Европейского союза [10, с. 140—142].

Результаты этого исследования по странам показывают значительную корреляцию с результатами, полученными Гертом Хофстеде.

Классификация мировых культур рассматривается в работах другими учеными, такими как Стинкамп [11], Цанг [13], Хилис, Джавидан [6], Тромпенаарс и Хэмпден-Тернера [12], однако их исследования не будут более подробно проанализированы в данной работе, поскольку, по нашему мнению, классификации ученых, обсуждаемые в данной публикации, достаточно репрезентативны для культурных различий.

С нашей точки зрения, проанализировав классификационные модели культур разных ученых всего мира, предложенная Гестеландом классификация культур является, пожалуй, лучшей в отражении культурных различий стран мира и позволяет легко соотнести ее с репрезентацией этих различий в процессе межкультурного делового взаимодействия.

Само собой разумеется, что классификации культур других обсуждаемых ученых не менее значимы и могут быть использованы при подготовке разработки эффективных стратегий международного делового взаимодействия.

Барьеры межкультурного взаимодействия и пути их преодоления: теоретические и практические выводы

Эффективная межкультурная конструктивная коммуникация невозможна, если мы не воспринимаем барьеры межкультурного взаимодействия и не знаем путей их устранения.

Тревожность и неуверенность в общении с представителями других культур могут быть снижены, если мы обладаем разнообразными межкультурными коммуникативными компетенциями. Межкультурная компетенция может пониматься, как способность общаться с людьми из других культурных слоев. Она охватывает три аспекта: формирование культурного сознания (включая всестороннее понимание собственной культуры и отношения к другим культурам); осознание

культурных знаний; развитие навыков межкультурного взаимодействия и умения эффективно использовать их в межкультурных ситуациях. Существует три основные области, в которых важна межкультурная коммуникативная компетентность: коммуникация, бизнес и военное дело.

В области коммуникации, межкультурная коммуникативная компетенция охватывает такие области, как личность (важны человеческие черты, влияющие на межкультурное человеческое общение), коммуникативные навыки (индивиды должны быть компетентны как в вербальном, так и в невербальном общении), психологическая поддержка (компетентный человек должен уметь акклиматизироваться в новой среде), культурная осведомленность (индивиды должны понимать социальные обычаи, социальную систему других культур и т. д.).

Существует утверждение, что межкультурная компетентность индивида в области бизнеса проявляется в: 1) знании деловой культуры, а также обычаев, традиций и переговорных стратегий других стран; 2) способности анализировать и адекватно понимать различные культурные контексты и реагировать на них; 3) знании политической и деловой философии и тенденций других стран, умении устанавливать контакт с деловыми и политическими лидерами, представляющими различные культуры; 4) способности эффективно работать в мультикультурных командах или в мультикультурной среде; 5) знание языков.

В военной сфере эффективность межкультурной коммуникации обеспечивают следующие аспекты компетентности межкультурного взаимодействия: 1) осведомленность; 2) доверие; 3) взаимодействие; 4) взаимопонимание; 5) адаптивность; 6) определенность; 7) инициатива; 8) одобрение.

Отличное владение компетенциями не может в полной мере гарантировать отсутствие конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть в межкультурном деловом взаимодействии, особенно на деловых встречах и переговорах. Поэтому необходимо знать различные стили разрешения конфликтов в межкультурном деловом взаимодействии, переговорах и, где это уместно, выбирать правильную стратегию разрешения конфликтов.

Ниже приводится описание пяти стилей разрешения конфликтов в международных переговорах и деловом взаимодействии в целом [8, с. 202]:

1. Конкурирующий стиль. Это стиль, который имеет черты отказа от сотрудничества и категоризации. Участники преследуют свои цели за счет других. Это модель, ориентированная на использование полномочий, кото-

рая использует то, что требуется для победы. В рамках этого стиля обычно одна сторона переговоров выигрывает, другая проигрывает.

2. Адаптивный стиль. Этот стиль обладает качествами сотрудничества и некатегоризации, в отличие от конкурирующего стиля. Участники игнорируют свои собственные проблемы, чтобы удовлетворить различные интересы участников, это самоотверженный стиль. Адаптационный настрой выбирается в процессе переговоров, когда жертвуешь чем-то сейчас, чтобы добиться будущих выгод, решить проблему быстрее.
3. Стиль избегания. Этот стиль обладает свойствами некатегоризации и отказа от сотрудничества. Участники не стремятся решить свои проблемы немедленно, и они не стремятся к конфликту. Избегание происходит путем откладывания проблемной темы, ожидания лучшего момента или избегания опасной ситуации. Этот стиль отражает смысл стратегии «один выигрывает — другой проигрывает», или «оба проигрывают».
4. Стиль сотрудничества. Этот стиль обладает как категоричностью, так и способностью к сотрудничеству, в отличие от избегания. Данный стиль предполагает цель сотрудничества с другим участником в поиске решений, полностью удовлетворяющих целям двух участников переговоров. Это означает, что участники глубоко рассматривают вопросы переговоров, как в определении основных проблем, так и в поиске ключевых альтернатив для решения вопросов, которые удовлетворяли бы целям обоих участников. Этот стиль выражает стратегию переговоров с обоюдным выигрышем, когда каждая сторона стремится к соглашению, которое удовлетворяет их обоих.
5. Стиль компромисса. Этот стиль занимает промежуточное положение между категоризацией и сотрудничеством. Его цель — найти взаимоприемлемые решения проблемы, которые являются взаимоприемлемыми и частично отвечают ожиданиям участников. Этот стиль также обладает свойствами соревновательного и адаптивного стилей. Здесь проблемы решаются более активно, чем в стиле избегания, но не так основательно и полно, как в стиле сотрудничества.

Если эти стили разрешения конфликтов больше подходят деловых переговоров, то эти практические советы по разрешению конфликтов, возникающих в межкультурном деловом взаимодействии,

являются более универсальными, а именно: 1) оставаться сосредоточенным на главном и не поляризоваться (хорошо — плохо, позитивно — негативно); 2) поддерживать контакт: не разрывать отношения, поощрять диалог, не изолироваться друг от друга; 3) признавать существование других стилей: у каждого человека есть свой собственный стиль разрешения конфликтов, который также обладает хорошими качествами; 4) выбрать собственный стиль разрешения конфликтов: большинство людей используют один и тот же стиль в схожих ситуациях; необходимо распознать и назвать свой собственный стиль; 5) проявить творческий подход и расширить репертуар стилей; 6) признание важности контекста конфликта: понимание более широкого социального, экономического, культурного, политического контекста, который является фоном для многих конфликтов; 7) готовность прощать: это особенно полезно при решении межкультурных конфликтов, так как обвинение приводит к стрессу, физическим проблемам и даже синдрому выгорания.

Серьезными препятствиями для межкультурного делового взаимодействия могут стать не только проблемы тревожности и неуверенности, недостаточная компетентность в межкультурной коммуникации, отсутствие адекватной стратегии разрешения конфликтов, возникающих в межкультурном взаимодействии или переговорах.

Существует еще ряд причин, вызывающих недопонимания и конфликты в межкультурной деловой коммуникации: 1) чувство превосходства; 2) этноцентризм; 3) культурный релятивизм, предпосылка универсальности; 4) стереотипы.

Таким образом, существует опасность недооценки важных особенностей индивидов, видов деятельности, групп, возникающих в контексте вненациональных культур.

Для того чтобы выработать стереотипное поведение на практике, индивид в межкультурном взаимодействии должен уметь: 1) адекватно принимать и интерпретировать различные культурные ценности; 2) сделать сознательные усилия, чтобы преодолеть барьеры на пути к культуре и увидеть не только различия, но также общность со своей культурой в чужой культуре; 3) рассмотреть различные культурные явления и представителей других культур с добросовестностью для того, чтобы понять их; 4) уметь сравнивать существующие этно-культурные стереотипы с личным опытом и сделать самостоятельные выводы; 5) уметь критически оценивать и изменять свое отношение в отношении чуждых культур, накопления навыков и опыта межкультурного взаимодействия; 6) стремиться к лучшему знанию чужой культу-

ры, чтобы получить более глубокое и критическое понимание своей собственной, а также преодолеть сложившиеся стереотипы и предрассудки; 7) систематизировать факты культурной жизни; 8) синтезировать и обобщить собственный личный опыт межкультурного диалога.

Важно помнить, что все нации и культуры могут процветать только в том случае, если они следуют принципу терпимости. Требование толерантности в условиях глобализации является объективной необходимостью, поскольку мир очень разнообразен и его процессы по-разному трактуются разными культурами.

Выводы

1. Межкультурное деловое взаимодействие происходит в среде различных культур с присущими им особенностями. В своих работах мировые ученые приводят различные классификации типов межкультурного делового взаимодействия. В данной статье анализируются классификации различных теоретических культур в контексте делового взаимодействия.

2. При описании типов межкультурного делового взаимодействия был сделан вывод о том, что предложенная Гестеландом классификация культур, вероятно, лучше всего отражает культурные различия разных стран мира, что позволяет легко связать их представление об этих различиях в процессе межкультурного делового взаимодействия и переговоров. Гестеланд выделил классификацию типов межкультурного взаимодействия и переговоров в соответствии с трактовкой основных аспектов переговоров (субъективность, формальность, время и эмоциональность). Это позволяет гибко рассматривать особенности межкультурного взаимодействия и ведения переговоров с точки зрения страны и региона, не привязываясь только к географическому распределению.

3. Полезно использовать культурные измерения Герта Хофстеде и его коллег для анализа несовместимости различных культур. Эти аспекты также необходимо учитывать в стремлении к эффективному межкультурному деловому и экономическому взаимодействию, а также к продуктивному ходу деловых переговоров.

4. Не менее важны классификации других ученых (Холл, Льюис, Шварц). Классификация культур этих ученых, такая же, как у Гестеланда и Хофстеде, должна использоваться при оценке международного делового взаимодействия, включая переговоры, конструктивную коммуникацию и переговорную силу участников, а также в разработке международных коммуникационных стратегий. Стратегия должна предусматривать способы

избегания различных возможных мультикультурных недоразумений/несовместимостей.

5. Основные препятствия для межкультурной коммуникации являются неспособностью освоить тревоги и неуверенность при общении с представителями других культур, отсутствие межкультурной коммуникативной компетенции, неспособность разрешать конфликты, возникающие в межкультурном взаимодействии, отсутствие надежных стратегий в разрешении конфликтов и стилей, наших собственных враждебных реакций например, чувство превосходства, этноцентризм,

культурный релятивизм, предпосылка всеобщности, стереотипы и т. д.

6. Эти препятствия должны быть устранены, и это достигается путем приобретения знаний о других, постоянного поиска информации о других культурах, соответствующей адаптации общения с другими и развития внимательности. Также важно уметь выбирать соответствующую стратегию и стиль разрешения конфликтов в межкультурном деловом взаимодействии. Не менее важно преодолеть наши индивидуальные враждебные реакции на другие культуры, быть терпимыми.

Список литературы

1. Cohen, R. *Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy*. / R. Cohen. New York : United States Institute of Peace Press, 1991.
2. Gesteland, R. R. *Cross-cultural business behavior: marketing, negotiating, sourcing a. managing across cultures* / R. R. Gesteland. Copenhagen : Copenhagen Business School Press, 1999.
3. Hall, E. T. *The dance of life: The other dimension of time* / E. T. Hall. New York : Anchor Books, 1983.
4. Heales, J. The influence of national culture on the level and outcome of IS development decisions / J. Heales, S. Cockcroft, C. Radulescu // *Journal of Global Information Technology Management*. 2004. Vol. 7 (4). P. 3—28.
5. Hofstede, G. *Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural cooperation and its importance for survival* / G. Hofstede. Maidenhead : McGraw-Hill, 1991.
6. Javidan, M. Performance orientation / M. Javidan // *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies* / eds. R. J. House, P. J. Hanges, M. Javidan, P. W. Dorfman, V. Gupta. New York : Sage Publications, 2004. P. 239—281.
7. Lewis, R. D. *When cultures collide: leading across cultures* / R. D. Lewis. London : Nicholas Brealey Publishing, 2003. 462 p.
8. Miller, O. The negotiation style: A comparative study between the stated and in practice negotiation style / O. Miller // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 124. P. 200—209.
9. Nardon, L. The culture theory jungle: Divergence and convergence in models of national culture / L. Nardon, R. M. Steers // *Cambridge handbook of culture, organizations, and work* / eds. R. S. Bhagat, R. M. Steers. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 3—22.
10. Schwartz, Sh. H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications / Sh. H. Schwartz // *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5 (2—3). P. 137—182.
11. Steenkamp, J.-B. E. M. The role of national culture in international marketing research / J.-B. E. M. Steenkamp // *International Marketing Review*. 2001. Vol. 18(1). P. 30—44.
12. Trompenaars, F. *Riding the waves of culture: Understanding diversity in global business* / F. Trompenaars, Ch. Hampden-Turner. New York : McGraw-Hill Education, 2012.
13. Tsang, N. K. F. Dimensions of Chinese culture values in relation to service provision in hospitality and tourism industry / N. K. F. Tsang // *International Journal of Hospitality Management*. 2011. Vol. 30(3). P. 670—679.

Сведения об авторе

Михельсон Светлана Викторовна — преподаватель кафедры иностранного языка, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия. autel@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 45—53.*

Cross-cultural communication in the context of business interaction: theoretical and practical aspects

S.V. Mikhelson

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia. autel@inbox.ru

Despite the fact that various aspects of intercultural communication were considered in the works of various authors, it is still not enough describing intercultural communication from a new perspective — from the point of view of effective intercultural business interaction, theoretical analysis, models of classification of cultures, a combination of theoretical and practical approaches in overcoming the obstacles of intercultural communication. The purpose of the article is to analyze the theoretical and practical aspects of effective cross-cultural business communication. The publication also describes barriers in cross-cultural interaction and ways to overcome them.

Keywords: *barriers to cross-cultural interaction, business communication, culture, cross-cultural communication, negotiations, multiculturalism.*

References

1. Cohen R. *Negotiating across cultures: Communication obstacles in international diplomacy*. New York, United States Institute of Peace Press, 1991.
2. Gesteland R.R. *Cross-cultural business behavior: marketing, negotiating, sourcing a. managing across cultures*. Copenhagen, Copenhagen Business School Press, 1999.
3. Hall E.T. *The dance of life: The other dimension of time*. New York, Anchor Books, 1983.
4. Heales J., Cockcroft S., Radulescu C. The influence of national culture on the level and outcome of IS development decisions. *Journal of Global Information Technology Management*, 2004, vol. 7 (4), pp. 3—28.
5. Hofstede G. *Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural cooperation and its importance for survival*. Maidenhead, McGraw-Hill, 1991.
6. Javidan M. Performance orientation. *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. New York, Sage Publications, 2004. Pp. 239—281.
7. Lewis R.D. *When cultures collide: leading across cultures*. London, Nicholas Brealey Publishing, 2003. 462 p.
8. Miller O. The negotiation style: A comparative study between the stated and in practice negotiation style. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 124, pp. 200—209.
9. Nardon L., Steers R.M. The culture theory jungle: Divergence and convergence in models of national culture. *Cambridge handbook of culture, organizations, and work*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. Pp. 3—22.
10. Schwartz Sh.H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 2006, vol. 5 (2—3), pp. 137—182.
11. Steenkamp J.-B.E.M. The role of national culture in international marketing research. *International Marketing Review*, 2001, vol. 18 (1). P. 30—44.
12. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. *Riding the waves of culture: Understanding diversity in global business*. New York, McGraw-Hill Education, 2012.
13. Tsang N.K.F. Dimensions of Chinese culture values in relation to service provision in hospitality and tourism industry. *International Journal of Hospitality Management*, 2011, vol. 30(3), pp. 670—679.

УДК 37 (470+510):008
ББК 85.103(0)

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10208

Легенды о людях как отражение культурных особенностей китайского народа

Тун Дандань

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Рассмотрены культурной функции и ценности легенд о людях. Помимо этого проводится анализ и классификация типов и характеристик национальной культуры через призму таких легенд. Настоящее исследование предоставляет новые сведения, поскольку китайские легенды о людях содержат в себе взгляды народа на историю, этику, мораль и религию.

Ключевые слова: легенды о людях, ценности, функции культуры, характеристики, тип легенд о людях, нация, религия, этика, мораль, специфика культуры.

История и культура Китая насчитывают более пяти тысяч лет. В их формировании большую роль сыграли мораль и этика народа. Всё это, а также ядро и облик китайской культуры находит отражение в легендах о людях, которые и становятся предметом данного исследования. Персонажами подобных легенд являются реальные люди, которые жили в прошлом и были достаточно известны; тексты описывают их жизнь, поступки и поведение.

Легенды о людях начали существовать после династии Тан. Со временем их количество увеличивалось, однако исследований, 1) позволяющих классифицировать такие легенды, 2) описывающих на материале легенд специфику китайской культуры, не так много. В частности, после создания 14 «Сборников китайских фольклорных сказаний», появилось только несколько исследований в области культурологии, посвящённых легендам о людях. В России исследования китайских легенд начались давно (А. И. Кобзев, А. Э. Терехов, Б. Л. Рифтин, Л. Н. Меньшиков и т. д.). Так, особенное внимание российские исследователи посвятили легендам о животных, об обычаях, о Конфуции. Но данный момент в России, как и в Китае, не существует исследования, рассматривающего специфику китайского народа на примере легенд о людях. Именно поэтому рассмотрение таких легенд в рамках данного исследования при помощи метода анализа, синтеза и классификации открывает новую перспективу для изучения и анализа китайской культуры.

Для выявления культурной специфики китайского народа представляется целесообразным разработать классификацию легенд о людях. Так, в соответствии с различными персонажами, можно выделить пять типов легенд.

Легенды о божествах и бессмертных

Отличительной чертой легенд о божествах и бессмертных являются исторические персонажи, наделённые магической силой. Эти легенды связаны с религией, особенно с даосизмом, который имеет большое влияние среди народа. Во-первых, такие легенды передают различную информацию о культурном творчестве и социальном развитии. Во-вторых, они являются теоретической основой и краеугольным камнем народного фольклора и влияют на повседневную жизнь. Например, 23-го числа 12-го лунного месяца проходят проводы бога Очага на небо, вечером 24-го числа встречают Юй-ди, верховное божество даосского пантеона, 30-го наклеивают парные полосы красной бумаги с пожеланиями, 1-го числа 1-го лунного месяца отмечают новый год, 5-го числа 1-го месяца принимают Бога Богатства (Цайшэня), 15-го числа 1-го лунного месяца отмечают праздник фонарей и т. д. Становление и продолжение этих традиционных праздников неразрывно связаны с даосизмом. Персонажи такого типа легенд обладают сверхъестественными способностями. Рассмотрим, к примеру, «Легенду о божествах и бессмертных на острове Пэнлай» [1]. На острове Пэнлай, согласно данной легенде, живут восемь бессмертных, представляющих всё общество того времени (мужчины, женщины, старики, молодые, бедные, богатые). Эти восемь бессмертных являются покровителями людей. Персонажи такого типа легенд, как правило, используют магические силы, чтобы устранить вред, который может быть нанесен простым людям. Кроме того, персонажи в таких легендах отличаются самоотверженностью и терпимостью по отношению к людям.

Легенды об учёных

Такого типа легенды повествуют о жизни, обучении и творчестве выдающихся поэтов, писателей, каллиграфов и философов прошлого. В них рассказывается о проницательных умах известных ученых, а также о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться на пути к успеху. Например, легенда «Лю Се притворяется, что торгует книгами» [2, с. 95—96] рассказывает историю Лю Се, теоретика и литературного критика династии Лян. Будучи круглым сиротой, не имея ни гроша, он тайком ходил в буддийские храмы, чтобы при свете свечей учиться. Так проходили год за годом и наконец, Лю Се создал произведение о литературной теории, отличающееся четкой структурой и детальным описанием, под названием «Вэнь синь дяо лун» или «Резной дракон литературной мысли». Его трудолюбие всегда было образцом для людей и хорошим примером духовного и культурного строительства. Персонажи такого типа легенд обычно являются трудолюбивыми, целеустремленными, старательными, ответственными и усердными.

Легенды о врачевателях и ремесленниках

Содержание легенд такого рода в основном касается мастерства известных врачей и искусных умельцев, которые, отличаясь высокой нравственностью, часто помогали слабым и наказывали преступников. Персонажем большинства легенд о ремесленниках является Лу Бань. Например, в «Истории Лу Баня» повествуется о том, как Лу Бань [3, с. 52—53], взбираясь на гору, порезал палец небольшой травинкой. Сорвав её и внимательно рассмотрев, он обнаружил, что у травы зубчатые листья. Вскоре Лу Бань изобрел пилу для рубки деревьев, зубчатый край которой стал подобием листьев травы. Позже, чтобы поблагодарить Лу Баня за его изобретение, плотники поместили пилу в храм Лу Баня, храме покровителя плотников, и каждый первый и пятнадцатый день нового года они воскуривали перед ней благовония, проводя церемонию поклонения. Это стало своего рода восхвалением людьми превосходных навыков Лу Баня, и имя Лу Баня фактически стало символом усердия и мудрости трудящихся в прошлом.

Кроме того, наиболее распространенными героями легенд о врачах являются известные доктора Сунь Сымяо, Ли Шичжэнь и другие. Например, в таких легендах как «Лекарства Сунь Сымяо», «Открытие гроба для спасения людей», «Ли Шичжэнь выписывает рецепт» и других выражается восхваление людьми благородных характеров известных врачей в прошлом в их борьбе за жизнь

простых людей [4, с. 65—73]. Персонажи такого типа легенд обычно являются трудолюбивыми, мудрыми, внимательными и обладающими своей индивидуальностью.

Легенды об императорах, генералах и чиновниках

Легенды об императорах повествуют об их удивительном рождении, содержат в себе придворные истории или же рассказывают о жестокости, жадности, похоти императоров и других негативных их сторонах. Примерами подобных легенд являются легенды «Цинь Шихуан строит террасы на Лангья», «Лю Бан обворовывает государство» и т. д. [5, с. 15—17].

По статусу и характеру генералов легенды о генералах можно разделить на легенды об известных генералах, легенды о честных чиновниках и легенды о порочных чиновниках. Легенды об известных генералах рассказывают об историях сражений известных генералов, которые являются настоящими героями в глазах простого народа. Например, легенда под названием «Сунь У впервые использует военное искусство». Легенды о честных чиновниках повествуют о министрах и других государственных служащих, которые мудры, усердны, бросают вызов деспотизму, и отстаивают справедливость. Например, «Легенда о Ди Жэньцзе», «Баогун искусно решает дело об убийстве» и т. д. Легенды о порочных чиновниках в основном изобличают коррумпированных чиновников в правящем классе традиционного феодального общества. Например, «Смерть Хэшэня» и т. д. Положительные персонажи такого типа легенд обычно являются справедливыми, честными, бескорыстными, великими и могущественными, отрицательные, в свою очередь, представлены корыстными и алчными.

Легенды о восстаниях

В легендах о восстаниях отражены реальные исторические факты народных восстаний, они восхваляют героев-удальцов, что пошли против власти, чтобы избавиться от гнёта. Власть неспособна влиять на мнение народа при оценке этих персонажей. Независимо от того, удастся ли повстанцам, в конце концов, одержать победу, большинство из них будут оценены как положительные персонажи и даже герои. Это может быть обусловлено тем, что повстанцы часто происходят из низших слоев населения и представляют интересы и чаяния народных масс. Так, «Восстание Сун Цзяна», произошедшее в конце династии Северная Сун, не раз воспевалось последующими поколениями и было описано в классическом

романе «Речные заводы». Причиной восстания послужило коррумпированное правительство, а также многочисленные земельные налоги и ростовщическая эксплуатация, от которых страдал народ. Тогда Сун Цзян и еще 36 добровольцев подняли восстание, однако потерпели поражение, были схвачены и казнены. [6, с. 23—30]. Персонажи такого типа легенд обычно являются преданными народу, государству и семье, а также находчивыми и великими.

Легенды о людях содержат в себе элементы культурной психологии народа, их сложившего, а также отражают основные ее особенности. Культурная психология народа, в свою очередь, является культурной идентичностью, воплощенной в реальной жизни, и основывается на восприятии самим народом традиционной культуры. Она включает в себя такие ценности, как религиозная вера, этика и мораль, эстетика, обычаи и привычки.

Культурные ценности

Согласно одной из точек зрения, религия — это вера в сверхчеловеческие силы, которые, как считается, способна направлять и контролировать течение жизни природы и человека. Религиозные убеждения народа можно четко увидеть в китайских легендах о людях. Например, легенда «Чжугэ Лян поступает в ученики» рассказывает о Чжугэ Ляне, который всю жизнь стремился овладеть знаниями. Однажды он был очарован красотой красавицы, превращенной в журавля. По наказу седовласого даоса, Чжугэ Лян сжег одежду журавля, и журавль появился в своем первоначальном виде. После этого Чжугэ Лян полностью посвятил себя учебе и стал мудрейшим. Эта легенда содержит не только конфуцианскую мысль о стремлении к знаниям и прогрессу, но и идею даосской культуры об обретении бессмертия. Комбинация двух философских идей используется для того, чтобы показать, что мудрость Чжугэ Ляна не является врожденной, а достигается посредством тяжелой работы [7, с. 45—53]. Легенда о суде Бао Чжэна над Инь и Ян в «Легенде о Бао Чжэне» не только воплощает даосские идеи, но и содержит буддийские идеи. Его наказание коррумпированных чиновников является также отражением идеи верности императору, которая является одной из ключевых в конфуцианстве [8, с. 76—84]. Таким образом, религиозные верования китайского народа могут быть изучены с помощью легенд о людях, то есть в данных легендах отражаются религиозные ценности народа.

Этика — это кодекс поведения в китайском обществе, и легенды о людях также наполнены

и отражают этическое и моральное сознание китайского народа. Главным ценностным ориентиром в традиционной китайской этике является гармония, а основными ее принципами являются следующие конфуцианские понятия: гуманность, праведность, вежливость, мудрость и доверие. С ходом истории, продолжаясь и развиваясь, традиционная этика постепенно сформировала структуру культурной психологии народа и стала ядром традиционной китайской культуры. При создании легенд народ наделял реальных исторических персонажей собственными нормами морали, поэтому в этих легендах можно увидеть этические и моральные концепции китайского народа.

Рассмотрим несколько легенд о честных чиновниках, а именно «Бао Чжэн проверяет зонтик» и «Бао Чжэн искусно решает дело об убийстве». Бао Чжэн всегда восхвалялся людьми потому, что был предан людям и делал точные суждения, не боялся власти и беспристрастно следил за соблюдением законов. Наделение персонажа подобными качествами отражает стремление народа к справедливости и законности. Легенды о честных чиновниках также отражают желание простого народа о заботливых и честных чиновниках. Персонажи в легендах о восстаниях героев также наделяются лучшими качествами, они преданы стране и народу. Например, легенда о беззаветной преданности родине Хуан Тинцзяна.

Легенды о людях отражают осознание ответственностью нравственных качеств исторических деятелей. В легендах морально испорченные исторические фигуры подвергаются безжалостной критике и разоблачению. Например, легенда «Волшебная плеть Цин Шихуана». Во время строительства Великой стены по всей стране были схвачены люди, чтобы носить кирпичи и перетаскивать грунт, спины их гнулись под тяжестью ноши, а земля под ногами была неровной, что не давало им спокойно работать. Когда святые узнали об этом, то с помощью магии остановили деятельность этих людей, и строительные работы не могли быть продолжены. Такие легенды демонстрируют отрицание и критику народа этих плохих моральных качеств. [9, с. 85—88]. Таким образом, в легендах о людях отражаются моральные ценности китайского народа.

Функции культуры

Народ, создавая легенды о людях, наделяет персонажей схожими со своими собственными субъективными желаниями и надеждами, таким образом достигая душевного спокойствия. В то же время, взглянув на высказывания и поступки персонажей, можно понять, каким народ себе

представляет идеальный общественных порядок и повседневную жизнь.

В легендах о людях персонажи с хорошими моральными качествами часто наделены великой силой, и действуют в соответствии с моральными стандартами согласно представлениям народа. Например, в «Легенде о Чжугэ Ляне» Чжугэ Лян предан Лю Бэю и двору династии Хань. Он обладает как талантами, так и интеллектом. В легенде он всячески помогал Лю Бэю, объединившись с Ву, он сражался с Цао, и покорил центральные равнины, а также внес вклад в усиление могущества государства Шу. Чжугэ Лян в легенде представлен истинным патриотом и действительно преданным родине и своему народу мудрецом. Наделение Чжугэ Ляна подобными качествами демонстрирует стремление народа к высшей добродетели и лучшим моральным качествам [10, с. 37—40].

Кроме того, в легендах народ неосознанно, используя образы святых, оберегает тех исторических деятелей, которые жертвуют собой ради других, с радостью всем помогают и честны перед собой и наоборот, те, кто причиняет людям вред, в легендах находятся в опасности, наказываются святыми и умирают. Народ таким образом с точки зрения своих собственных моральных убеждений дает оценку действиям исторических персонажей, а также пытается воздействовать на общество. Поэтому героев также можно использовать для продвижения социальной справедливости: храбрость персонажей и их справедливость, показанные в легендах, — это именно то, к чему стремятся люди. В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что в легендах о людях отражаются социальные, моральные и эстетические ценности китайского народа. Кроме того, легенды выполняют образовательно-воспитательную, регулятивную и аксиологическую функции.

В традиционном китайском обществе, наряду со стихийными бедствиями и эксплуатацией и угнетением правящего класса, народные массы часто перед лицом смерти получают возможность выживания. Однако человеку свойственно стремление к выживанию, и появление религии полностью ответило этому стремлению выжить и выбраться из бедственного положения. Ввиду этого народ неосознанно наделяет персонажей легенд религиозным сознанием, что выражает его стремление к социальной стабильности и гармонии, а также прекрасной жизни.

Во времена острых социальных конфликтов буддийские идеи о карме и реинкарнации глубоко укоренились в умах людей. Люди надеялись, что в реальной жизни они также могут следовать

правилам, согласно которым сделанное добро воздается добром, а сделанное зло — злом, чтобы плохие люди могли быть наказаны, а хорошие люди получить достойную награду. Например, народные легенды о Цинь Шихуане. В сердцах людей, Цинь Шихуан — классический пример невежественного и жестокого императора. Люди ненавидят и критикуют его. В легендах о людях они не забывают преувеличивать его жестокость и выставлять его непростительным грешником. В конце концов, финал его трагический, в легенде «Волшебная плеть Цинь Шихуана» он утрачивает свою способность управлять горами и морями.

Что касается тех исторических деятелей, которые работали на благо народа и решали его вопросы, то в легендах народ всегда придерживается принципа «сделанное добро добром возвращается и наоборот», воспевают их положительные качества и верят, что они талантливы и мудры, а также любят народ. В легендах после смерти такие герои становятся святыми или обретают бессмертие, и всегда защищают народ. В китайских легендах о людях используется религиозное сознание для того, чтобы наделить исторических личностей великой силой, чтобы у народа была психологическая склонность к добру, и тем самым и способствовать установлению хорошего общественного порядка и формированию гармоничного общества. Вследствие этого отметим, что легендам о людях присущи регулирующая, культурная и социальная функции.

Вывод

Главным героям в легендах о людях свойственны гуманность, доброта, всеобщая любовь и определенность в вопросах. В то же время в этих легендах отражается национальный дух китайской культуры, а также основные идеи конфуцианства и даосизма. Кроме того, в такого рода культурном типе нравственность занимает центральное место. Можно сказать, что в истории культуры ни одна нация в мире еще не поднимала мораль до такого важного положения в системе культурных ценностей, как китайский народ. Из легенд становится понятно, что нравственность была чрезвычайно важна в древнекитайском обществе. Легенды о людях несут в себе регулирующую, социальную, образовательно-воспитательную, регулятивную (нормативную) и аксиологическую функции.

Заключение

Легенды о людях являются важной частью духовной жизни людей. Они присутствуют в жизни

людей в течение долгого времени: они отражаются в различных фестивалях и обычаях, обогащая фольклорную культуру Китая, и их главная особенность заключается в том, что они выражают китайские моральные, эстетические концепции и религиозное сознание. Осуществление справедливости, наказание зла и поощрение добра, а также содействие социальной гармонии имеют важное практическое значение для культурного развития и строительства.

Более того, легенды о людях — это драгоценное богатство нации, важное культурное наследие и ресурс. Культурные характеристики, содержащиеся в легендах, призваны просвещать людей и даже способствовать экономическому развитию региона. Исследование и изучение легенд о национальных персонажах имеет далеко идущее значение для наследования и распространения сущности традиционной культуры и укрепление культурного уверенности.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств Китайского совета по стипендиям Министерства образования КНР; Номер стипендиата: 201908090022

Список литературы

1. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / предисл., пер. и комм. Э. М. Яншиной. 2-е изд., испр. М. : Наталис : Рипол Классик, 2004. 349 с.
2. Сборник китайских фольклорных сказаний. Провинция Шаньдун. Пекин, 2007. 987 с.
3. Чэнь Цинхао. Сборник китайских фольклорных сказаний, том Провинции Шаньдун / Чэнь Цинхао, Ван Цюгуи. Пекин, 1989. 518 с.
4. Сборник китайских фольклорных сказаний. Провинция Цзянси. Пекин, 2002. 515 с.
5. Ван Лицян. Легенда ЛюБана / Ван Лицян, Цзюньхэн. № 12. Пекин, 2002. 28 с.
6. Е. Синцай. Исследование образа Сун Цзяна в «Речные заводы» / Е. Синцай. Шэньян : Университет Ляонин, 2018. 44 с.
7. Сюй Шань. Исследование обожествления образа Чжугэ Ляна / Сюй Шань. Сиань : Технологический университет Шэньси, 2014. 69 с.
8. Сунь Мэнмэй. Исследование легенды о Бао Гуне в Аньхое / Сунь Мэнмэй // Гуанси : Университет национальностей Гуанси. 2018. 177 с.
9. Су Шаофен. Распространение и вариация легенды о кнуте вождения Цинь Шихуана / Су Шаофен // Вестник социолога. 1986. № 02. С. 85—88.
10. Ван Синфэнь. Культурный оттенок легенды знаменитых чиновников / Ван Синфэнь // Журнал Тайюаньского педагогического университета. 2013. № 12 (06). С. 37—40.

Сведения об авторе

Тун Дандань — аспирант по специальности «культурология» Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. *tun-fengdan@yandex.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 54—59.

Legends about people as a reflection of the cultural characteristics of the Chinese people

Tong Dandan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. tun-fengdan@yandex.ru

The aim of this paper is to identify cultural peculiarities of the Chinese through analysis of some Chinese legends about people. The subject of study is cultural peculiarities of the Chinese that appear in Chinese legends about people dated by different historical periods. The research methodology consists of analysis, synthesis and classification. The paper results in generalization of the cultural functions and values of the Chinese legends about people, as well as the identification of national characteristics reflected in these legends. The conclusion claims that characters of the legends about people possess benevolence, kindness, fondness of people and certainty in matters. At the same time, these legends reflect the national spirit of Chinese culture, the main ideas of Confucianism and Taoism, as well as social, political, ethical, religious, aesthetic and national values of the Chinese. The object of research is the legends about people. The article highlights the cultural function and meaning of such legends, as

well as the reflection of the cultural and psychological traits of the Chinese in these legends. In addition, the analysis and classification of types and traits of national culture through the prism of legends about people is carried out. This paper provides new insights into the Chinese nation and its culture, as Chinese legends about people contain the people's views on history, ethics, morality and religion.

Keywords: legends about people, values, functions of culture, traits, type of legends about people, nation, religion, ethics, morality, cultural peculiarities.

References

1. *Katalog gor i morei (Shan' khai tszin)* [Catalog of Mountains and Seas (Shan Hai Jing)]. Moscow, Natalis, Ripol Classic, 2004. 349 p. (In Russ.).
2. *Collection of Chinese Folklore Legends. Shandong Province*. Beijing, 2007. 987 p. (In Chinese).
3. Chen Qinghao, Wang Qiugui. *Collection of Chinese Folk Tales. Shandong Province*. Beijing, 1989. 518 p. (In Chinese).
4. *Collection of Chinese Folk Tales. Jiangxi Province*. Beijing, 2002. 515 p. (In Chinese).
5. Wang Liqiang, Junheng. *The Legend of Liuban*. No. 12. Beijing, 2002. 28 p. (In Chinese).
6. E. Sintsai. *Investigation of Song Jiang's Image in River Creek*. Shenyang, Liaoning University, 2018. 44 p. (In Chinese).
7. Xu Shan. *Investigation of the deification of the image of Zhuge Liang*. Xi'an, Shaanxi Technological University, 2014. 69 p. (In Chinese).
8. Sun Mengmei. *Study of the Legend of Bao Gong in Anhui*. Guangxi, Guangxi University of Nationalities, 2018. 177 p. (In Chinese).
9. Su Shaofeng. The spread and variation of the legend of the Qin Shihuang driving whip. *Bulletin of the sociologist*, 1986, no. 02, pp. 85—88. (In Chinese).
10. Wang Xingfen. The cultural connotation of the legend of famous officials. *Journal of Taiyuan Normal University*, 2013, no. 12 (06), pp. 37—40. (In Chinese).

УДК 316.3
ББК 60.03

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10209

Социально-философская проблематика в популярных литературных и анимационных произведениях второй половины XX — начала XXI века

А. Ю. Внутских, Н. И. Береснева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

При определенных условиях как литературные, так и анимационные произведения могут быть проводниками социально-философских концепций. Анализируется, каким образом в трилогии Н. Н. Носова о Незнайке и в современном мультсериале «Смешарики» представлена социально-философская проблематика: вопросы направленности общественного развития, автономности социального субъекта, а также то, каким образом в этих форматах реализуются важные функции социальной философии.

Ключевые слова: *Н. Н. Носов, «Смешарики», общественное развитие, социальный субъект, функции социальной философии.*

Одной из важнейших задач, стоящих перед современной наукой вообще и социальной философией в частности, является проблема трансляции социально-философских идей в массы в формах, понятных для обычного человека. Надо сказать, что социальная философия, ставя и решая свои фундаментальные вопросы, достаточно часто стремилась выступать и в качестве литературы [13, с. 61]. Особенно сильно «литературный» формат социального философствования был распространен в России. Как известно, русская философия первой половины — середины XIX в. была на время «выдавлена» николаевской реакцией из «академического» университетского формата, и на ее месте возникли не только многочисленные философские кружки, но и великая (и в философском отношении тоже) русская литература [3]. Вряд ли, например, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой ставили своей целью донесение до общества собственно социально-философских концепций до общества. Однако объективно именно эта особенность придала самой русской философии самобытность и оригинальность.

Продолжением этой тенденции стала и литература советского периода — разумеется, не вся, а та, в которой на литературном материале могли реализовываться основные функции философии, и критическая в том числе. К числу такого рода произведений можно отнести трилогию Н. Н. Носова о Незнайке [9—11]. Некоторые из этих книг, действительно, можно рассматривать как «популярное, но вместе с тем блестящее по художественной форме изложение базовых принципов материалистической социальной филосо-

фии и политэкономии, реализующее ряд ключевых функций философии» [1, с. 142].

Однако в XXI веке, в условиях господства *аудио-визуальных форматов*, влияние книжной культуры на социализацию новых поколений резко снижается [4. С.87]. Возникает вопрос: каким образом можно «достучаться» до нашего современника, для того, чтобы предложить ему задуматься над проблемами, составляющими «сердцевину» социальной философии? Какими в этих условиях могут быть стимулы социально-философской рефлексии? Это вопрос принципиальный для перспективы дальнейшего существования и развития философии вообще и социальной философии в частности. *Исследовательский вопрос*, изучению которого посвящена данная статья, можно сформулировать следующим образом: существуют ли в современной массовой аудио-визуальной культуре эффективные, имеющие широкое общественное признание проводники социально-философских идей, и если да — в чем заключается специфика постановки и обсуждения социально-философской проблематики в этих форматах в сопоставлении с таковым в философствующей литературе советского периода?

Анимация в качестве визуальной практики привлекает, пожалуй, наиболее массовую аудиторию (и детскую и взрослую). В связи с фундаментальностью и широтой круга проблематики социальной философии наше внимание сосредоточено на ее более «крупном» формате — *формате мультсериала*. Сразу заметим: приходится констатировать, что в советский период мультсериалов с очевидно философской подоплекой практически не было. Например, из упомянутой трилогии

Н. Н. Носова в СССР были экранизированы первая и вторая книги (в 1973 и 1977 гг. соответственно). Но если персонажи Носова от книги к книге «растут» вместе со своими читателями, становятся все более сложными личностями и сталкиваются со все более сложными, подлинно философскими вопросами, то в советском мультсериале (особенно во втором, выполненном, скорее, в стилистике цирковой буффонады) линейка персонажей гораздо уже, нежели в книге, и проработаны они недостаточно глубоко. Развлекательная и воспитательная (вне философского аспекта) функции в мультфильмах советского периода явно превалировали над функциями философскими, и отдельные исключения — например, замечательный по своей глубине мультфильм «Ежик в тумане» — в целом, подтверждают это правило.

В современном потребительском обществе новый мультсериал, как правило, также оказывается не более чем очередным развлекательным феноменом массовой культуры, товаром, сходящим с бесконечного конвейера и по истечении непродолжительного времени исчезающим как с экранов, так и из памяти наших современников. Однако среди современных мультсериалов есть те, в которых обсуждаются «вечные» вопросы, и которые в том числе и по этой причине *любимы и взрослыми*. К сожалению, популярные мультфильмы и мультсериалы пока не так часто становятся объектом исследования российских ученых-гуманитариев в целом и философов в особенности [2, с. 8]. Однако, по нашему убеждению, социальная философия в современной ситуации не может игнорировать новые возможности, предоставляемые нетрадиционными для нее каналами связи с обществом. Она должна серьезно исследовать новые стимулы философской рефлексии и, возможно, их использовать.

Популярность одного из современных мультсериалов его продюсер, Ю. Николаева, напрямую связывает с заложенными в нем глубинными смыслами, подчеркивая их философский характер [15]. Речь идет об анимационном проекте «Смешарики», который и стал *предметом нашего исследования*. Репрезентацию социально-философской проблематики в этом современном мультсериале мы сопоставляем с репрезентацией в упомянутой выше книжной трилогии Н. Н. Носова. Сосредоточимся на анализе представления существенной для социальной философии проблематики *направленности истории, гипотезы общественного прогресса* и, соответственно, *тех желательных и нежелательных образов общества*, которые представлены как у Носова, так и в мультсериале.

Начнем с трилогии Н. Н. Носова. Первая ее часть рисует образ общества с присваивающим типом хозяйства производства и натуральным обменом [1], уклад жизни в котором во многом выглядит как реализация принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям», впервые сформулированного Этьеном-Габриэлем Морелли в «Кодексе природы», а затем популяризированный Карлом Марксом в «Критике Готской программы» [6] (не в меньшей мере мир коротышек из Цветочного города напоминает утопии эпохи Просвещения, в частности, «Новую Элоизу» Ж.-Ж. Руссо, экоутопию о безмятежном существовании простых людей в небольшом, отгороженном от остального пространства мире, в гармонии с природой). Вторая часть трилогии иллюстрирует модель технократического социализма, бестоварного автоматизированного производства. Наконец третья представляет собой литературное изложение политэкономии капитализма [1], помещенного Носовым во внутреннюю область Луны. Фактически, перед нами картина сложного, противоречивого, но в целом прогрессивно направленного исторического процесса, связанного с развитием производительных сил (и ключевой производительной силы — самого человека, в первую очередь). В конце концов, даже лунным коротышкам удается преодолеть тупик индустриального капитализма — правда, только благодаря «экспорту социализма» с Земли.

Однако в действительности исторический процесс — всегда вызов для индивида и общества, потому что он всегда чреват опасностью «срыва истории». Остановимся, в частности, на отмеченной Н. Н. Носовым во второй части трилогии хрупкости высокотехнологического «развитого социализма». Было достаточно превращения трех ослов в деструктивных человеческих индивидов для того, чтобы породить массу их весьма некритичных последователей — «ветрогонов», и разрушить всю эту систему. Ситуация становится настолько катастрофической, что Незнайка с друзьями готовы бежать из социального хаоса Солнечного города назад, в традиционное общество, *фактически обращая историю вспять*. И одно лишь *чудо*, совершаемое кстати появившимся старым знакомым Незнайки — волшебником, спасает это общество от окончательного краха.

Даже всемогущие наука и техника Солнечного города оказываются неспособными справиться с этой катастрофой. Носов подводит своих читателей к очевидному выводу: не в технике и науке, а в *человеке* все дело: если их использует маленький, незрелый человек (коротышка), то срыв исторического процесса более чем вероятен.

Роль собственности как фактора исторического процесса советским писателем Носовым скорее недооценивалась. В традиционном обществе она трактуется им просто как «жадность или скопидомство», которая вызвана ограниченностью натурального обмена и полностью изживается в условиях вещного изобилия, созданного автоматизированным производством «развитого социализма» [11, с. 4]. Частная же собственность «лунного капитализма» трактуется Носовым как отклонение от магистрального пути истории, впрочем, легко уничтожимое посредством внешнего воздействия («социалистического земного десанта»). Однако в образе места дармового изобилия — Дурацкого острова, куда на капиталистической Луне отправляются все, кто не в состоянии зарабатывать в рыночной системе — Носов вскрывает важную проблему: *безделье, обусловленное удовлетворением базовых потребностей незрелого человека, также неизбежно приводит к его деградации, десубъективации* [11, с. 74]. И здесь вновь приходится только удивляться прозорливости Носова, сумевшего реализовать прогностическую функцию социальной философии на материале сказки: реалии современного информационного общества с его механизмами «мягкого контроля» и манипуляции им описаны превосходно, и к этим механизмам мы еще вернемся.

Предварительный же наш вывод состоит в том, что характер недуга как социума Солнечного рода, так и реального социализма второй половины XX в. состоит в незрелости, недоразвитости человеческой сущности и неотделимых от человека общественных отношений, «концентрат» коих и есть индивид [6]. Человеческая, общественная жизнь, в отличие от мнения позитивистов, вульгарных экономистов и технократов далеко не сводится к ее экономическим и научно-техническим аспектам: познавая объективную реальность и производя в соответствии с ее познанными законами мир материальной культуры, *люди должны опережающими темпами производить свою собственную сущность, гармонично развивать все стороны человеческого бытия*. По-видимому, именно на этот вызов социалистическое общество в 1980-х гг. ответить так и не смогло; Носовым же он осознавался и обсуждался более чем за тридцать лет до начала распада социалистической системы.

Однако, несмотря на это, советский философствующий писатель Н. Н. Носов был уверен в существовании прогрессивной направленности истории и в ее, в целом, необратимом характере. Конструктивный ответ на обозначенный вызов Носов видел, во-первых, в *объективно существующем*

единстве человеческого рода, а, во-вторых, в *новом союзе развитого человека с природой и техникой* [1, с. 45]. Последняя часть трилогии не случайно завершается возвращением умирающего Незнайки к земной природе, которая его и исцеляет. Но как интерпретировать это исцеление? Известный исследователь наследия Носова Л. Абдель-Рахим [16] считает, что перед нами — восстановление единства архаического человека и девственной природы. Однако представляется, что Носов не согласился бы с такой интерпретацией. И логика трилогии о Незнайке, и основное содержание общественного развития, на наш взгляд, указывает на то, что «мосты сожжены»: ни этого человека, ни этой природы после «искушения индустриализмом» уже нет. Скорее, в третьей части трилогии описывается именно новый союз между «выросшим» человеком, подлинным субъектом истории, с одной стороны — и техникой (но гармонично, «со знанием дела») преобразованной природой [11, с. 388 — 402, 428 — 440].

Обратимся теперь к репрезентации соответствующей социально-философской проблематики в сериале «Смешарики». Мультсериал начал создаваться в 2003 г. Безусловно, это значимый феномен современной массовой культуры: сериал и его спин-оффы транслируются по телевидению уже 15 лет, стабильно занимая первые места в топ-10 рейтинга мультсериалов [8]. Его аудитория составляет десятки миллионов человек, причем далек не только в России; под брендом «Смешарики» выпускаются многие тысячи товаров [2, с. 59]. В 2020 г., в преддверии выхода новых сезонов мультсериала (проект рассчитан на 5 лет), в соцсетях был запущен хэштег #ВыроснаСмешариках. Таким образом, перед нами культурное явление, оказывающее значительное и устойчивое влияние на мировоззрение уже нескольких поколений наших современников, в том числе взрослых людей.

На наш взгляд, секрет успеха этого проекта во многом связан с социально-философскими контекстами, к которым он отсылает [15]. Во-первых, сериал был задуман как семейный, с обсуждением «вечных» вопросов, интересных всем поколениям, т. е. для него характерна смысловая многослойность и отсутствие готовых ответов. Показательно, что ««смешарики» представлены как «взрослыми» персонажами (Лосяш, Копатыч, Совунья, Карыч, Пин), так и «детьми» (Крош, Ежик) и «подростками» (Бараш, Ньюша). Мир сериала не разделяется на детский и взрослый: герои живут и действуют вместе, находясь в позиции равноправного партнерства [2, с. 60]. Во-вторых, секрет успеха «Смешариков» состоит, по-видимому,

в широкой линейке глубоко проработанных персонажей с разнообразными социальными ролями; перед нами небезуспешная попытка создать сложную, многоаспектную модель социальной реальности.

Социально-философская проблематика затрагивается во многих сериях. В рамках данной статьи авторы остановятся сначала на трех сериях, объединенных общим сюжетом, под названием «Эффект бабушки», а затем на полнометражном полуторачасовом мультипликационном фильме «Смешарики. Начало», являющемся приквелом в отношении основного сериала.

Сюжет серий «Эффект бабушки» (2008) [14] вкратце сводится к следующему. На день рождения Копатыча смешарики дарят ему механизм, который является одновременно и часами, и холодильником, и микроволновкой, и ... машиной времени. Ночью машина времени переносит в дом Копатыча из 1808 г. помещика Мулентия и его супругу. Пытаясь избежать «эффекта бабочки» (катастрофических изменений будущего в результате изменений, вызванных путешественниками во времени), смешарики пытаются «заморозить ситуацию» и подыгрывают помещикам, изображая крепостных крестьян. Интересно, что отсутствие усадьбы помещики объяснили просто: «крестьяншки спалили» — от плохого примера господ и недостатка просвещения, ведь «просвещенное существо не будет никому сжигать усадьбы». Под впечатлением от продемонстрированных познаний своих «крестьян», бык-помещик планирует просветить их окончательно и создать идеальное общество. Смешарики в ужасе, но... после благополучного возвращения помещиков-просветителей в XIX в. мир смешариков, к счастью, совершенно не меняется: просветительские проекты, даже если им суждено быть написанными, остаются утопиями, если они не обосновываются объективными факторами и тенденциями реальной социальной жизни. Попытка искусственного навязывания новаторских идей незрелому человеку и незрелому обществу в лучшем случае проходит бесследно, а в худшем — чревата тяжелыми последствиями.

Таким образом, в сериале проводится концепция, учитывающая определяющую в конечном счете роль материальных социальных факторов — но при этом постепенных, эволюционных общественных изменений. В этом очевидно расхождение с социальной концепцией, представленной в трилогии Н. Носова, который допускает, что одномоментный «экспорт» высоких технологий в традиционное общество, с одной стороны, и «экспорт» коммунистических производственных отно-

шений в капиталистическое общество, с другой, могут увенчаться успехом.

Теперь обратимся к упомянутому приквелу «Смешарики. Начало» (2011) [12]. Фильм начинается со случайного обнаружения Крошем и Ежиком скелета динозавра, который сидит в кресле перед телевизором с ведром попкорна... Лосяш чинит ископаемый телевизор — и смешарики начинают в режиме 24/7 смотреть телевизионные программы. Особенно им понравился сериал о приключениях супергероя Люсьена (Копатыча). Принимая виртуальную реальность сериала за реальность объективную и пытаясь помочь Люсьену справиться с многочисленными «злодеями», смешарики отправляются в город. Тут ситуация по сравнению с сериями «Эффект бабушки» переворачивается — уже смешарики оказываются субъектами традиционного общества, превращаемыми в объекты манипулирования с помощью технологий общества информационного. Как и у Незнайки в третьей книге Носова, их приключения в обществе «развитого капитализма» начинаются в тюрьме, в которой их принимают за умалишенных. Тем из них, кто сумел сбежать, раскрывает глаза потерявший работу и перспективу карьеры Копатыч: сериальных героев и антигероев «придумали, чтобы было проще. Один плохой — и все, что в жизни бывает плохого — валим на него... А другой — хороший, чтобы у нас была надежда!» В действительности же в этом обществе «победившего капитализма» каждый сам за себя [12].

Конструктивного выхода из этой якобы «взрослой», а в действительности наполненной крайним инфантилизмом жизни, сменяющей «детство» традиционного общества, авторы мультфильма, похоже, не видят: достаточно посмотреть на пустые по вечерам улицы мегаполиса и окна жилых домов, синхронно вспыхивающие призрачным телевизионным светом. Это в полном смысле общество «одномерных» людей (в смысле Г.Маркузе), которое — по крайней мере, в настоящее время, — лишено внутренних источников реальных социальных изменений [7]. А раз «утопия реконструкции», в отличие от социальной концепции Н. Н. Носова, невозможна — то приходится реализовывать «утопию бегства»: приквел завершается именно бегством героев вместе со спасшим их из «информационной тюрьмы» Копатычем в уютный «детский сад» простое и понятное традиционное общество. Итак, история остановилась — и фактически обратилась вспять. Дефицит актеров, способных генерировать реальные изменения в информационном социуме, обуславливает исключительную стабильность последнего, сохраняющуюся даже на фоне реальной опасности

вымирания его «десубъективированных субъектов» (вспомним скелет динозавра с телевизором и попкорном в начале фильма!). Мысль о тупиковом характере эволюции этого общества, и, одновременно, призыв к активизации современников в финале приквела озвучивает Карыч: «Если мы ушли в подполье <...>, кто вообще остался на легальном положении?!» [12]

Таким образом, перед нами две существенно различные социальные концепции, отстоящие к тому же друг от друга на 50 лет и на целую историческую эпоху. Однако и Н. Н. Носов, и авторы «Смешариков», несмотря на очевидное смещение фокуса в трактовке субъекта общественной жизни с «методологического коллективизма» к «методологическому индивидуализму», приходят к одному выводу — о необходимости для реализации адекватной человеческой сущности общественного устройства формирования *зрелого человека, характеризующегося развитой и конструктивно направленной субъектностью*. Без этого условия ни технологические достижения (включая информационные), ни вещное изобилие, ни «экспорт» новых производственных от-

ношений, ни написание программ и манифестов к результату не приведут.

Завершая наше исследование, сделаем ряд выводов. Как показывает успех произведений Н. Н. Носова и мультсериала «Смешарики», представители общества массовой культуры могут успешно воспринимать философски насыщенный культурный продукт. Однако важно найти «золотую середину»: любое нарушение баланса между философской и развлекательной сторонами контента негативно влияет либо на качество культурного продукта, либо на его коммерческую успешность. Напротив, при соблюдении этого баланса популярные произведения, независимо от их формата, вполне могут быть эффективными проводниками социально-философских концепций. При этом они в популярной форме могут ставить важные для социальной онтологии проблемы, в частности, проблему детерминации и направленности общественного развития, проблему определения сущности и роли интегративного субъекта общественной жизни, а также способны реализовывать важные функции философии: мировоззренческую, аксиологическую, прогностическую, критическую, воспитательную.

Список литературы

1. Внутских, А. Ю. Взаимодействие философии и художественной литературы как проблема метафизики искусства / А. Ю. Внутских, Н. И. Береснева // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 4. С. 41—47.
2. Береснев, В. Д. Мультсериал как механизм трансляции философских идей / В. Д. Береснев, Н. И. Береснева, А. Ю. Внутских // Мировоззренческие основания культуры современной России. Магнитогорск, 2019. С. 58—63.
3. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли / Р. В. Иванов-Разумник. Т. 1. М.: Терра, 1997. 416 с.
4. Лойтер, С. М. В пространстве В.Я. Проппа (возвращаясь к детским Швамбраниям как явлениям фольклора) / С. М. Лойтер // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 82—86.
5. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1961. С. 1—4.
6. Маркс, К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 9—32.
7. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. М.: Изд-во АСТ, 2002. 526 с.
8. Мультфильмы — лучшие сериалы. URL: https://www.kinopoisk.ru/lists/navigator/animation/?quick_filters=serials&limit=20&tab=best.
9. Носов, Н. Н. Приключения Незнайки и его друзей // Н. Н. Носов. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. М.: Детская литература, 1980. С. 5—150.
10. Носов, Н. Н. Незнайка в Солнечном городе // // Н. Н. Носов. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. М.: Детская литература, 1980. С. 151—410.
11. Носов, Н. Н. Незнайка на Луне // // Н. Н. Носов. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. М.: Детская литература, 1980. 463 с.
12. Смешарики. Начало. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AIR0fQsm83Y>.
13. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 56—96.

14. Эффект бабушки. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nGKOJyNNTvA>.
15. Юлия Николаева: «“Смешарики” популярны из-за заложенных двойных смыслов». URL: <https://ria.ru/20200630/1573637098.html>.
16. Abdel Rahim, L. *Children's Literature, Domestication, and Social Foundation: Narratives of Civilization and Wilderness (Routledge Interdisciplinary Perspectives on Literature)* / L. Abdel Rahim. New York ; London : Routledge, 2015. 264 p.

Сведения об авторах

Внутских Александр Юрьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия. avnut@inbox.ru

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, доцент, декан философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия. nataliaberseva@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 60—66.*

Issues of social philosophy in popular literary and cartoons in the 20th and early 21st century

A. Yu. Vnutskikh

Perm State University, Perm, Russia. avnut@inbox.ru

N. I. Beresneva

Perm State University, Perm, Russia. nataliaberseva@gmail.com

The authors suggest that both literary and cartoons can conduct concepts of social philosophy successfully, and it can be important stimuli for philosophical reflection in circumstances of mass culture. The trilogy about Dunno by N. Nosov and animated series «Kikoriki» analyze in the paper. The authors demonstrate that the problems of social development's direction and autonomy of social actor are represented in these works. So, these works implement important functions of philosophy. For example, soviet writer N. Nosov demonstrated the problematic nature in «developed socialism» society. However, Nosov was convinced in progressive direction of history. The authors of animated series «Kikoriki» provide conception of «End of History» in circumstances on contemporary informational society. Nevertheless, Nosov as well as the authors of «Kikoriki» believe that the inadequate level of social actor's development in spite of scientific and technological achievement is important challenge for contemporary society.

Keywords: *N. N. Nosov, Dunno, «Kikoriki», social development, social actor, functions of social philosophy.*

References

1. Vnutskikh A.Y., Beresneva N.I. Vzaimodejstvie filosofii i hudozhestvennoj literatury kak problema metafiziki iskusstva [Interaction of philosophy and fiction as the problem of metaphysics of art]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istorija. Filosofiya. Pravo.* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. 2017, no. 4, pp. 41—47. (In Russ.).
2. Beresnev V.D., Beresneva N.I., Vnutskikh A.Y. Multiserial kak mehanizm translacii filosofskih idej [Animated series as a mechanism for transmitting philosophical ideas]. *Mirovozzrenyeskije osnovanija kulnury sovremennoj Rossii* [Ideological foundations of modern Russian culture]. Magnitogorsk, 2019. Pp. 58—63. (In Russ.).
3. Ivanov-Razumnik R.V. *Istorija russkoj obshchestvennoj mysli* [History of Russian social thought]. Vol. 1. Moscow, Terra, 1997. 416 p. (In Russ.).
4. Lojter S.M. V prostranstve V.Y. Proppa (vozvrashchayas' k detskim SHvambraniyam kak yavleniyam fol'klora) [On literary legacy of V.Y. Propp (back to children's dreamland “Shvambrania” as folkloric phenomenon)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015, no. 5 (150), pp. 82—86. (In Russ.).
5. Marks K. Tezisy o Fejlerbahe [Theses on Feuerbach]. *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya.* [K. Marx, F. Engels. Works]. Vol. 3. Moscow, Politizdat Publ., 1955. Pp. 1—4. (In Russ.).

6. Marks K. Kritika Gotskoj programmy. [*Critique of the Gotha Programme*]. K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya*. [K. Marx, F. Engels. Works]. Vol. 19. Moscow, Politizdat Publ., 1961. Pp. 9—32. (In Russ.).
7. Markuze G. *Eros i civilizaciya. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow, AST Publ., 2002. 526 p. (In Russ.).
8. *Mul'tfil'my — luchshie serijy*. [Cartoons — the best series]. Available at: https://www.kinopoisk.ru/lists/navigator/animation/?quick_filters=serials&limit=20&tab=best, accessed 20.07.2020. (In Russ.).
9. Nosov N.N. Prikl'yucheniya Neznajki i ego druz'ej [The Adventures of Dunno and his Friends]. *Sobranie sochinenij* [Works]. Vol. 2. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1980. Pp. 5—150. (In Russ.).
10. Nosov N.N. Neznajka v Solnechnom gorode. [Dunno in the Sunny City]. *Sobranie sochinenij* [Works]. Vol. 2. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1980. Pp. 151—410. (In Russ.).
11. Nosov N.N. Neznajka na Lune [Dunno on the Moon]. *Sobranie sochinenij* [Works]. Vol. 3. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1981. 463 p. (In Russ.).
12. *Smeshariki. Nachalo*. [Kikoriki. Beginning]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=AIROfQsm83Y> (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
13. Filosofiya i literatura: problemy vzaimnyh otnoshenij (materialy kruglogo stola) [Philosophy and Literature: issues of interaction]. *Voprosy filosofii*. [Issues of Philosophy], 2009, no. 9, pp. 56—96. (In Russ.).
14. *Effekt babushki* [The Granny effect]. Accessed at: <https://www.youtube.com/watch?v=nGKOJyNNTvA>, accessed 20.07.2020. (In Russ.).
15. Yuliya Nikolaeva: «“Smeshariki” populyarny iz-za zalozhennyh dvojn'nyh smyslov» [Julia Nikolaeva: “Kikoriki” are popular due to inherent deep meanings]. Accessed at: <https://ria.ru/20200630/1573637098.html>, accessed 10.07.2020. (In Russ.).
16. Abdel Rahim L. *Children's Literature, Domestication, and Social Foundation: Narratives of Civilization and Wilderness (Routledge Interdisciplinary Perspectives on Literature)*. New York, London, Routledge, 2015. 264 p.

УДК 130.2
ББК 87.667.1

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10210

Сон «лунного человека»: размышления о предметно-энергийном аспекте преодоления расизма

А. И. Мацына

*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная Академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске,
Челябинск, Россия*

Автор размышляет о возможности культурного преодоления такого социального явления, как расизм. Поводом к этому философскому размышлению послужил жизненный подвиг противостояния формирующемуся расизму великого русского гуманиста, ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. Рассуждая об общеизвестных событиях его жизни, автор последовательно применяет предметно-энергийный подход А. Б. Невелева. Это позволяет выйти на новый уровень понимания возможности преодоления расизма в общечеловеческом масштабе.

Ключевые слова: *расизм, преодоление, культура преодоления, предметно-энергийный подход, предметность, энергия, предметная идентичность, предметное ядро личности, метаморфоз идентичности.*

Средства массовой информации констатируют сложившуюся в современном обществе ситуацию: сегодня очень многим не вполне понятно, как единичный случай полицейского произвола в Миннеаполисе в мае 2020 года, породил мощную волну антирасистских протестов американских мегаполисах, которые с легкостью перекинулись в города Старого Света [3]. Проблема расизма, наряду с другим наследием колониализма уходит своими корнями в эпоху Нового времени, когда Старый свет ставит «на поток» разграбление далеких земель и обращение их населения в рабство. Папские буллы¹ подтверждают это право на насилие, заставляя общественное сознание и мораль приспособляться под холодный практический и торговый интерес. Сложно не согласиться с точкой зрения о том, что последующий скачок экономического развития Западной Европы оплачен ценой колониального ограбления и порабощения народов Азии, Африки и Америки. Плачевные последствия колониальной системы, прекратившей свое существование лишь в начале 60-х годов XX века, сохраняются и сегодня в экономической зависимости и задержке развития бывших колоний. Кроме того, мировоззренческий разлом, который пролегает в общественном сознании и исторической памяти когда-то порабощенных, униженных и уничтоженных народов, хоть и не всегда очевиден, но всегда неимоверно глубок. По свидетельству очевидцев, современников

исторической трагедии колониализма, убийство народов происходило либо путем несправедливой, кровавой тиранической войны, либо обращением в жесточайшее рабство [4]. Причиной же и единственной целью этих убийств было обогащение, толкающее пришельцев на любой произвол в отношении жителей новых богатых земель.

Удобное идеологическое оправдание колониального преступления перед человечеством при помощи ветхозаветного положения о проклятии племени Ханаана² постепенно дополняются и сменяются лженаучными взглядами на идеи Дарвина о борьбе самых приспособленных особей. К середине XIX появляется научный расизм, обосновывающий в целом положение существования неполноценных рас как некоего переходного звена между приматом и человеком. Расизм обычно определяется как совокупность антинаучных воззрений, концептуальную основу которых составляют положения о физической и умственной неравноценности человеческих рас и решающем влиянии этих различий на историю и культуру.³ Девиация расизма порочно деформирует общественное сознание и порождает чудовищные социальные конфликты, частичное снятие которых связано с громкими акциями протеста борцов за права человека (Н. Мандела, М. Ганди,

² «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Бытие 9:21-25).

³ См., напр.: Расизм // Большая советская энциклопедия. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/8681/rasizm.htm> (дата обращения: 08. 02. 2021).

¹ Например, “Dum diversas” 1452 года и “Inter caetera” 1455 года.

М. Л. Кинг), известных всему миру [3]. В современном контексте борьбы с расизмом сформулирован интересный вопрос о том, как великий русский ученый, путешественник и гуманист Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888), в ситуации расцвета расистских теорий осмелился в одиночку противостоять колониальному миру, при помощи науки доказывая мировому сообществу, что ни одна раса не имеет прав на порабощение другой [3]. Подвижничество этого человека предвосхищает появление по-настоящему гуманистической концепции в мире, который и по сей день во многом построен на принципах социального (в том числе расового) неравенства людей. Его бунтарская научная теория, которая появилась во времена утверждения научного расизма, дарит человечеству шанс на выживание и сегодня становится только актуальнее хотя бы потому, что ни один из народов мира не застрахован от таких социальных явлений, как ксенофобия и геноцид. Думается, правомерным было бы предположение о том, что личный и научный подвиг преодоления расизма вызревает не только вследствие научных изысканий, но и как результат становления и развития личности Николая Николаевича, его морально-нравственного выбора. Представленное размышление не имеет целью обнаружить новую информацию о жизни и деятельности великого человека, человеческий и научный подвиг которого вдохновил не одно поколение романтиков и исследователей. Напротив, в своих рассуждениях мы попробуем опереться на общеизвестные обстоятельства его жизни, изложенные в общедоступной литературе. Для того, чтобы с позиций диалектики предметно-энергийного подхода [10] разглядеть возможность преодоления расизма на общечеловеческом уровне.

Предметно-энергийный подход [10] позволяет зафиксировать структуру предметного ядра личности «Я» в динамике его раскрытия миру и Другому «Я». Человек, как принципиально предметное существо (А. Б. Невелев), формирует сферу собственного бытия путем культурной разметки мира. Размеченный культурными средствами, мир превращается в тотальное нечто. Даже придание чему-либо статуса непредметности в этом случае оказывается предметной (словесной) разметкой бытия при помощи «безотносительного не» [1]. Культурная разметка осуществляется человеком при помощи размечающего орудия (меты). При этом мета превращает объект в нечто существующее для человека. Человек же с помощью меты активно раскрывается по отношению к этому нечто. Оба полюса человеческого бытия — как размечающее, так и размечаемое [11, с. 199] предметны

и относятся к сферам равно как материального, так и идеального бытия. Укорененность в обоих полюсах позволяет человеку орудийно дистанцироваться «от “приземленности” материального бытия» [11, с. 200], и стяжать одухотворенность идеального бытия при помощи символических и знаковых слоев «исчезающей предметности» [11]. Несмотря на полюсное различие этих предметных слоев, суть их остается принципиально единой в том, что они предметны и представляют «Я» человека как «бытие-между» ними [11]. «Я» как единство этих противоположностей и результат их сочетания, представляет собой как предметное ядро персональной идентичности человека определяемое «размечающим и размечаемым в их единстве» [11, с. 200].

Трансформация меты влечет за собой как «горизонтальные», так и «вертикальные» [11] изменения предметного ядра персональной идентичности. Бесконечно разнообразные «горизонтальные» изменения остаются в рамках одного предметного слоя и не затрагивают его качества. Понятие «вертикальной» трансформации обозначает ситуацию качественного изменения персональной идентичности. В структуре культуры, как мега-меты, различимы четыре группы объективных средств разметки бытия: орудия, символы, знаки и универсалии. Каждая из них принципиально особенным образом определяет предметные формы в составе ядра персональной идентичности человека: «Я-телесное», «Я-образное», «Я-знаковое» и «Я-универсально знаковое» [11]. Безусловно, в идеале три первых предметности должны быть «взвешены в эфире» универсального «Я» (А. Б. Невелев). Однако, в связи с далеко не нейтральным отношением к предметному содержанию собственного человек оказывается в ситуации «захваченности» личности любым из этих уровней. Такой метаморфоз персональной идентичности задает качество энергии захваченности (деятельной способности) человека, зависящей от его захваченности (любви), ценностей и смысла жизни: она будет иметь «одно качество при ее погруженности в техническую, орудийную среду, другое — при ее реализации в образной среде, третье — при ее развертывании в знаковой реальности» [11, с. 203]. Так, например, участие в социальном угнетении ради собственного благосостояния или наживы, будь то крепостное право, колониальное порабощение или коррупция, имеет в своей основе захваченность «Я» материальным слоем предметности, «подминающим» под себя и мораль и нравственность. Все формы фетишизма демонстрируют энергию захваченности определенными образами как «картинками» бытия.

А. Б. Невелев приводит пример денежного фетишизма как результата поглощенности образами финансового могущества [11]. А расизм с этих позиций можно рассматривать как форму захваченности сознания образами превосходящей расы и собственной принадлежности к ней. Мощную «энергию увлеченности формами знакового бытия» [11, с. 203] демонстрируют формы фанатизма — религиозного, национально-этнического, политического и других, в том числе расового в виде научного расизма (расовых теорий). «Интенциональность сознания, как выражение предметной захваченности, формирует механизм идентификации «Я», которое как бы «прислоняется» к предмету, делая его ядром идентичности» [11, с. 203]. Идентичность «Я», фетишизирует собственную расовую принадлежность. Безусловно, сознание, достраивающее предметное бытие в такой разметке, низводит до ничтожественности другую расу и принадлежность к ней.

Явление расизма, как ксенофобская преграда к диалогу с Другим, указывает на необходимость его преодоления путем прироста объективности знания о природе собственного «Я». Преодоление фетишизации расовых предубеждений, достигнутое таким образом, «может тяжело переживаться <...> как фиаско <...>, «в многотрудности много печали» [12, с. 35]. Кроме того, преодоления «прислонившейся» субъективности может вовсе и не произойти, ведь «Я» вынуждено при этом произвести *самотрансформацию*. «Я» вынуждено уйти от себя, становящегося уже «не-Я» и перейти границу к тому, чем оно на данный момент еще не является, то есть к «не-Я». С этих позиций видится, что глобальная демаркация человечества, порожаемая расизмом, проходит отнюдь не по линиям формального обозначения социальных отношений и оппозиций, а бытийно, через предметное ядро идентичности каждого человека, стремящегося, говоря фихтеанским языком, к тождественности, которая жестко закрепляет границы: «Я есмь Я» [16, с. 48]. Трудность преодоления этой ситуации состоит в том, что в своем стремлении к неизменной определенности, мы упорно не желаем покинуть собственной облюбованной и обжитой нами предметности, в то время, как для непрекращающегося диалога с Другим и с миром именно она как раз и должна быть доведена до максимальной гибкости.

Кроме того, явление расизма имеет собственную историю «в лицах», которая в своей возвратной траектории порождает однопорядковое явление, получающее время от времени название «обратный расизм». Но имеет ли оно смысл с позиций предметно-энергичного подхода? Думается,

да. Оттолкнемся от положения о том, что «предмет, задающий форму идентичности на любом из уровней, несет в себе тенденцию объективной противоречивости, которая в этом случае будет сопряжена с персональной идентичностью «Я»» [11, с. 204]. Поскольку предметный мир текуч и изменчив, становится изменчивым и ядро персональной идентичности. В связи с этим персональная идентичность, как и сам этот мир, может находиться в состоянии непрерывной «болтанки» (Гераклит), как серии безостановочных переходов «Я» [11] от самоутверждения к самоотрицанию. В этой ситуации спасительным может быть лишь «Логос», если понимать его как предельную универсальную идеализацию предметной границы. Эта граница может быть зафиксирована лишь граничной мыслью. Идентичность же человека с этой граничной мыслью «делает “Я” предметно нерушимым» [11].

А. Б. Невелев исходит из того, мышление охватывает мир в целом при помощи парных категорий [11]. Это обнаруживает его диалектическую противоречивость. Противоречие «А-не А» содержит в себе три возможности предметной персональной идентичности. Это может быть идентичность с «А», идентичность с «не-А», и идентичность с самой границей «не», «безотносительным не» (Г. Гегель), «нетостью» (М. Хайдеггер) [11]. Идентичность «Я» с предметной формой «безотносительного не» [11] способна критически устранить все предметные формы, претендующие захватить энергию личности. Этого рода определенность высвобождает деятельную способность «человека, который, как «корабль, стоящий под парами» потенциально готов «отплыть» в любом предметном направлении, после постановки цели» [13, с. 111]. В этом случае в качестве нерушимого предметного основания «Я» утверждается само не-определенное бытие как таковое. Следовательно, «Я» становится способным фокусировать энергию любви (захваченности) человека в предельно возможной чистоте, в предельно «универсальной энергии любви» [18]. Человек становится ценен для Другого и для себя «...именно как место Бытия, блага, Истины и Красоты. Только переход «Я» через фазу этой экзотической вспышки приносит в мир человека высшее согласие» [11, с. 205]. В связи с этим А. Б. Невелев считает, что предметная и энергичная стороны человеческого бытия находятся между собой в отношении обратной зависимости: чем меньше предметная определенность бытия человека, тем больше его энергичная насыщенность. Предметная определенность бытия человека, «стремящаяся к нулю» [11] в качестве «исчезающей предметности» [19]

приводит к мощной фокусировке энергии любви (захваченности) и к вспышке экстаза бытия, идентичность с которым радикально преобразует персональную идентичность человека [11].

Учитывая сказанное выше, проблема преодоления расизма с позиций предметно-энергийного подхода видится, как проблема начала осознанного возвратного движения «Я» к его наиболее потенциальному демаркированному состоянию. Такое состояние предполагает максимальную концентрацию предметно неопределенной деятельностной способности как таковой, или энергии, как непредметной деятельности [13]. При этом А. Б. Невелев обращает внимание на «положительную трактовку отрицающей частицы «не» [13]. Средством объяснения этой ситуации в рамках предметно-энергийного подхода вполне возможно воспользоваться категорией метаморфоза отношения, указывающего и на метаморфоз идентичности человека [12]. Если на уровне восприятия, представления и понятия сохраняется идентификация с бытийными качествами, то уровень универсалий устраняет предметную определенность и «дает возможность идентифицировать человеческое Я с самим бытием» [12, с. 52]. Для того, чтобы универсалия позволила сверхчувственно охватить мир как «все во всем», необходимо, чтобы содержание понятия (как мыслимая совокупность существенных признаков предмета), устремившись к неопределенности, открыла человеку «взгляд на мир как таковой» [12, с. 52]. Такая предельная предметность, отраженная в тенденции содержания понятия к исчезновению оказывается не-предметной, связанной «с исчезновением любой предметности, кроме определенности слова, обозначающего это исчезновение» [12, с. 57]. Ситуация *преодоления* предметной идентичности Я на этом уровне предельной универсальной нетости раскрывается как динамичная ситуация «перцепления» идентичности человека «с преобладанием того, ЧТО он есть», на преобладание того, «что он ЕСТЬ» [12, с. 61]. Это представляется крайне актуальным в контексте проблемы преодоления, поскольку вполне очевидно, что философские системы стремятся к максимальному «стиранию» предметности и достижению энергийности предельно универсального Я. Не того Я, который есть определенный КТО-ТО, а того Я, который неопределенно, но ЕСТЬ по отношению к МИРУ.

В свете сказанного выше некоторые общеизвестные факты жизни Николая Николаевича Миклухо-Маклая очень показательны. Русская культурная идентичность, как принадлежность к духовной культуре державы, которая никогда не

была колониальной. Но то противоречие между гуманистическим складом русской культуры и сохранения крепостного права как чудовищной формы личной зависимости части собственного населения страны вплоть до 1861 года не могло не оставить следа в формирующейся предметной идентичности любого здравомыслящего человека. Кроме того, считается что идеи гуманизма будущему ученому прививает его мать, Екатерина Семеновна, которая оставшись после утраты мужа все же смогла дать каждому из пятерых детей достойное образование и неустанную заботу. Возможно ее наполовину польское происхождение и близость в юности к кружку А. Герцена с идеями социализма, социальной справедливости и интернационализма, повлияло на воспитание детей в духе уважения к людям всех национальностей, в уважении личности. Позже события польского восстания 1863—1864 годов побудят Николая глубже интересоваться польской культурой, а его поиски национальной идентичности завершаются тем, что в предсмертной автобиографии он подчеркивает смесь русского, германского и польского элементов. Чувство равноправия, обозначившееся уже в юности, заставило его в восемнадцать лет написать такие строки: «Я всегда испытываю большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях. У меня большая симпатия к бедным и бесправным, чем к богатым и полноправным» [9, с. 141]. Метаморфоз идентичности, обусловленный общественными условиями, влиянием нравственно ориентированной русской философской культуры и духовная обстановка в семье воспитывают в Николае личность с гуманистическим складом, с обостренным чувством справедливости. И то, что это глубинное, а не показное движение его души, станет еще более ощутимым впоследствии. Его юность проходит на фоне Крестьянской реформы, волнений, восстаний, революционного подъема, подпольных кружков разночинцев, на фоне несокрушимой веры в естественные науки и идеалы Просвещения. В это время появления интернациональных по своей сути социал-демократической и коммунистической идей, любой интеллигентный, здравомыслящий и романтически настроенный молодой человек рано или поздно должен был осмыслить революционные идеи о справедливом устройстве общества. Молодой Николай, безусловно, так же прошел через этот социально-активный этап становления его личности. Многие отмечают сходство характера молодого Николая с романтическими образами революционера-разночинца. Известно, что одним из его любимых литературных героев становится

образ «особенного человека» Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». И действительно он, подобно «самоломанному» Рахметову спешил жить, пренебрегая опасностями, болезнями, болью, препятствиями разного рода. Его решительное предметное «бытие между» формирует в нем необыкновенно храбрую, романтическую, харизматичную и сложную пассионарную личность.

Уход из гимназии, участие в волнениях, потеря права на российское образование [8, с.568], продолжение образования за границей, в Германии — все это, вероятно, указывает на способность его «Я» к самотрансформации, к переходу по направлению к «не-Я», способность к свободному оставлению обжитой предметности, а значит — к преодолению демаркации в структуре собственного ядра предметной идентичности. Известно, что в гейдельбергский период университетской учебы Николай Николаевич был увлечен идеями утопического социализма Р. Оуэна, А. Сен-Симона, идеями Н. Г. Чернышевского, роман которого «Что делать?» он привез с собой из Санкт-Петербурга [6, с.12-13]. А известие о гражданской казни Н. Г. Чернышевского потрясло его. Обряд гражданской казни в Российской империи состоял в публичном унижении наказуемого, лишении его всех прав состояния. Говоря иными словами — в принудительном лишении личности всех социально-бытийных атрибутов, в шоковом оставлении телесного «Я» в состоянии предметной неопределенности. Известно, что впоследствии связь Николая Николаевича «с передовыми идеями шестидесятых годов гораздо менее заметна, но глубока и прочна. Она лежит не на поверхности, а в самой основе того общественного и научного дела, которому он отдал жизнь. “В числе предубеждений... — писал вождь революционной демократии шестидесятых годов Чернышевский, — очень заметное место занимает предрассудок, будто один народ по самой своей природенной натуре, по своей расе неспособен к тому, к чему способен другой, так же по своей расе”» [17, с. 19].

Начиная с 1865 года, с переходом Николая Николаевича в ученики к Э. Геккелю перед русским студентом открывается огромный мир. Научный руководитель берет его с собой в экспедицию на Канарские острова. А затем — экспедиции в Марокко и Сицилию, в Красное море и Египет, в Аравию и Йемен, в Эфиопию и Судан, в Крым и на Волгу. Но экспедиция в Новую Гвинею, безусловно, была самой тяжелой и по-настоящему опасной в связи с долгим путем в месяц морского плавания и огромными рисками для жизни. Кроме того, огромным риском был и сам непосредствен-

ный контакт Н. Н. Миклухо-Маклая с папуасами, которые его очень сильно остерегались и были готовы убить. Но его выдержка необычайная харизма помогли добиться расположения, а впоследствии заслужить их любовь и уважение. Ученый осуществил экспедицию в уголок земли, где к тому времени длительный срок уже присутствовали европейские исследователи. Научная парадигма того времени допускала странные вымыслы об антропологическом типе и внешности папуасов, что вполне согласовывалось с колонизаторской моралью и набирающим силу научным расизмом. Кроме того, в середине XIX столетия получает развитие научный расизм, или расовая теория, послужившая в дальнейшем основой расовой дискриминации. В рамках расовых теорий, например, утверждались идеи об отсутствии родства между расами и их неравноправном положении [20]; о неравенстве человеческих рас и наличии высшего расового типа, призванного господствовать над другими [2]. Позиции расистов существенно усиливаются после публикации дарвиновской теории, когда ее приверженцы пытались обосновать тезис о происхождении человека от приматов при помощи расистской теории близости темнокожих рас к обезьянам. Конфликт взглядов Н. Миклухо-Маклая с подобными воззрениями приводит его к разрыву отношений с Э. Геккелем.

Однажды, во время короткого пребывания в Лондоне, в разговоре с Альфредом Уоллесом ученый сказал, что «сможет что-либо узнать о туземцах только тогда, когда поселившись с ними, станет одним из них» [15, с. 156]. При подготовке экспедиции в Новую Гвинею путешественник окрылен исследовательским стремлением: «Я план странствования своего подчинил антропо-этнографическим целям, при которых всегда останется у меня время для специальных анатомических исследований» [8, с. 8]. Чистый научный интерес, связанный с поисками «сердца всего человечества» приводит его к этому «проблематическому материку», считая обитателей Новой Гвинеи наиболее изолированными, наименее подверженными примесям с другими племенами. С точки зрения ученого, они смогли бы послужить исходной группой для сравнения с другими народами. Поселившись на побережье Новой Гвинеи, он два с половиной года проводит всесторонние исследования в этнографической зоне. Его исследование устранило все вымыслы, лишило всяких оснований расистские теории и принесло доказательства видového единства человечества.

Обнаружив научные доказательства о равенстве рас, ученый самоотверженно включается в социально-политическую деятельность по защите

прав этих народов. Веря в благородство сильных мира сего, он обращается к русскому императору Александру II о протектората над Новой Гвинеей¹; он адресует проект развития этой территории командующему британскими ВМС Дж. Уилсону, предотвращая его карательную акцию на юго-восточном побережье Новой Гвинее; он пишет рейхсканцлеру Германской империи О. фон Бисмарку о необходимости цивилизованного мира взять на себя защиту прав местного населения островов Тихого океана; а затем, опять, обращается к великому князю Алексею Александровичу и ко вступившему на российский престол императору Александру III. Возвратившись к идее российского протектората над Берегом Маклая, он, вероятно, надеялся совместить ее с идеей независимого государства Папуасского Союза.

Мы вспомнили общеизвестные данные из жизни великого путешественника, чтобы в самых общих чертах определить причины того, почему этот человек смог оказаться принятым папуасами и почему он, порой даже не имея достаточных ресурсов для жизнеобеспечения, находил в себе силы выступать в роли их защитника? Как ему удалось стать тем Человеком, о котором Л. Н. Толстой напишет: «Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой» [14, с. 378]. Думается, что именно на этот, предуготовленный всей предшествующей жизнью Миклухо-Маклая способ раскрытия себя миру, указывает всем известный символический случай, произошедший в самом начале пребывания ученого на берегу Новой Гвинее. Экипаж корвета «Витязь», впервые бросившего якорь в заливе Астролябия, прощается с ученым и его сопровождающими. Моряки обещают приплыть через два года за первопроходцами. Сам ученый, предвидя возможный исход, просит обязательно найти и забрать хотя бы дневники. Да, он, безусловно, мог напугаться людей, сложившийся образ которых пугал многих. И мог бы из страха применить оружие, если бы оно... было. Ему угрожали оружием, но он продолжал поиски контакта, оставаясь безоружным. Когда он впервые вошел в деревню, на него были направлены копыта, а рядом с воткнулось несколько стрел. И возможно, он поддался бы страху, но неожиданно сделал по-другому. Измученный бесплодными попытками установления контакта, он просто расстелил под деревом циновку, улегся и

уснул. Лишь после того, как он проснулся, стало ясно, что они рассматривали его. Это было страшно и удивительно для них. Но он дал им возможность преодолеть свой страх. И их страх ушел, оставив место долгой и устойчивой положительной социальной памяти, благодаря которой сейчас развиваются и укрепляются отношения между нашими странами [5]. Можно ли было бы представить себе, что страны начали дружить благодаря тому, что когда-то было осуществлено правильное отношение одних людей к другим людям? Думается, что эта картина будет недостаточна без учета очень важного, на наш взгляд, обстоятельства. В этом, поистине легендарном повествовании присутствует другой участник этого исторического диалога. Это папуас, молодой человек по имени Туй, который в рамках своей культуры, по всей видимости, обладал особенной открытостью миру. Именно Туй стал первым другом путешественника и впервые назвал его «*karam tamo*» — «лунный человек» [5]. Быть может, диалог и смог состояться только благодаря тому, что не одна, а обе стороны обладали особенной чертой — максимальной способностью преодоления границ собственного предметного бытия, делающей их максимально открытыми миру? Вероятно, об этой ситуации говорит впоследствии сам Н. Миклухо-Маклай: «Я много раз замечал, что туземцам нравился мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать» [7, с. 156]. В этом контексте сон путешественника на окраине папуасской деревни, утомленного неудачными попытками контакта, представляется как глубокий по своей сути экзистенциальный акт решительного сбрасывания любых предметностей с собственного «Я». Возможно, этот решающий порыв «исчезающей предметности» привел к «мощной фокусировке энергии любви (захваченности)» [11, с. 205] личности ученого в его стремлении к преодолению расистского безумия на основе универсального принимающего диалога равных по достоинству.

Расизм не может быть изжит указаниями, установками правительств, либо внешними социальными манипуляциями без философской рефлексии. Применение философского подхода позволяет различить структуру и сущность явления и возможности его культурного преодоления. Роль философии при этом не может быть сведена к нахождению рецептов для осуществления конкретных действий и реализации конкретной программы борьбы с расизмом. Однако философский подход позволяет, углубившись в постижение сущности явления, выстроить не-

¹ Не колонизации, а протектората как особого отношения между сторонами с сохранением суверенитета слабой стороны.

кий идеализированный концепт, который, подобно системному администратору в сфере ИТ, будет способен (или же вовсе нет) настроить и отладить всю работу сложной системы человеческих отношений. Это предполагает, в первую очередь, долгий и кропотливый труд человечества по укреплению философской рефлексии в обществе. Формирование в общечеловеческих масштабах культуры преодоления расизма предполагает «переплечение» ограниченной расовой

предметной идентичности «Я» на преобладание трансцендирующей предметной идентичности предельно универсального «Я», который неопределенно, но ЕСТЬ по отношению к МИРУ. Это и позволит выстроить универсальный диалог, растворяющий девиацию расизма. Остается добавить лишь, что начало такого диалога становится возможным лишь при наличии в Другом преобладания такого же универсального «Я», способного пойти навстречу.

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель // Сочинения : в 3 т. Т. 3. Москва : Мысль, 1972. 371 с.
2. Гобино, Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. А. де Гобино. Москва : Одиссей : Олма-Пресс, 2001. 764 с.
3. Дворецкова, А. «Радио ДОК». Николай Миклухо-Маклай // Сигналы точного времени. Радио России. URL: <https://www.radiorus.ru/brand/59306/episode/2422146> (дата обращения: 17.07.2020).
4. Лас Касас, Б. де. История Индии : пер. с испанского / Б. де Лас Касас. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. Ленинград, 1968. 472 с.
5. Миклухо-Маклай, Н. Н. Миклухо-Маклай — XXI век. Ожившая история / Н. Н. Миклухо-Маклай. URL: www.mkluho-maclay.ru.
6. Миклухо-Маклай, Н. Н. Письма. Документы и материалы / Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. М. : Наука, 1996. 823 с.
7. Миклухо-Маклай, Н. Н. Путешествия на берег Маклая / Н. Н. Миклухо-Маклай. М. : Географгиз, 1956. 415 с.
8. Миклухо-Маклай, Н. Н. Статьи по зоологии, географии и метеорологии / Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3. Ч. 2. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1952. 468 с.
9. Миклухо-Маклай, Н. Н. Человек с Луны : дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая / Н. Н. Миклухо-Маклай ; сост., подгот. текстов, послесл. и коммент. Б. Н. Путилова. М. : Молодая гвардия, 1982. 336 с.
10. Невелев, А. Б. Предметно-энергетическое исследование культуры: к постановке проблемы / А. Б. Невелев // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений : тез. докл. VII Рос. филос. конгресса, Уфа, 6 — 10 октября 2015 года : в 3 ч. Ч. II. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 41.
11. Невелев, А. Б. Техника, символ и знак в предметно-энергетическом бытии человека // А. Б. Невелев. Избранные труды. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 279 с.
12. Невелев, А. Б. Философия познания : учеб. пособие / А. Б. Невелев, Н. Л. Худякова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. 123 с.
13. Невелев, А. Б. Энергетичность бытия человека как не-предметный феномен культуры // А. Б. Невелев. Избранные труды. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 279 с. С. 199—208.
14. Толстой, Л. Н. Письма, 1880—1886 гг. // Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 63. М. ; Л. : Госиздат, 1934. 522 с.
15. Тумаркин, Д. Д. Белый папуас: Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи / Д. Д. Тумаркин. М. : Восточная литература, 2011. 623 с.
16. Фихте, И. Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // И. Г. Фихте. Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб. : Мифрил, 1993. С. 7—64.
17. Чуковская, Л. К. Избранное / Л. К. Чуковская. М. : Время, 2011. 575 с.
18. Шарден, П. Т. де. Божественная Среда : пер. с фр. / П. Т. де Шарден. М. : Гнозис, 1994. 208 с.
19. Ясперс, К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс ; пер. А. К. Судакова. М. : Канон+ : Реабилитация, 2012. 384 с.
20. Nott, J. C. Types of Mankind, or Ethnological Researches / J. C. Nott, G. R. Gliddon. 7th ed. Philadelphia : Lippincott, Grambo & Co ; London: Trübner & Co, 1855.

Сведения об авторе

Мацына Андрей Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная Академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, Челябинск, Россия. *matsyna@inbox.ru*

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 67—75.*

The sleep of the “moon man”: reflections on the objective energetic aspect of overcoming racism

A.I. Matsyna

*Branch of military educational and scientific center
of the air force “Air Force Academy” in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia. matsyna@inbox.ru*

The author reflects on the possibility of cultural overcoming of such a social phenomenon as racism. The reason for this philosophical reflection was the life feat of opposing the emerging racism of the great Russian humanist, scientist and traveler N. N. Miklukho-Maklay. Discussing the well-known events of his life, the author consistently applies the subject-energy approach of A. B. Nevelev. This allows us to reach a new level of understanding of the possibility of overcoming racism on a universal scale.

Keywords: *racism, overcoming, the culture of overcoming, object-energy approach, objectiveness, energy, objective identity, object core of individual, metamorphosis of identity.*

References

1. Gegel' G.V.F. Nauka logiki [Science of logic]. *Sochineniya: v 3 t. T. 3* [Works : in 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl', 1972. 371 p. (In Russ.).
2. Gobino Zh. A. de. *Opyt o neravenstve chelovecheskih ras* [Experience on the inequality of human races]. Moscow, Odissej, Olma-Press, 2001. 764 p. (In Russ.).
3. Dvoreckova, A., Kruglov, A. «Radio DOK». Nikolaj Mikluho-Maklaj [«Radio DOK». Nikolay Miklukho-Maclay]. Signaly tochnogo vremeni. Radio Rossii [Precise time signals. Radio Russi]. Available at: <https://www.radiorus.ru/brand/59306/episode/2422146>, accessed 17.07.2020. (In Russ.).
4. Las Kasas, B. de. *Istoriya Indij* [History of India]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1968. 472 p. (In Russ.).
5. Mikluho-Maklaj, N. N. *Mikluho-Maklaj — XXI vek. Ozhivshaya istoriya* [Miklouho-Maclay — XXI century. History revived]. Available at: www.mkluho-maclay.ru. (In Russ.).
6. Mikluho-Maklaj N.N. Pis'ma. Dokumenty i materialy [Letters. Documents and materials]. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5* [Collected works : in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Nauka, 1996. 823 p. (In Russ.).
7. Mikluho-Maklaj N.N. *Puteshestviya na bereg Maklaya* [Travels to the Maclay Coast]. Moscow, Geografiz, 1956. 415 p. (In Russ.).
8. Mikluho-Maklaj N.N. Stat'i po zoologii, geografii i meteorologii [Articles on zoology, geography and meteorology]. *N. N. Mikluho-Maklaj. Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 3. Ch. 2* [N.N. Miklouho-Maclay. Collected works : in 5 vols. Vol. 3. Part 2]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1952. 468 p. (In Russ.).
9. Mikluho-Maklaj N.N. *Chelovek s Luny : Dnevniki, stat'i, pis'ma N.N. Mikluho-Maklaya* [Man from the Moon: Diaries, Articles, Letters of N. N. Miklukho-Maclay]. Moscow, Molodaya. gvardiya, 1982. 336 p. (In Russ.).
10. Nevelev A.B. Predmetno-energijnoe issledovanie kul'tury: k postanovke problemy [Subject-energy study of culture: to the problem statement]. *Filosofiya. Tolerantnost'. Globalizaciya. Vostok i Zapad — dialog mirovozzrenij: v 3 ch. Ch. II* [Philosophy. Tolerance. Globalization. East and West — a dialogue of worldviews: in 3 parts. Part II]. Ufa, RIC BashGU. P. 41. (In Russ.).
11. Nevelev A.B. Tekhnika, simbol i znak v predmetno-energijnom bytii cheloveka [Technique, symbol and sign in the subject-energy being of a person]. *A.B. Nevelev. Izbrannye trudy* [A.B. Nevelev. Selected Works]. Chelyabinsk, Izdatl'stvo Chelyabinskogo goudarstvennogo universiteta, 2019. 279 p. (In Russ.).
12. Nevelev A.B., Hudyakova N.L. *Filosofiya poznaniya* [Philosophy of Knowledge]. Chelyabinsk, Izdatl'stvo Chelyabinskogo goudarstvennogo universiteta, 2015. 123 p. (In Russ.).

13. Nevelev A.B. *Energijnost' bytiya cheloveka kak ne-predmetnyj fenomen kul'tury* [The energetic nature of human being as a non-objective phenomenon of culture]. *A.B. Nevelev. Izbrannye trudy* [A.B. Nevelev. Selected Works]. Chelyabinsk, Izdatl'stvo Chelyabinskogo goudarstvennogo universiteta, 2019. Pp. 199—208. (In Russ.).
14. Tolstoj L.N. *Pis'ma, 1880—1886 gg.* [Letters, 1880—1886]. *L.N. Tolstoj. Polnoe sobranie sochinenij. T. 63* [L.N. Tolstoy. Full composition of writings. Vol. 63]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1934. 522 p. (In Russ.).
15. Tumarkin, D. D. *Belyj papuas: N.N. Mikluho-Maklaj na fone epohi* [White Papuan: N.N. Miklouho-Maclay against the background of the era]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2011. 623 p. (In Russ.).
16. Fihte I.G. *O ponyatii naukoucheniya, ili tak nazyvaemoj filosofii* [On the concept of science, or the so-called philosophy]. *I.G. Fihte Sochineniya: v 2 t. T. 1* [I.G. Fichte. Work: in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Mifril, 1993. 687 p. P. 7—64. (In Russ.).
17. Chukovskaya, L. K. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Vremya, 2011. 575 p. (In Russ.).
18. Sharden P.T. de. *Bozhestvennaya Sreda* [Divine Wednesday]. Moscow, Gnozis, 1994. 208 p. (In Russ.).
19. Yaspers K. *Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire* [Philosophy. Book One. Philosophical orientation in the world]. Moscow: Kanon+, 2012. 384 p. (In Russ.).
20. Nott J.C., Gliddon G.R. *Types of Mankind, or Ethnological Researches*. Philadelphia : Lippincott, Grambo & Co.; London : Trübner & Co, 1855.

УДК 165.5
ББК 87.535

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10211

Особенности формирования ценностного мира молодого поколения инженеров в информационную эпоху

И. С. Кальва, Т. В. Дягилева

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

В свете аксиологии рассматривается проблема трансформации ценностей, происходящая в современную эпоху, что привело к анализу информатизации и цифровизации как социокультурных феноменов, стимулирующих смену ценностных ориентаций. Акцентируется внимание на особенностях ценностей, свойственных будущим поколениям инженеров. Предлагаются пути формирования человека будущего, как высококонтрастной, полноценной личности для дальнейшего развития информационного общества.

Ключевые слова: инженерная деятельность, ценностный подход, высшее образование, информационная эпоха, философия образования, ценность, ценностные ориентации.

В век информационных технологий становится актуальным вопрос о необходимости формирования новой системы ценностей. Информация, как одна из главных ценностей в XXI веке, может выступать в качестве стимула для преобразования и развития общества, изменения его социального устройства, начала практических действий человека, направленных на улучшение различных элементов, входящих в сферу общественной жизни людей. Коммуникация и информационный обмен, который в современном мире уже выходит за рамки простого общения людей, может по-прежнему выступать механизмом развития культуры.

Но глобальная информатизация и цифровизация общества, всех аспектов человеческой деятельности представляет угрозу, связанную с трансформацией информации в антиценность. Этот процесс вызван усилением роли влияния информации на мышление индивидов, их псевдопросвещенность, не умением молодых людей из массива противоречивой информации, появляющейся ежесекундно, вычленив достоверную информацию и только после тщательного и глубокого анализа применять её на практике. По аналогии с теорией о «несовершеннолетии» Европы И. Канта, «несовершеннолетие» в XXI веке, связанное с непониманием происходящих процессов и нежеланием принять это как данность и направить усилия на своевременное формирование системы ценностных ориентаций молодого поколения, как недопущение перегиба в сторону антиценностей, может оказаться губительным для цивилизации. Так в инженерной деятельности под воздействием противоречивой информации, заведомо ложных данных, может состояться научный эксперимент, направленный не на благо и развитие общества, а напротив, приводящий к негативным и даже

катастрофическим последствиям для всего окружающего мира. Для будущего инженера одним из обязательных качеств является владение информационной культурой, поскольку человек не только получает информацию и анализирует её, он же её и производит. Анализ ценностного мира в целом, и в частности, системы ценностей современной молодежи представляет **актуальную** проблему в области аксиологии, этики, философской антропологии и философии образования.

«Подходить ко всему с эстетической мерой, уметь находить эстетические ценности в деятельности — вот принцип поведения инженера» [4], который является особенно актуальным в информационную эру. Через эстетические и этические понятия происходит формирование моральных норм и системы ценностей, вследствие этого, необходимо особое внимание уделять вопросу исследования генезиса данных понятий, делая акцент на ценностях информационного общества и человеческих ценностях в цифровую эпоху. Для изучения ценностей необходимо использование культурно-исторического подхода, помогающего выявить и понять специфику бытия человека, уровень освоения им культурных ценностей в данный исторический период. Так в классической философии акцент был сделан на формирование образцов, определяющих понимание сфер бытия: природного мира, человеческой деятельности, мышления. Именно на них, в первую очередь, ориентировались индивидуумы. Из поколения в поколение, сформированные единожды, принципы и образцы оставались неизменными на протяжении нескольких веков, включая Античность, Средневековье, вплоть до XIX века. В XX веке под влиянием науки сформировался новый тип философствования, новая система ценностей.

Более того, образ человека стал восприниматься настолько обобщенно, что и сам индивидуум стал похож на серийное, массовое производство, была утрачена необходимость в саморазвитии и самореализации. К середине XX века цельность начала распадаться на фрагментарность, в силу различных обстоятельств, связанных с развитием техники и технологий, их усовершенствованием, что оказало влияние на изменение образа жизни всего человечества. На первый план из общей массы сначала выделились отдельные группы, как элементы общей схемы онтологизации общества, а затем и отдельные личности со своими установками моделями деятельности, которые в определенных ситуациях вступают в противоречие. В современном мире, в XXI веке, в условиях постклассического типа философии нет единой концепции развития обществ и государств, движение вперед идет не плавно и планомерно, а скачкообразно, несмотря на глобализацию и стирание культурных, экономических, политических границ. Ввиду чего необходим системный подход, который реализует возможность осознания современных ценностных ориентаций как целого, состоящего из частей.

Целью настоящей работы является исследование приоритетных для реалий сегодняшнего времени ценностей, их единства и многообразия, возможности и пути их формирования. В ходе исследования были определены исторические факторы, вызвавшие трансформацию ценностей и оказавшие влияние на формирование ценностных ориентаций в эпоху информатизации и цифровизации; рассмотрены характерные черты, присущие поколениям «Z» и «Альфа», как носителей новой культуры, от которых зависит будущее человечества; а также спрогнозированы перспективы дальнейшего развития информационного общества.

Личность не может в полной мере называться полноценно развитой при отсутствии сформированной системы ценностей. Осознание того, что ценностные ориентации современного поколения, их представление об истине, добре и справедливости отличается от понимания вечных ценностей предыдущими поколениями, что ценностный мир подвержен динамике, изменениям в силу трансформационных процессов, сегодня играет ключевую роль в философском сообществе. Это понимание обуславливает **центральный объект исследования** данной работы, которым выступает трансформация ценностей в информационном пространстве, необходимость формирования ценностного мира инженеров в современную эпоху, привитие молодому поколению базовых ценно-

стей. **Практическую значимость исследования** составляет разработка модели формирования ценностного мира инженера посредством интеграции образовательной, воспитательной и информационной деятельности, включающей глобальную компьютерную сеть Интернет, относящуюся к современным средствам массовой информации. Поскольку «интернет — это важнейшая часть, основа развития гражданского и информационного общества» [8, с. 239].

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении ценностных ориентаций, характерных для общества цифровой эпохи путем сравнительного анализа ценностей (или их утраты) у современного поколения, и, как следствие, доказательства необходимости их формирования у будущих инженеров. Для современного инженера недостаточно обладать знаниями, умениями и навыками, которые формируются в вузе и развиваются в дальнейшей профессиональной деятельности, видоизменяясь и усложняясь по мере приобретения инженером новых компетенций, развития техники и технологий, научно-технического прогресса. Наличие у инженеров способности созидать, то есть не просто создавать новую технику и технологии, но и понимать практическую пользу от их внедрения, нести моральную ответственность за созданный продукт, является в настоящее время крайне важным. Сфере образования необходимо создавать условия для раскрытия интеллектуального и творческого потенциала личности, формирования стиля инженерного мышления и развития умения мыслить категориями будущего, предвидеть, какие навыки и технологии будут востребованы через пять, десять, пятнадцать лет. Сегодня особенно важным является то, как будет сформировано мировоззрение будущей инженерной элиты.

Инженеру всегда был свойственен особый взгляд на вещи, необычное видение мира, миропонимание вследствие их творческой природы, способствующей воплощению идеи, замысла на практике. Инженер может представить образ, очертания будущего изобретения в деталях, предположить процесс работы создаваемого механизма. Информационная эпоха породила новый тип ученого и инженера-изобретателя, благодаря стиранию границ между виртуальным и реальным миром. VR-технологии помогают инженеру продемонстрировать результаты его творчества в режиме реального времени. Поскольку все процессы в виртуальном мире происходят быстрыми темпами, сегодня нет необходимости ждать полного завершения биологических процессов, можно увидеть последствия реализации самых

фантастических идей, возможность их прогнозирования помогает развивать инженерное мышление и творческий потенциал. В век цифровизации и развития информационных технологий у инженеров появляются неограниченные возможности. Но необходимо учитывать, что деятельность каждого человека может оказать влияние на процессы, происходящие в обществе. Инженерное творчество, основой которого являются потребности общества, традиционно было направлено на его социальное развитие, способствуя тем самым научно-техническому прогрессу. Современный инженер должен чётко понимать своё предназначение и неизменно следовать ему, поскольку неограниченные возможности, и внутренняя свобода личности, позволяющая принимать решение в выполнении определенных действий, неизменно влечёт за собой ответственность, именно это говорит о сознательной деятельности человека. В настоящее время ввиду ускорения всех научно-технических преобразований, глобализации общества превалирует именно свобода в действиях личности, зачастую мнимая, и стирается понятие об ответственности. Мир изменился, трансформационные процессы продолжаются, и современный инженер должен соответствовать реалиям сегодняшнего времени, уметь встраиваться в эти процессы, изменилась и современная система ценностей, но аксиологические основания должны присутствовать в инженерной деятельности, стать её постоянным компонентом и ориентиром для инженеров.

Информация, которая стала одной из базовых ценностей в XXI веке, её разнообразие оказывает влияние на заинтересованность человека в познании окружающей его действительности, но из-за избытка информации, хаотичности её воспроизводства и получения внимание индивида рассеивается, что приводит к ситуации, когда информация теряет свою ценность. Это вызывает необходимость в умении находить рациональное зерно в информационном поле, оценивать достоверность информации и возможность её использования. Сегодня это умение только начинают формировать у будущих поколений в образовательных организациях, и в тоже время это проблема, о которой задумываются педагоги и ученые. Так, об актуальности проблемы формирования информационной культуры для сферы профессионального образования пишут А. Ткаченко, Л. Нестерова [13]. На то, что «современное образование должно иметь своей целью формирование нового типа личности как носителя информационной культуры» указывает А. Ю. Квитко [6, с. 167]. Исследованию культуры в контексте информатизации общества

посвящены работы Э. А. Позднякова [11], Э. Тоффлера [14], И. А. Негодаева [9], З. Бжезинского [3], В. Поликтова [12], В. А. Кутырева [7]. Несмотря на наличие интереса к проблеме формирования личности в условиях информационного общества исследования ценностных ориентаций в контексте информационной культуры продолжаются.

Понятие «информационная культура» появилось в середине прошлого века, вследствие культурной трансформации, которая произошла под воздействием стремительно ворвавшихся в жизнь людей информационных и цифровых технологий, и изменения структуры и содержания самой культуры. Именно информационная культура, выступающая, как элемент общей культуры человечества формирует умение ориентироваться в информационных потоках. Трансформация культуры привела к трансформации ценностей, в силу причинно-следственных связей данный процесс оказался неизбежен. «Информация» стала одной из основных ценностей, в силу возможности массового потребления, так как благодаря трансляции в сети Интернет она доступна всем, не зависимо от возраста и социального положения, а благодаря неиссякаемости её производства и воспроизводства, сегодня информация — это главный экономический ресурс, она покупается и продаётся. Элвин Тоффлер назвал информацию «новым богатством, компонентом, который входит в крупную макросистему, вместе с социальными, культурными, религиозными, политическими компонентами» [14, с. 7]. Причем, продолжает философ: «все они взаимосвязаны друг с другом», и «вместе образуют цивилизацию или образ жизни, примерно совпадающие с системой богатства» [14, с. 7].

Кроме информации, на первое место по значимости вышла интеллектуальная собственность и человеческий капитал, что вполне объяснимо, информация только тогда имеет ценность, когда человек может ей воспользоваться. Просто получение и передача информации не показывает просвещенности человека, не говорит об его уровне знаний, не достаточно иметь и большой запас теоретических знаний, необходимо уметь применять их на практике. Благодаря познаниям в различных сферах, ученый, инженер может совместить эти знания для реализации проекта, воплощения идеи. Мультидисциплинарность помогает выйти за предельные границы, посмотреть на вещи шире, науке известно много случаев, когда человек изучал природные процессы и переносил их в свою культуру. В частности, наука бионика, где в технических устройствах применяются

свойства и функции живой природы, например, застёжка-молния, созданная по примеру перьев птиц. Но в тоже время существует опасность, что из-за огромного количества информации, человек не сможет применить эти «знания», поверхностно он будет знать много, но основательно не разбираться ни в чём. В XXI веке молодое поколение педагогов утверждает, что одной из важных компетенций обучающихся является умение быстро находить нужную информацию и применять её для реализации проекта. Но с этической точки зрения возникает ещё одна проблема — недолговечность вещей. В современном мире время потеряло свою ценность, все процессы, технологии меняются настолько быстро, что многие люди и целые государства не успевают понять их, не говоря уже о процессе осознания того, зачем это нужно и нужно ли. Из-за быстрой смены технологий, очень многое люди воспринимают, как промежуточный этап, огромная масса созданных вещей просто утилизируется, из-за быстротечности моды, они не наследуются от предыдущих поколений, потому что зачастую ими уже невозможно воспользоваться, они технически, технологически устарели. Сегодняшнее бытие, в которое погружается человек, теряет наследственную память. Во-первых, это приводит к браку, создаваемых вещей, они уже изначально не прочны и недолговечны, современные инженеры не стремятся создавать на века, не видят в этом смысла. Но более важна другая проблема, не этическая, а ценностная, из области аксиологии. Принцип меняющихся технологий переносится и на другие вещи, которые сопряжены с духовным, чувственным миром человека. Сегодня происходит потеря памяти поколений, всего накопленного веками культурного наследия, от этого отношение подростков к старшему поколению, учителя к ученику, ко всей культуре, не помня о прошлом, молодое поколение не задумывается о будущем, не отдаёт себе отчёта в своих действиях и поступках. В ежедневной спешке и погоне за освоением новых технологий, люди не думают о вечном: об общечеловеческих незыблемых принципах и нормах культуры, которые сохранились в вековой памяти народа, исторических событиях, мгновениях жизни, раскрывающих вечность.

По мнению американского политолога Збигнева Бжезинского [3], вследствие того, что на формирование постиндустриального общества оказала влияние техника и электроника, общество стало технотронным в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях. Во всех сферах произошла глобальная интеграция, начало формироваться глобальное видение мира.

Молодое поколение не ориентируется на традиционные ценности, считая себя (небезосновательно) более продвинутыми в плане овладения информационными технологиями.

Информацию и интеллект, как главные ценности современной эпохи, выделяет И. Ю. Алексеева, подчеркивая, что «важное значение приобретает способность индивида к самостоятельному, осознанному выбору информации, релевантной его интересам, убеждениям и планам; отсутствие установок на подражательство и конформизм, сопротивляемость манипулятивным информационным воздействиям» [1, с. 47]. Тем самым И. Ю. Алексеева отмечает, что в настоящее время необходимо формировать информационно-психологическую защищенность личности.

По данным социологического опроса, который провели А. М. Фактор, С. Г. Камолов, А. А. Никандрова, ведущими ценностями цифровой эпохи являются «информация, прозрачность, стандартизация, функциональность, гибкость, скорость передачи информации, ориентированность на выгоду, ориентированность на «лайки», стремление к комфорту» [15, с. 98].

Т. Кармазин в журнале «BusinessExcellence» [5] указывает, что для digital-социума ценностными ориентирами будут выступать «не только инновационность и цифровые технологии, открытость и доступность информации, как источника социального развития, автор надеется, что одним из ориентиров станет ответственность за достоверность передаваемого в информационную среду интеллектуального и эмоционального контента и личностная идентичность» [5, с. 38]. Он акцентирует внимание на том, что «в системе управления людьми ценности являются не только ориентиром, мотиватором и критерием оценки, но и фактором формирования моделей компетенций. Ценностная трансформация приведет и к трансформации компетентностной» [5, с. 38].

На сегодняшний момент в научном сообществе не существует единодушия в понимании логики смены в структуре ценностной системы, это процесс труднопредсказуемый. Неопределенность понимания стратегий будущего является одной из отличительных особенностей эры информатизации и цифровизации, сегодня невозможно строить планы на десятилетия. Будущее зависит от комплекса переменчивых факторов. Поэтому необходимо воспитывать в людях самоконтроль, ориентировать их не только на получение знаний и постоянный личностный рост, но и призывать к ответственности за свои поступки, совершаемые в разных сферах и, особенно в профессиональной деятельности. Они должны понимать, что делают

это не потому, что того требуют государственные законы и общепринятые нормы, следование моральным принципам должно стать приоритетом для самого человека. Общечеловеческие ценности необходимо транслировать индивиду, обеспечивая доступность и ясность восприятия, чтобы человек мог понять и принять их, сделать осознанный выбор. Как верно отмечает Л. В. Нестерова, «система убеждений, образующая мировоззренческий уровень информационной культуры специалиста, формируется на базе его информационных потребностей, интересов и ценностных ориентаций в процессе информационной деятельности аксиологического характера, рефлексии и формирования самосознания» [10, с. 119]. Основная проблема современного общества информационной эпохи раскрывает себя не в воздействии рекламы, пропагандирующей эгоцентричный и гламурный образ жизни и даже не в зависимости индивида от гаджетов, а состоит в разрыве культурной связи между поколениями.

Формируя ценностный мир будущего поколения инженеров, необходимо учитывать специфические признаки, свойственные поколениям «Z» и «А». Например, их восприятие виртуального мира, как реального. Виртуальная реальность может быть благом, она развивает фантазию и вызывает интерес к получению новых знаний через заинтересованность темой. С детства ребёнка привлекают яркие картинки, они вызывают интерес, а когда картинки превращаются в «реальность» это приводит к возникновению ещё большего интереса. С каждым годом ирреальность усиливается, с помощью VR-технологий можно транслировать ценностные константы, формируя у молодого поколения ценностное восприятие мира. По мнению ученых, представители поколения «Z» и «А» являются эрудированными, глобализационные процессы, происходящие во всём мире, стирание культурных границ, возможность общаться и делать совместные проекты с представителями разных стран формируют в них гибкость к восприятию и в тоже время социальную ответственность.

Учитывая особенности современного молодого поколения, выдвинем предположение о том, что транслятором ценностных установок может выступать современная медиакультура, поскольку для неё характерны: общедоступность информации, открытость, визуализация, всеохватность, размывание границ между виртуальным и реальным миром. В силу этого она будет способствовать формированию ценностных ориентаций современного поколения, для которого важным аспектом восприятия мира и общественных фе-

номенов является информационная среда. Но интернет лишил традиционные СМИ монополии на формирование общественного мнения, на площадках социальных сетей создаётся искусственная информационная среда, где обсуждаются события, происходящие в науке, образовании, культурной и других сферах жизни современного общества. Авторы новых медиа формируют мышление молодого поколения, влияют на их мировоззрение, сегодня информационное наполнение, как и уровень восприятия информации молодежью сложно контролировать. Вследствие чего необходимо увеличить в новых медиа количество информации, способствующей культивированию у молодежи ценностей, обращаясь к внутреннему духовному миру людей, развивая экзистенциальные навыки. С помощью общедоступности информации можно радикально поменять содержание деятельности человека, в том числе и посредством информационного лидерства, лидер, которому доверяет молодежь, может выступать транслятором ценностей и способствовать формированию культуры. На страницах социальных сетей в привычной для молодого поколения и ненавязчивой форме нужно рассказывать о ценностных ориентирах, важности аксиологической составляющей деятельности людей. В век информатизации новые идеи и взгляды распространяются с невероятной скоростью, и важно постоянно поддерживать данный контент, поскольку необходимо помнить, что сформировавшееся сегодня мировоззрение, ценности могут утратить свою значимость, трансформироваться или восприниматься не верно, быть направлены на антиблаго.

Сегодня ценностные ориентации можно формировать посредством создания научпоков — кратких сюжетов, отвечающих на определенные вопросы, описывающих явления окружающего мира [2]. В сюжетах рассказывать интересным языком о важном, они зрелищны и соответствуют таким особенностям поколений «Z» и «Альфа», как малая концентрация внимания и клиповое мышление. А также транслировать ценности в научно-популярных видеороликах, демонстрируя их в контексте проведения различных конференций и научных конкурсов. Обучающиеся сами могут создавать лендинговые страницы, как одну из форм отчёта, после изучения этики, философии, направленные на трансляцию ценностей.

Цифровизация, как один из этапов научно-технического прогресса, набирающего обороты в новом тысячелетии, не должна привести к утрате ценностных ориентиров, к которым, в том числе относятся образование и наука, а не псевдонаука. Формирование мотивационной сферы моло-

дежи посредством современных образовательных методик, в том числе создания видеороликов и МООКов, относится и к важнейшей задаче педагогов. Обучающийся должен четко понимать смысл своей деятельности, в этом случае желание что-то сделать, например, создать новую технологию, может быть настолько сильным, чтобы заставить функционировать все скрытые резервы личности. По мнению современных ученых бурное развитие науки, влияя на мировоззренческие установки, не могут вытеснить из области познания, основанного на принципах науки, ценностного и аксиологического аспектов.

Выводы: ценности общества формирует духовная культура, основанная на традициях. Ценности подвергаются трансформации, когда элементы будущего проникают в настоящее. Информация приобретает ценностное значение, в случае её верного применения. От того, способен ли человек извлекать из информации ценность, определять смысл своей деятельности, зависит уровень его информационной культуры, чем выше культура, тем выше цели, чем больше информация способствует их достижению, тем более ценной она является.

Информационная культура противоречива, она подвержена влиянию различных факторов. Благодаря широкому распространению информационных технологий и доступности информации наступает кажущаяся свобода и в то же время существует тотальный контроль, всё, что транслируется в социальных сетях и попадает в сеть Интернет, мысли и чувства человека, изложенные в блогах, аспекты мировоззрения может увидеть масса людей. Благодаря доступу к информации, открытому для всех, происходит развитие мышления, и в то же время развивается псевдонаучность. Быстрая смена технологий, увеличение скорости времени приводит к утрате традиционных ценностей и устоявшихся обычаев, потере исторической культурной памяти народа, уходу

культурных истоков в небытие, потере нравственных ориентиров.

Информационные технологии оказали влияние на трансформацию самого образа мышления, вызывая изменения научной картины мира. Поэтому в сегодняшних реалиях противоречивого мира важно сохранить богатство общечеловеческой культуры, сформировать систему ценностей не только в каждом человеке, но и в обществе в целом, развивать информационную культуру. Трансляция ценностных ориентиров может осуществляться с помощью новых медиа, на страницах социальных сетей, в наукоках и научных видеороликах, а также в МООКах и на лендинговых страницах, актуальным на сегодняшний день является введение дисциплины «медиафилософия», которая изучает теорию и философию медиа, а их анализ является одним из ключевых в информационную эпоху.

В XXI веке возросла социальная значимость знаний, понимание инновационных технологических процессов, сегодня умение разбираться в инновациях обеспечивает комфортную жизнь, а наличие знаний быстро и с меньшими трудозатратами добиться поставленных целей. Основным принципом является обучение через всю жизнь. Но акцент необходимо делать и на развитие творческого потенциала, личностного самосознания, изучение культуры. Необходима гуманизация и гуманитаризация образовательных процессов, поскольку процесс образования включает в себя не только обучение, но и воспитание — привитие духовных ценностей. Как отмечает В. В. Кутырев, «Образование как образ жизни, не может быть научным, жизнь не сводится к доказательствам и логике» [7, с. 170]. Оно должно быть духовным — философским и культурным. В эпоху цифровизации и роботизации человека от роботов будет отличать его эмоциональность и духовность, поэтому уже сейчас необходимо верное формирование человека будущего, как высоконравственной личности, носителя информационной культуры.

Список литературы

1. Алексеева, И. Ю. Информация и интеллект как ценностисовременной эпохи / И. Ю. Алексеева // Информационное общество. 2009. Вып. 1. С. 42—49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12837938>.
2. Аствацатуров, Г. О. Расскажи-ка мне, дружок, что такое научпок? / Г. О. Аствацатуров. — URL: <http://Didaktor.ru/rasskazhi-ka-mne-druzhok-chto-takoe-nauchpok-uchitelyu-na-zametku>.
3. Бжезинский, З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники = Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era / З. Бжезинский ; пер.сангл. И. М. Максимовой. М. : Прогресс, 1972. 308 с.
4. Захарова, Л. Н. Эстетика — инженеру / Л. Н. Захарова, Ф. А. Селиванов. Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. 76 с.

5. Кармазин, Т. Ценности и ключевые компетенции в эпоху digital-социума / Т. Кармазин // Business Excellence. 2019. № 9. С. 34—38. URL: https://status-quo-center.ru/wp-content/uploads/2019/09/BE_09_2019.pdf.
6. Квитко, А. Ю. Информационная культура личности / А. Ю. Квитко // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 2 (73). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-lichnosti>.
7. Кутырев, В. А. Культура и технология: борьба миров / В. А. Кутырев. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. 240 с.
8. Московкина, Ю. Ю. Новые медиа как средства массовой информации / Ю. Ю. Московкина // Молодой учёный. 2018. № 52 (238). С. 239—241. — URL: <https://moluch.ru/archive/238/55136>.
9. Негодаев, И. А. Информатизация культуры / И. А. Негодаев. Ростов н/Д.: ДГТУ, 2002. 427 с.
10. Нестерова, Л. В. О необходимости формирования информационной культуры специалиста в информационном обществе / Л. В. Нестерова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3—4 (3—4). С. 117—124. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23000953_59289834.pdf.
11. Поздняков, Э. А. Философия культуры / Э. А. Поздняков. М.: Интурреклама, 1999. 574 с.
12. Полиектов, В. Человек в экранной культуре / В. Полиектов. М.: Мир, 1998. 345 с.
13. Ткаченко, А. Информационная культура будущих инженеров / А. Ткаченко, Л. Нестерова // Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 153—158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-buduschih-nzhenerov/viewer>.
14. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер // LibFox. 2008. 301 с. URL: <https://www.libfox.ru/192435-elvin-toffler-revoljutsionnoe-bogatstvo.html>.
15. Фактор, А. М. Человеческие ценности в цифровую эпоху / А. М. Фактор, С. Г. Камолов, А. А. Никандрова // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2018. № 2 (21). С. 86—103. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35378178_94691903.pdf.

Сведения об авторах

Кальва Инна Сергеевна — аспирант кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия. inna.kalva@yandex.ru

Дягилева Татьяна Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия. lazutinatv@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 76—84.*

Features of the forming moral values of the young engineers in information age

I.S. Kal'va

Tyumen industrial university, Tyumen, Russia. Inna.kalva@yandex.ru

T.V. Diagileva

Tyumen industrial university, Tyumen, Russia. LazutinaTV@yandex.ru

The concept of research is to understand the value world as the basis of scientific knowledge in the information age. In the light of the axiological approach, media culture is considered to be a translator of value settings, due to the general availability of information. Information can act as one of the factors of social development and ensure the formation of social relationships, culture, communication, radically change the content of human activity.

The article focuses on the study of the genesis of the concept of “value” based on the usage of cultural and historical approaches, which contributes to the understanding of the specifics of the existence of a person (society) at the period of specific historical era.

Media communication and information have been analysed at the terms of dialectic. It is shown that traditional mass media influenced the trends of formation of the information society, despite the globalization of the information culture, have lost their monopoly on the formation of public opinion, in the information society of the XXI century. Platforms of social networks have created artificial information environment.

The paper attempts to identify historical factors that influenced the formation of value orientations in the information and digital age; to understand the reasons that influenced the transformation of values; to trace the stages

of development and formation of a new, information culture, to identify its specificity; to analyse the processes of creating a new type of world view in the information society under the influence of the information culture; to build a scientific picture of the value orientation system; to identify the characteristic features and characteristics inherent in generations “Z” and “Alpha,” to understand the processes of forming value orientations in the realities of today in the younger generation; to identify the role of values in the formation of a full personality; to identify prospects for further development of the information society.

The following characteristics of media culture are revealed: accessibility of information, openness, visualization, inclusiveness, blurring of boundaries between the virtual and real world, forming the world of value orientations of the modern generation, for which an important aspect of perception of the world and social phenomena is the information environment.

It has been proved that the purpose of modern education is to form a new type of personality as an information culture carrier, to create conditions for revealing the intellectual and creative potential of a person, to develop cognitive abilities, creativity, various manifestations of spirituality.

Keywords: *engineering, value approach, higher education, information age, philosophy of education, value, value orientations.*

References

1. Alekseeva I.Yu. Informaciya i intellekt kak cennosti sovremennoj epohi [Information and intellect as values of the modern age]. *Informacionnoe obshchestvo* [Information-oriented society], 2009, vol. 1, pp 42—49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12837938>. (In Russ.).
2. Astvacaturov G.O. *Rasskazhi-ka mne, družhok, chto takoe nauchpok?* [Tell me what a popular-science video is]. Available at: <http://Didaktor.ru/rasskazhi-ka-mne-družhok-chto-takoe-nauchpok-uchitelyu-na-zametku>. (In Russ.).
3. Bzhezinskij Z. *Mezhdru dvuh vekov. Rol' Ameriki v eru tekhnotroniki* [Between two Ages: America's Role in the Technetronic Era]. Moscow, Progress, 1972. 308 p. (In Russ.).
4. Zaharova L.N., Selivanov F.A. *Estetika — inzheneru* [Esthetics to an engineer]. Tyumen, TyumGNGU, 2010. 76 p. (In Russ.).
5. Karmazin T. Cennosti i klyuchevye kompetencii v epohu digital-sociuma, [Values and key competences at the age of digital society]. *Business Excellence*, 2019, no. 9, pp. 34—38. Available at: https://status-quoter.ru/wp-content/uploads/2019/09/BE_09_2019.pdf. (In Russ.).
6. Kvitko A.Yu. Informacionnaya kul'tura lichnosti [Personal information culture]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law], 2010, no. 2 (73). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-lichnosti>. (In Russ.).
7. Kutyrev V.A. *Kul'turaitekhnologiya: bor'bamirov* [Culture and technology: worlds' confrontation]. Moscow, Progress-Tradiciya, 2001. 240 p. (In Russ.).
8. Moskovkina Yu.Yu. Novye media kaksredstvamassovojinformacii [New media as mass media]. *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2018, no. 52 (238), pp. 239—241. Available at: <https://moluch.ru/archive/238/55136> (In Russ.).
9. Negodaev I.A. *Informatizaciya kul'tury* [Informatization of culture]. Rostov-na-Donu, DGTU, 2002. 427 p. (In Russ.).
10. Nesterova L.V. O neobhodimosti formirovaniya informacionnoj kul'tury specialista v informacionnom obshchestve [About the necessity of specialist's information culture at the information society]. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economical and socio-humanitarian research], 2014, no. 3—4, pp. 117—124. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23000953_59289834.pdf. (In Russ.).
11. Pozdnyakov E.A. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of culture]. Moscow, Intur reklama, 1999. 574 p. (In Russ.).
12. Poliektov V. *Chelovek v ekrannoj kul'ture* [A man in the media culture]. Moscow, 1998. 345 p. (In Russ.).
13. Tkachenko A., Nesterova L. Informacionnaya kul'tura budushchih inzhenerov [Information culture of future engineers]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2003, no. 1, pp. 153—158. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-buduschih-inzhenerov/viewer>. (In Russ.).

14. Toffler, E. Revolyucionnoe bogatstvo [Revolutionary wealth]. Available at: <https://www.libfox.ru/192435-2-elvin-toffler-revolyutsionnoe-bogatstvo.html#book>. (In Russ.).

15. Faktor A.M., Kamolov S.G., Nikandrova A.A. Chelovecheskiecennosti v cifrovuyepohu [Human values at the digital age]. Modelirovanie, optimizaciya i informacionnye tekhnologii [Simulation, optimization and information technologies], 2018, no. 32 (21), pp. 86—103. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35378178_94691903.pdf (In Russ.).

Субъектность педагога как ценностное основание его фигуративных свойств

Е. Б. Бабошина

Курганский государственный университет, Курган, Россия

Процессы глобализации во всех сферах социума по-новому ставят вопрос культурной преемственности, меняя образование как транслятор культуры, формируя в нем задачу преломления традиционных ментальных позиций к нормам времени. Важным свойством взаимодействия субъектов образования становится фигуративность (от гл. “fingere” («прикасаться, формировать, ваять»)) как возможность ценностной идентификации личности в меняющихся условиях; а ведущим свойством педагога запрашивается субъектность как готовность к метадеятельности в реализации ценностно-мировоззренческой функции образования, под-лежащее ценностно-смысловое влияние на личность.

Ключевые слова: *фигуративные свойства, субъектность педагога, ценностное основание, культурная норма.*

Кардинальные перемены в обществе привели к пересмотру основ существования. Ломка культурных устоев, проявившаяся с середины прошлого века, стала отдельной причиной и показателем фундаментальных изменений, усилившихся с информационно-технологической революцией и глобализацией. Культурные изменения стали критерием нового качества общества, где образование явилось центром тенденций, фактором и следствием перемен. С одной стороны, оно следует новому, с другой, — ему придается опережающая роль в социальной и культурной ответственности (академическая школа В. И. Загвязинского [7]). И все же неустойчивость ценностных позиций становления личности ставит под сомнение вопрос о качестве его социализирующей функции, речь идет и о ее снижении. Так, социолог А. Филиппов справедливо сокрушается по утрате идеала «простого героя», видя в этом и проблему образования [14].

Таким образом, очевидна актуализация аксиологии в философии образования как вопроса культуры о ценностях социализации в осмыслении исторического и вневременного содержания гуманизма. В понимании важности связи аксиологического измерения образования, социализации и культуры согласимся с А. Н. Кочергиным, что роль современной философии в ситуации разных «угроз» во всех сферах заключена в «поиске ценностей, выработке оснований культуры» для «выживания цивилизации»; а человек может стать «подлинной целью», при охвате философией «всей культуры» для «понимания всех ее пластов и форм» [10, с. 9].

Ведущим основанием цели и процесса социализации для нас остается гуманизм как человеко-

образующая идея и фундаментальная ценность, а качество его прочтения и в культуре, и в образовании определяют социальную эволюцию. Мы солидарны с позицией, что кризис гуманистических традиций влечет кризис духовности, маркируемый в философии позицией признания смерти человека как живого явления. Подмену человека актором освещает В. А. Кутырев, видя в социотехнизме «подлинный кризис гуманизма», переход человека в «фактор» [11, с. 11—12]. Согласимся с философом, что для изменения ситуации важна смена социальных установок, однако, подчеркнем, что это возвращает нас к вопросу о гуманизме как ценности и норме социальности.

На наш взгляд, современность гуманизма просматривается, в повороте к культуросообразным целям социализации, к чему важно привлекать внимание образования. Социализацию в гуманистическом прочтении мы связываем с ценностью самоограничения в полицентричном мире, с толерантностью в коэволюции, соединяющей идею индивидуальной свободы и признание Другости. Развитие данной ценностной установки личности предполагает обращение в культуре к сущности человека в ее многогранном и творческом проявлении, а также внимание к свободному, но ответственному бытию личности. Тогда методологическим принципом социализации выступает рациональный гуманизм с принципом ограничения собственных потребностей в целях экологии и ответственного бытия (труды Н. Н. Моисеева [12]). В условиях свободного выбора позиция требует учета сложности современной жизни, неоднозначности культурных норм, заставляющих пересматривать антропоцентрические установки

в деятельности, например, в пользу экологических решений, а не техницизма.

В таком качестве определяется задача подготовки педагога с соответствующими свойствами. С одной стороны, важны черты, конфигуративные новым позициям гуманизации общества (открытость, демократизм и прогрессивность взглядов, синкретизм профессионального и социального мышления, технологическая гибкость), с другой, — сохранение субъектности как ценностной опоры в социальном взаимодействии, мировоззренческой уверенности, знания культурных традиций, уважения и к опыту прошлого. Субъектность важна как готовность к интеграции таких возможностей, состояние «выхода» Я в понимании иного.

Данное свойство является деятельной установкой преодоления форм «лозунгового» гуманизма, показателем которого в образовании выступает, в частности, формальное признание ценности личности. сочетающееся с выбором авторитарных методов и «уходом» в «протокольный» режим деятельности в силу излишней формализации сферы. Неверному поведению способствует и непонимание сложности гуманизации, трудность осознания и принятия ее форм педагогом. В *форме процесса* мы видим не только видимую сторону, социальную обличенность явления (например, утверждение равноправия и доступности как культурных норм в образовании), но также ее *под-лежащее*, ценностную подоплеку с ее подлинным и действительным культурным смыслом, влияющим на качество.

Внимание именно к форме процесса как грани его цели и метода во многом определяет путь и возможность совершенствования социальных реалий. Так, личностно-ориентированный подход, трактуемый центрацией на интересах образующейся личности как идея индивидуализации в массовом образовании, не осуществляемая в нем все же в полной мере, в итоге именно в массовой практике способствует появлению личности эгоцентричной, сосредоточенной на своих узких интересах, а не творческой и альтруистичной. Результат такой формы гуманизации мы видим также в мировоззренческой неготовности педагога и влияющих лиц.

Как транслятор ценностей культуры, современный педагог сам нуждается в мировоззрении, развивающемся в целенаправленных, многомерных ценностных усилиях в благоприятной для культурной рефлексии среде. Показателем успешности становления профессионально-личностного мировоззрения являются его готовность к осознанному участию в сложном социально-куль-

турном контексте, а не растворенность. Такой педагог характеризуется высоким уровнем *духовности*, или состоянием мировоззрения, включающим установку к переосмыслению, склонного не к критиканству и стереотипности суждений, а к поиску и утверждению ценного смысла явления.

Становление сознания педагога необходимо с начальной подготовки, а в условиях ценностной нестабильности общества также важно развитие культурной рефлексии у сегодняшних педагогов. Показателем развитости последней, по данным нашего исследования, выступает готовность к культурному участию; где субъектность является свойством ценностной регуляции педагогического выбора.

Внимание к свойствам педагога как феномену социальной культуры проявлено рядом исследований. Так, авторы одного из международных исследований профессиональной идентичности учителя, А. С. Берберян, Т. В. Богданова, С. В. Сильченкова, Е. Б. Ермолаева, Н. Т. Варданян (моделей, компонентов, показателей идентичности в ее средних значениях, на примере выборок изучения учителей Латвии, России, Белоруссии), пришли к выводу, что важной профессиональной задачей для педагогов выступает развитие «образованности в обществе в целом», а также наличие понимания у сегодняшних и будущих работников образования социальной миссии своей деятельности; нам импонирует позиция ученых о важности формирования в педагогах «знания принадлежности к определенному социально-профессиональному сообществу» [4, с. 306, 307].

В нашем исследовании субъектность педагога обеспечивается развитием рефлексивных свойств в культуре через готовность к диалогу с собой и другими как «непрекращаемому разговору», по А. М. Пятигорскому [13]. Такой педагог становится фокусом менталитета, интегратором исторических и современных ценностей, что делает его фигуру важным предметом изучения в социальной философии, культуре.

Наше исследование становления личности педагога и активное содействие этому происходит на базе ведущего образовательного учреждения Курганской области — государственного университета, которому в 2021 году исполняется 70 лет. В первую очередь, это юбилей педагогического образования в Зауралье, так как 70 лет назад образован Курганский государственный педагогический институт, ставший полноценной образовательной площадкой для университета вместе с Курганским государственным машиностроительным институтом, объединенных в 1995 году в классический университет.

Наше исследование осуществляется на протяжении всего периода существования университета, его лонгитюдность позволила сделать ряд научных обобщений, прийти к ряду выводов. Результаты отражены в трудах разных лет, например, в монографиях: «Становление человека культуры как смысл современного образования» [1], «Ценностный подход к становлению человека культуры в педагогическом образовании» [2]. В них описывается концепция становления студента как педагога и личности в культуре: модель становления; цели, принципы, этапы процесса. Важным результатом по теме статьи отметим понимание необходимости гуманитаризации как условия ценностного насыщения образования гуманным содержанием.

Гуманитаризация есть условие культурной рефлексии, «одухотворения» процесса, его «метанаправленности». Благодаря ней реализуется принцип «отраженной субъектности», то есть персонализирующий характер взаимодействия, когда идентичность одной личности становится важна для другой. На этом уровне осознаются структуры смыслов знания, усваиваемые в культурных позициях. Естественной формой взаимодействия выступает диалог. Итогом становятся личностные смыслы познания и знания. Будущий педагог обретает опыт культурного участия в социализации, умение трансляции культурных норм, усваивает роль фасилитатора. Принятые культурные смыслы встраиваются в смысложизненные ориентиры.

В становления педагога мы изучаем и менталеобразующие позиции личности. В анкету-тест включены утверждения к выбору (авторский вариант понимания черт мировосприятия). Целью изучения явились гуманистические позиции личности, склонность к технократическому мышлению (всего восемь утверждений с двумя выборами). Исследование проводилось многократно и в разные годы. Кратко приведем данные разных лет, выражающих типичную картину, к которой добавлены результаты анализа студентов и других вузов Зауралья и Урала. Так, общий анализ опросов студентов естественнонаучных и математических направлений подготовки, готовящихся и по педагогическим специальностям КГУ (1999—2008 гг.), а также биологического профиля, математики и информационных технологий ЧГПУ (Челябинский государственный педагогический университет) (2003—2004 гг.), Шадринского педагогического института (теперь — университета) (2001—2003 гг.), педагогического факультета КГУ (2003—2011 гг.) показали у большинства студентов явное преобладание гуманистических позиций в их деятельности (не менее 55 % выборов

в каждом из случаев. Всего в опросах приняло участие свыше 800 человек).

В качестве показательного и типичного варианта приведем рейтинг гуманистических предпочтений студентов ЧГПУ специальности «Математика-Информатика», первого курса. Здесь 77,8 % респондентов отдали предпочтение позиции «духовность личности — залог ее позитивного развития, в том числе интеллектуального», а не «интеллектуальные качества личности — основа ее культуры» (менее 30 %); 74,1 % предпочли позицию «человек в мире», а не «мир и человек»; 66,7 % — «человек — субъект познания», а не «объект изучения». Установку в работе, учебе «на творческую самореализацию» предпочли 63 % опрошенных в сравнении с «ориентацией только на результат». Утверждение «Добро как истина» выбрали 61,6 % вместо позиции «истина как добро». Так далее. Близкими данным значениям оказались результаты опроса студентов-математиков третьего курса, а также естественнонаучного направления. Близкие результаты получены и в опросе студентов математических, естественнонаучных направлений КГУ.

Ответы убеждают в осознанных гуманистических установках. Приятно отметить, что у студентов разных курсов преобладают именно такие позиции. При этом не обнаружилось принципиальных гендерных различий. Для нас такой результат именно у студентов и негуманитарных специальностей является доказательством важности ориентира на гуманитарные позиции в образовании и их усиление в культуре. Подтверждением мнению явилось изучение нами у студентов КГУ также их ценностных ориентиров в беседах и в понимании их социальных взглядов. Большинство определяют смыслы жизни не только в контексте вопросов экономических, материальных, но мечтают о профессиональной самореализации и творческом развитии. Характерна этическая выраженность жизненных устремлений.

В изучении менталитетных установок личности гуманитарных специальностей на всем протяжении исследования (2000—2020 гг.) также наблюдается явное преобладание гуманистических выборов. В последнем опросе (ноябрь, 2020 г.: профиль магистратуры: «Менеджмент в образовании» (заочная форма обучения); профиль бакалавриата: «Социальная педагогика» (заочная форма обучения), «Психология и педагогика дополнительного образования» (очная форма обучения) у всех студентов обнаружилось доминирование гуманистических установок: не менее 70 % в каждом случае и до 90 % и выше. Общий рейтинг показал 82 % гуманистических выборов и 18 % технократических.

Остановившись на последнем варианте респондентов, заметим, что среди них есть многие педагоги, в том числе с педагогическим опытом. Следовательно, выборы можно рассматривать отражением образовательной ситуации. Остановимся на результатах теста, определяющего тип педагогической центрации (тест разработан педагогом-методологом В. И. Андреевым). В тесте анализируются шесть вариантов педагогической центрации (ценностной направленности педагогической деятельности): конформная (К), ориентированная на заказчика (Р), авторитарная (А), эгоцентрическая (Я), гуманистическая (Г), методическая (М). В результате мы получили следующий рейтинг: 1) Я — 44 (45,76%); 2) М — 33 (34,32 %); 3) А — 28 (19,12%); 4) К — 21 (21,84 %); 5) Г — 18 (18,72 %); 6) Р — 14 (14,56 %).

Очевидно, что гуманистическая центрация оказалась значимым образом подвинута другими. А именно: у студентов и педагогов доминируют эгоцентризм или сосредоточенность на собственных позициях, интересах и пристрастиях в деятельности; методическая центрация отражает необходимость студентов и педагогов следовать инструкциям и методическим наработкам, но все же это и показатель «бумажной» загруженности педагога и следования регламентации. Подтверждением данной интерпретации является факт, что авторитарная центрация занимает третье место, в то время как гуманистическая оказалась почти на последнем месте, а замыкает ее формальная центрация на «заказчике».

Общим пониманием анализа явилось умозаключение, что и многие будущие педагоги, а в особой мере действующие, свыклись с тенденцией к осуществлению услуг, необходимостью заполнения большого числа отчетных и других документов, с общей формализацией процесса, что в итоге снизило их гуманистические предпочтения во взаимодействии с обучающимся, о чем говорят и педагоги. В сочетании же менталитетных выборов вырисовывается ситуация весьма значимого противоречия между личностными позициями и подходом к профессиональной деятельности. При важности иных центраций невысокий уровень гуманистических выборов свидетельствует о сложности характера проявления педагога как субъекта и трудности гуманизации взаимодействия.

Значимым для анализа выбором большинства опрошенных является ответ на вопрос, с чем связано «снижение качества обучения в последнее время». Более половины респондентов сконцентрировали ответ на методической центрации, выделив «недостатки программ и методик», а также «усложнение содержания образования».

Показателен для нас и выбор ответа на вопрос: «Если бы педагогов готовили в вузах с учетом их индивидуальных склонностей, я бы выбрал специальность». Около 30 % предпочли конформную центрацию, связанную с терапевтической помощью педагогу, а четверть респондентов — должность педагога-инспектора, в то время как быть наставниками в педагогическом мастерстве предпочли гораздо меньше (12,74 %). Такая разница между ориентацией на методическую центрацию в деятельности и не выбор данной позиции в профессии наводит на размышления, в особенной мере в сочетании с желанием контролировать деятельность других. В связи же с желанием трети оказывать психотерапевтическую помощь педагогу становится ясно, что современный учитель испытывает психические сложности в деятельности и нуждается в помощи. При этом подспудным желанием выйти из постоянного стресса для него может являться как раз позиция стать самому контролером других. По крайней мере, такая логика интерпретации для нас очевидна.

В приведенном изучении будущих и работающих педагогов проявилась трудность гармонии личностной позиции педагога и профессиональной, что отражает сложности в становлении и проявлении его субъектности. В понимании идентичности исходим из позиции, что это «осознание себя как постоянного и различного относительно других, “образ себя (индивида или группы)” при всем многообразии социальных отношений и к миру, дающее «чувство адекватности и владение собственным Я» [16, с. 217].

Идентификация и развитие субъектности педагога важны во взаимодействии с личностью обучающегося, где реализуется его функция, связанная с культурной миссией. Именно поэтому снижение в выборах предпочтений к такому взаимодействию, хотя и по разным, на первый взгляд, весомым причинам, является не гуманной тенденцией. К слову отметим, что и в высшей школе авторы упомянутого исследования выделили «неожиданную связь» между «осознанием ценности и уникальности профессии» для общества и «стремлением педагога высшей школы больше ориентироваться на общение с коллегами, чем со студентами»; при этом выявилась проблема уже высшей школы, как «неопределенность иерархии профессиональных ролей преподавателя», его дезориентация в вопросе, что «он должен делать в первую очередь: участвовать в грантах, уделять внимание студенту, сосредоточиться на научных исследованиях», так далее [4, с. 312].

Таким образом, в обобщении особенностей результатов нашего и других исследований проявля-

ется картина путаницы профессиональных ролей и замешательство деятелей образования по этому поводу. Отдельно еще раз подчеркнем, что в этом смешении внимание к обучающемуся в обоих случаях отодвигается на задний план. В тот же время, как следует из нашего опроса тех же респондентов разных лет и сегодняшних, большинство отмечают общекультурное влияние среды университета. Для сохранения качества влияния необходимо насыщение образовательной среды условиями для творчества и активной деятельности студента, чему в том числе посвящены наши публикации.

В последнем опросе респондентов, приводимом в статье, мы также изучили их мнения о позитивном образе педагога и преподавателя высшей школы. В опросе были предложен список из 20 качеств, среди которых следовало выбрать не более семи предпочтений либо дописать вариант. Получился рейтинг: увлеченность; эрудированность — 73,48 %; профессионализм; культура общения и поведения — 56,16 %; доброжелательность, справедливость — 49,92 %; требовательность, трудолюбие — 43,68 %; самосовершенствование, уважительность — 37,44 %; открытость, творческая — 31,2 %; демократичность; прогрессивность взглядов, отзывчивость — 24,96 %; терпимость к инакомыслию, независимость суждений; принципиальность, культура умственного труда — 18,72 %; лояльность — 12,48 %; скромность, самокритичность — 6,24 %.

В актуальности темы статьи выделим лидирующие позиции не только профессиональных предметных компетенций, но и этических и культурных свойств педагога. В рейтинг «попали» качества, выражающие активную субъектную позицию. Так, наряду с отзывчивостью, четверти опрошенных важна «прогрессивность взглядов», а социальная культура оказалась на втором месте. К тому же опрашиваемые предпочли «открытость и творческую (одинаково значимые) скромности и даже лояльности. С вероятностью, можно увидеть в этом интерес к умениям персонализации себя в социуме, к созданию условий для реализации себя и других. Отрадно, что все отметили положительное влияние университета на профессиональную и социальную культуру.

Данные вновь убедили нас в необходимости гуманитарной культуры в работнике образования как основы его гуманистической деятельности. К сожалению, оказалось, что не все изменения в образовании способствуют реализации его культурной миссии, в развитии которой важны усилия по концептуализации становления личности в контексте культурных норм и ценностей как позиций нормального общества. Развитие культурной

нормы в образовании мы связываем с действием ее ценности во вневременном и одновременно актуальном значениях, позволяющем избежать ее утраты либо дискредитации, а также ложных форм воплощения (например, лозунговой). Для этого педагога важно ориентировать на ценностное мировосприятие, уберегая его от тенденции к формализации. Только в этом случае субъектные свойства педагога будут способствовать воплощению гуманизма и приводить к его утверждению и в обществе как новом устойчивом «социальном факте» (термин Э. Дюркгейма [6]).

В концепции становления педагога важно внимание образования к развитию культурных норм и личности в культуре, а взаимодействие философии образования и теории культуры должно служить примером против начетничества и формализма во всех социальных институтах. В такой позиции образование выступает значимой частью культуры, а культура остается социальным ориентиром и постулируемой ценностью.

Не стоит забывать, что во взаимодействии данных сфер главным и неустранимым смыслом их связи выступает человек в его становлении и всей сложности феномена. Несмотря на принципиальную, по замечанию Б. Г. Юдина, неопределимость понятия даже в «узких трактовках» проявляется и «нормативность» [16]. Педагогу важно стать личностью с учетом этой зыбкой, но нормы, в субъектности которого как метасвойстве проявится возможность единения разных нормативностей в их гуманном или жизнеутверждающем ключе. Тогда главным методом его межсубъектного взаимодействия становится ориентир на «ядерную» реакцию или на слышание и видение друг друга и мира в их ценностных устремлениях и основах. И в этом утверждении мы с удовольствием опираемся на мнение В. П. Зинченко, для которого в образовании необходима «идентификация с учащимися», а «ориентация на живое, личностное знание не имеет разумной альтернативы» [9, с. 20]. Однако с другой стороны, согласимся с О. В. Шимельпфенигом, что в достижении гармонии человека с миром, возможном в духовном развитии личности, необходимо отказаться от модели, когда ребенка учат «навязывать свое знание другим», что лишает его в итоге «отзывчивого отношения» и «возможности даже прикоснуться» к «сущности», а «выразить духовность» можно «особенно в манерах, которые мы проявляем по отношению к другому» [15, с. 34].

Конечно, вопрос о педагоге как фигуре времени не исчерпывается изложенным в статье подходом, но предложенное здесь видение к его становлению

и роли представляется вряд ли оспоримым и ставит важный «акцент» на признании его не исполнителем услуг, но значимой фигурой в развитии ценностных основ социальности.

Список литературы

1. Бабошина, Е. Б. Ценностный подход к становлению человека культуры в педагогическом образовании: монография / Е. Б. Бабошина. — Курган : Изд-во КГУ, 2014. 216 с.
2. Бабошина, Е. Б. «Человек культуры» как смысл современного образования : монография / Е. Б. Бабошина. — Курган : КГУ, 2006. — 219 с.
3. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории / Л. В. Баева : монография. — Астрахань, 2004. — 275 с.
4. Берберян, А. С. Международное исследование профессиональной идентичности педагога / А. С. Берберян, Т. В. Богданова, С. В. Сильченкова, Е. Б. Ермолаева, Н. Т. Варданын // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — Т. 19. — 2019. — № 3. — С. 306—319.
5. Buitrago-Bonilla, R. E. Emociones e identidad profesional docente : relaciones e incidencia / R. E. Buitrago-Bonilla, R. N. Cárdenas-Soler // Praxis & Saber. 2017. No. 8 (17). P. 225—247. URL: revistas.uptc.edu.co...praxis_saber/article...7208. (aip.2020.09).
6. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 23—39.
7. Загвязинский, В. И. Наступит ли эпоха Возрождения?.. Стратегия инновационного развития российского образования / В. И. Загвязинский. — М. : Логос, 2014. 140 с.
8. Засыпкин, В. П. Учителство как социально-профессиональная общность / В. П. Засыпкин, Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 114—123.
9. Зинченко, В. П. Рассудок и разум в контексте развивающего образования / В. П. Зинченко // Человек. 2000. № 5. С. 20—36.
10. Кочергин, А. Н. Философия в условиях глобализации / А. Н. Кочергин // Идеи и идеалы. — 2016. №3 (29). Т. 1. С. 9—23.
11. Кутырев, В. А. Человек XXI века: уходящая натура / В. А. Кутырев // Человек. 2001. № 1. С. 9—17.
12. Моисеев, Н. Н. Расставание с простотой / Н. Н. Моисеев. М. : Аграф, 1998. 480 с.
13. Пятигорский, А. М. Непрерываемый разговор / А. М. Пятигорский. — СПб. : Азбука-классика, 2004. 432 с.
14. Филиппов, А. Ф. Ценность университетского образования / А. Ф. Филиппов. URL: <http://russ.gurole> (дата обращения 20.05.2020).
15. Шимельпфениг, О. В. Гармония духовного и материального: аспекты взаимодействия / О. В. Шимельпфениг // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Вып. 9. № 3А. С. 29—34.
16. Эриксон, Э. Детство и общество : пер. с англ. / Э. Эриксон; СПб., 1996. 592 с.
17. Юдин Б. Г. Концепция человеческого потенциала / Б. Г. Юдин. URL : <http://www.zpu-journal.ru/gum/prospects/articles/2007/Yudin/3/> (дата обращения: 20.10.2020).

Сведения об авторе

Бабошина Елена Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент, магистр философии, доцент кафедры педагогики и методики преподавания гуманитарных дисциплин Курганского государственного университета, Курган, Россия. ebaboshina@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 85—91.*

Subjectivity of the teacher as the value basis of his figurative properties

E.B. Baboshina

Kurgan State University, Kurgan, Russia. ebaboshina@rambler.ru

Globalization and changes in all spheres of society raise the question of cultural continuity in a new way. Education as a translator of culture changes in these conditions, it forms the task of correlation of traditional mental positions and norms of time. In the interaction of subjects of education, figurativeness becomes important (“fingere” (“touch, form, sculpt”; “formability” from “to form») as a possibility of value identification of a person in changing conditions. Consequently, the leading property of the teacher becomes subjectivity as a readiness for meta-activity in the implementation of the value-worldview function of education, as an underlying value-semantic influence on the individual.

Keywords: *figurative properties, subjectivity of the teacher, value basis, cultural norm.*

References

1. Baboshina E.B. *Tsenostniy podhod k stanovleniya cheloveka kul'tury v pedagogicheskom obrazovanii* [Axiological Approach to the Formation of a Human Culture in Pedagogical Education]. Kurgan, Kurgan State University, 2014. (In Russ.).
2. Baboshina E.B. “*Chelovek kul'turi*” kak smisl sovremennogo obrazovaniya [“Man of culture” as the meaning of modern education]. Kurgan: Kurgan State University, 2006. 219 p. (In Russ.).
3. Bajeva L.V. *Tsenosti izmen'ajush'egos'a mira: Akzist'enzhial'naja aksiologija istorii* [Values of the changing world: Existential axiology of history]. Astrakhan', 2004. 275 p. (In Russ.).
4. B'er'b'er'an A.S., Bogdanova T.V., Sil'ch'enkova S.V., Y'ermolayeva E. B., Vardan'an N. T. Mezhdunarodnoje issl'edovanije professional'noj identichnosti pedagoga [International study of professional identity of a teacher]. *Actual'nije probl'emi gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 306—319. (In Russ.).
5. Buitrago-Bonilla R.E., Cárdenas-Soler R.N. Emociones e identidad profesional docente: relaciones e incidencia. *Praxis & Saber*, 2017, no. 8 (17), pp. 225—247. URL: revistas.uptc.edu.co>...praxis_saber/article...7208.aip.2020.09.
6. Durkheim E. Tsenostnje i real'nje suzhdenija [Value and the real judgment]. *Soziologičeskije issledovaniya*, 1991, no. 2, pp. 23—39. (In Russ.).
7. Zagvyazinskij V. I. *Nastupit li epoha Vozroždenija?.. Strategija innovatcionnogo razvitija Rossijskogo obrazovaniya* [Will the Renaissance Come?.. Strategy of innovative development of Russian education]. Moscow, Logos Publ., 2014. 140 p. (In Russ.).
8. Zasiptin V.P., Zborovskiy G.E., Shuklina E.A. Uchit'el'stvo kak sotzial'no-professional'naya obsh'nost' [Teaching as a social and professional community], 2015, no. 2, pp. 114—123. (In Russ.).
9. Zinchenko V. P. Rassudok i razum v kontekste razvivajusthego obrazovaniya [Reason and reason in the context of developing education]. *Chelovek*, 2000, no. 5, pp. 20—36. (In Russ.).
10. Kochergin A.N. Filosofija v uslovijah globalizacii [Philosophy in the conditions of globalization]. *Ideji i idealy* [Ideas and ideals], 2016, no. 3 (29), iss. 1, pp. 9—23. (In Russ.).
11. Kutjrev V. A. Chelovek XXI veka: uhodyaschaya natura [Man of the XXI Century: Leaving Nature]. *Chelovek* [Man], 2001, no. 1, pp. 9—17. (In Russ.).
12. Moiseev N.N. *Rasstavanije s prostotoj* [Parting with simplicity]. Moscow, Agraf Publ., 1998. 480 p. (In Russ.).
13. Pyatigorskij A.M. Nepr'ekrash'ajemyj razgovor [Incessant conversation]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 432 p. (In Russ.).
14. Fillipov A.F. Tzenost' universitetskogo obrazovaniya [The Value of University Education]. Available at: <http://russ.ru/pole/Cennost-universitetskogo-obrazovaniya>, accessed 20.05.2020. (In Russ.).
15. Shimel'pfenig O.V. Garmonija dukhovnogo i material'nogo: aspekty vzaimodeistviya [Harmony of spiritual and material: aspects of interaction]. Kontekst i refleksiya: filosofija o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy of the world and man], 2020, no. 9, iss. 3A, pp. 29—34. (In Russ.).
16. Erikson E. Detstvo i obshchestvo [Childhood and society]. St. Petersburg, 1996. 592 p. (In Russ.).
17. Yudin B.G. Kontseptsija chelovecheskogo potentsiala [The Concept of Human Potential]. Available at <http://www.zpu-journal.ru/gum/prospects/articles/2007/Yudin/3>, accessed 13.01.21. (In Russ.).

УДК 130.2
ББК 87.524.5

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10213

Монтажное мышление и его особенности в концепциях советских киноноваторов: философская интерпретация

С. В. Панова

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

В статье предложена философская интерпретация ранних исследований феномена киномонтажа в трудах советских киноноваторов, рассматриваемого как всеобщий принцип смыслообразования и как интеллектуальное средство для построения мыслительных форм (понятий) в кино. Вовлеченный в духовную практику монтаж советской киношколы, оценивался новаторами как феномен, соответствующий законам познающего мышления и рассматривался в структурном сопряжении с окружающей реальностью, пытаясь вернуть целостное восприятие мира человеку, включая его «внутреннее мироустройство».

Ключевые слова: *монтаж, мышление, Эйзенштейн, Пудовкин, диалектика.*

Философский аспект монтажного мышления в кино, обращаясь к процессам дробления, отбора и обобщения связан с поиском внутренних и глубинных связей между явлениями реальной жизни и в сознательном отражении их на экране. Комплекс вопросов, сопряженных с потенциалом монтажного мышления в кинопроизведении, не может обойтись без философского анализа ранних исследований, с которых началось осмысление феномена монтажа в кино. Сверх того сегодня киноискусство XXI века моделируя сложные симультанные формы, демонстрирует в монтажной композиции отрыв от нарративной системы, где автор выступает инженером многоуровневых и нелинейных конструкций мира, в котором зритель может и потерять «смысловые ключи», и даже привлеченный к поиску автор-проводник не всегда сможет открыть ему скрытый смысл явлений. Поэтому обращение к некоторым аспектам ос нов философии киномонтажа, обозначенных в теоретических трудах советских мастеров, в частности С. М. Эйзенштейна и В. И. Пудовкина, представляется необходимым, так как в концептуальном аппарате новаторов понятие «монтаж» соотносится с методом авторского смыслообразования, поиском смысловых связей и установление их в общей картине мира.

Проблемы монтажного мышления в кинематографии в том или ином контексте исследовались многими мыслителями. В философско-эстетическом плане важными являются работы О. Аронсона, А. Базена, Б. Балаша, В. Библера, В. Беньямина, А. Бергсона, Е. Вейцмана, Ж. Делёза, В. Иванова, З. Кракауэра, И. Кукулина, М. Мерло-Понти, Х. Мюнстерберга, В. Подороги, А. Соколова — Дворникова, Ж. Эпштейна, М. Ямпольского и др. Следует повторить, что теоретическое

обоснование монтажа и его общефилософская трактовка как метода мышления принадлежит советским новаторам, теоретикам и практикам кино. Одним из первых в мире Лев Кулешов, теоретически аргументировал значение монтажного мышления в кинематографе и обозначил «инженерный подход» к созданию фильма, разработав концепцию «научного монтажа», в которой монтаж является инструментом «миростроения», создающий «творимое пространство» и «творимого человека» с новым бытием. Всеволод Пудовкин и Сергей Эйзенштейн, рассматривали в своих трудах монтаж как способ человеческого видения мира и перестройки реальности, как «метод реконструкции сознания» реципиента. Дзига Вертов доказал, что в документальном кино с помощью экспрессивного монтажа можно свободно преобразовывать действительность, проделывать эксперименты по сжатию, растяжению, возврату времени, тем самым обмануть смерть и воскресить умертвленное. Таким образом, монтаж для советских новаторов стал методом в теоретических и практических исследованиях, предметом творческих и научных экспериментов и дискуссий.

Но, чтобы глубоко исследовать функции монтажа, для художника важно максимальное погружение в свое произведение, которое должно вбирать в себя следы исторического прошлого и базироваться на настоящем, соответствовать своему времени и месту. Личный импульс автора должен совпасть с лозунгом времени. В данном плане эйзенштейновский кинематограф чувственно экранизировал идеологию эпохи, материализовав идею в образе. Молодые мастера считали, что рождение искусства и человеческое восприятие его диктуется условиями политики, и грамотно выстроенные фильмы смогут за счет

поднятия классового сознания совершить революцию во всем мире. В творчестве Эйзенштейна, Вертова, Пудовкина соединились эпоха и их собственная личность, отобразив в принадлежащих им произведениях диалектику движения времени, философское осмысление действительности, «киноправду» с ее устремлением познать микроструктуру вещей и отношений.

Теоретик, режиссер, инженер — химик по образованию, автор фильма «Механика головного мозга» Всеволод Пудовкин подчеркивал, что монтаж есть найденный киноискусством *метод* выявления и раскрытия глубоких связей, существующих в действительности. В кинопроизведении важен не набор монтажных приемов, а разъяснение и показ реальных связей между явлениями жизни. В начале 1920-х годов режиссер считал, что кинематограф обязан поставить перед собой цель передать процесс человеческого мышления с помощью монтажных средств. В 1949 году мастер пишет глубокую теоретическую работу о киномонтаже, в которой он констатирует, что монтажная трактовка сцены является результатом ее «определенного осмысливания»: «Монтаж неотделим от мысли, мысли анализирующей, мысли критической, мысли синтезирующей, объединяющей и обобщающей» [4, с. 171]. Ссылаясь на эти и другие режиссерские теоретические размышления, известный советский философ Евгений Вейцман в своих трудах, посвященных философии кино делает вывод: «*Монтаж, по Пудовкину, — прежде всего свойство мышления*» [1, с. 189].

В. Пудовкин полагает, что человеческая речь и идентичный ей процесс человеческое мышление являются прямым воспроизведением явлений реальной действительности в их взаимной связи и определяет триаду: речь — мышление — монтаж. В статье о киномонтаже он вскрывает самое существенное, что есть в природе монтажа: «Если мы определяем монтаж в самом общем виде как раскрытие внутренних связей, существующих в реальной действительности, мы тем самым как бы ставим знак равенства между ним и вообще всяким процессом мышления в любой области» [4, с. 171]. Пудовкин акцентирует, что самое общее определение монтажа применимо к любой области работы человеческого познания, творческого моделирования и оформления его итоговых результатов. Эйзенштейн в качестве примера монтажного построения в области поэзии брал стихи Пушкина и Маяковского, в области живописи картины Леонардо и подчеркивал, что нет противоречия между методом, которым поэт и живописец создают образ в звуковых или зрительных сочетаниях и методом монтажного из-

ложения режиссерской мысли для построения кинопроизведения в целом. Везде присутствует всё тот же метод монтажа. Какими бы «полярными кругами» каждая из этих областей не развивалась, они, по утверждению Эйзенштейна не могут не встретиться «в конечном родстве и единстве метода». Таким образом, природа монтажа присуща всем искусствам, и в кинематографе она достигла более совершенные формы. Пудовкин в статье добавляет, «что примеры можно брать и дальше, за пределами искусства, хотя бы из области чисто научных исследований» [4, с. 171—172]. Эти размышления мастеров дает возможность оценить монтаж как феномен, соответствующий законам познающего мышления.

Эйзенштейн — создатель языка кино, режиссер и практик, но и одновременно мыслитель исследовал монтаж с нескольких точек зрения: как метод режиссерский, метод социалистического реализма и философский подход к построению «модели действительности». Эйзенштейн говорил о том, что режиссер должен уметь организовать с эффектом максимального нарастания смыслов сложные монтажные цепочки в визуальной истории. Монтаж инициализируется с момента, когда автор разрушает заданное бытие, раскраивает живую ткань действительности, чтобы вновь собрать воедино и дать жизнь новой истории, новому явлению, новому событию, следуя своей идеологической позиции, своему мировоззрению. На этом этапе и начинается, в отличие от созерцательного отображения, сознательное отражение картины мира.

Всеволод Пудовкин, размышляя о законах построения кинопроизведения, отмечал, что наиболее совершенной формой мышления, выработанной человечеством до настоящего времени, является диалектическое мышление, которое позволяет открывать противоречия действительности, связи в природе, обществе и самой личности. Оно является наиболее полным отражением логики всех известных процессов, происходящих в объективной действительности. Именно кинематограф, по мнению Пудовкина, предоставляет возможность наблюдать на экране глубокую, убедительную картину жизни, изображая ее как «диалектический процесс величайшей сложности». Зритель, просматривая фильм, восстанавливает в своем сознании мыслительный процесс гения, охватывая единым взглядом общее, и учитывая взаимную связь частного с частным и частного с общим, отмечает изменение и отзывается на него, возвращаясь в прошлое, чтобы его верифицировать, и уходит в будущее, чтобы утвердить причинно-следственную связь окончательно. То есть

любое явление может быть полноценно осознано, когда моменты его прошлого, настоящего и будущего рассматриваются в их сопряжении друг с другом. Пудовкин убежден, что такое полное изображение действительности и такое всестороннее раскрытие закономерных связей осуществляется в кинематографе при помощи приемов монтажа. Таким образом, когда говорят, что монтаж — это «путь мысли», оформленный в кинопроизведении, принимают во внимание мышление диалектическое.

Эйзенштейн, разрабатывая теорию кино, специально изучал философские труды Канта, Гегеля, Маркса и Энгельса, «философские тетради» Ленина. Исходя из их трудов, Эйзенштейн считал, что искусство всегда «конфликт», лежащий в основе динамического единства и обозначал кинематограф как искусство сопоставления, где каждый монтажный фрагмент являет частное изображение общей темы. Уделяя внимание природе сопоставляемых кусков в кинематографе, режиссер отмечает факт, что результат сопоставления двух автономных друг от друга элементов качественно (измерением, степенью) похож не на сумму, а на их произведение, рождая «нечто третье», которое в восприятии сознанием и чувствами зрителя дает наиболее исчерпывающе полный образ темы. Режиссера привлекала возможность создавать новое качество целого из сопоставления отдельного, преодолеть несовместимость различных кадров, вовлекая зрителя в визуальное поле становления образа. Форма в искусстве режиссером понимается как «закон строения», включая в себя диалектическое и динамическое становление «вещи». В дневнике 21 сентября 1941 года Эйзенштейн делает запись: «...В искусстве, прежде всего, «отражается» диалектический ход природы. Точнее, чем более vital (жизненно) искусство, тем ближе оно к тому, чтобы искусственно воссоздать в себе это основное положение в природе: диалектический порядок и ход вещей» [7, с. 22]. В искусстве диалектический порядок заключается в методе, в принципе.

Надо отметить, что из монтажных теорий начала 20 века самой цельной оказалась теория Эйзенштейна. Для советского мастера метод монтажа стал не только формой связи и организацией материала кинофильма, но и способом познания действительности, авторского мышления, индивидуальной стратегии личности. Эйзенштейн неоднократно подчеркивал, что он — инженер, по этой причине генерирование новых форм из самой действительности у него всегда в плане воздействия. Показывать для него, это не только говорить о реальном документе истории, и ее рассказывать,

но и вводить в шок зрителя. Молодой режиссер в начале 1920-х годов был увлечен синтезом теории экспрессивности мейерхольдовской биомеханики и эмпириомонизмом Александра Богданова. Энергетическая модель эмпириомонизма, его «жизненность» идентична эйзенштейновской теории выразительности как борьбы волевого импульса и сопротивления и разрешению конфликта в гармонии. Преобразование действительности с помощью монтажа для Эйзенштейна — это изменение самого сознания, организации новой реальности с помощью экспрессивного воздействия и аттракционности. С. Эйзенштейн в статье «На всякого мудреца довольно простоты», исследуя «монтаж аттракционов» в театральной постановке, отмечает его агрессивный момент, подвергающий зрителя психологическому воздействию, тонко рассчитанному на определенные эмоциональные потрясения [10, с. 443]. «Монтаж аттракционов» позже режиссер вводит в пространство кино, его суть — управлять не только эмоцией, но и мыслью, где от сопоставления двух или нескольких монтажных кусков рождается мысль. Аттракционным в монтаже кино является сознательная комбинация, подбор событий, свободных от узкосюжетных задач и провоцирующих возникновение цепи ассоциаций волею монтировщика для установления новых условных рефлексов, сопрягающихся с данными явлениями в воздействующем построении. «Аттракцион» мастер исследует как самостоятельный элемент конструкции фильма — составную единицу экранного образа, где частичность компонентов требует достройки воображением, активизирующей работу чувств и ума зрителя. Шок «монтажа аттракционов» складывается из парадоксального подбора и сопоставления единиц воздействия в одно целое, создавая образ и сгущая эмоцию зрителя в заданную сторону, провоцируя зрительский экстаз, или даже чувство отвращения. После работы С. Эйзенштейна над фильмом «Александр Невский» остались в архивных материалах наброски боя, где русские воины, изломав мечи в бою, сражаются «мертвыми телами» погибших друзей, или эскиз удара топором, который «рубит шлем до зубов и завязает». Все эти фрагменты берутся крупным планом, организуя идею насилия, пластическое единство мизансцены фокусируется на «смертельном ударе». «Кинематограф русского авангарда грозит стать наглядным пособием по павловской рефлексологии, метафора должна убивать», — фиксирует в книге «Второй экран» Валерий Подорога [3, с. 443]. Монтажная идея фильма «Стачки» в финале, соединив «постановочные куски» расстрела рабочих с документальными фрагментами техно-

логии «забоя», заключалась в усиление эмоционального накала, «леденящего своим ужасом». В пространстве кино столкнулись разные «миры» игрового и хроникального действия: протаскивание языка у мертвого быка сквозь прорезанное горло и уходящие ноги пехоты, сдирание кожи с головы животного и тысячи убитых людей у горы.

Эйзенштейн неоднократно подчеркивал, что действительно в его фильмах есть неуважение к традициям и авторитетам, но эта непочтительность оказалось важной в самоопределении пути советского кино, призванного стать орудием в столкновении с враждебной идеологией. Монтаж «аттракционов», эта «система мышления», основанная на «дерзкой и разительной ломке традиций» помогла Михаилу Ромму в работе над фильмом «Обыкновенный фашизм» [4, с. 324]. В своих теоретических трудах Ромм пишет, что он собирал куски материала так, как Эйзенштейн собирал расстрел на лестнице в Одессе, максимально контрастно сталкивая эпизоды, подразумевая новое осмысление каждого из них, бросая тем самым зрителя из стороны в стороны. Ромм подчеркивает в своей книге, когда Эйзенштейн «говорил о «монтаже аттракционов», то выводил этот прием из первобытного искусства, из классической трагедии, из опыта Толстого, из всего опыта мирового искусства» [4, с. 325].

Из практической работы над фильмом «Октябрь», по словам Эйзенштейна, вырастает «учение об интеллектуальном кинематографе», предполагая движение от образа к «игре понятий». Эйзенштейн заинтересован философским кинематографом, абстрагированием действительности и редуцированием ее хода в абстрактной графике движения монтажа, меняющей мышление зрителя. Его «монтаж аттракционов» явился предпосылкой интеллектуального монтажа, из возможности использовать эмоциональное воздействие ритмически акцентированных конфликтных кусков в комбинации для передачи идеи, понятия. Смысл понятия «самодержавие» в фильме «Октябрь» появлялся из монтажных иронических комбинаций между предметами из Зимнего дворца: скульптурами Родена, статуэткой Наполеона, посудой, хрусталем, богатыми интерьерами, аксельбантами, яйцами Фаберже, механическим павлином. Короткий монтаж наделил предметы динамикой и создал движение мысли и «продукт» этого движения. По сути, это соответствует тому, что в формальной логике называют «остенсивным определением» (определение путем показа). Здесь благодаря монтажу показан ряд предметов, позволяющих понять, (построить в сознании мыслительную форму), что есть самодержавие. В этом

же фильме, размышляя над монтажной комбинацией «Боги», где работает цепь элементов, соединяющих деревянного идола с изображением божества барокко, Эйзенштейн логически выводит абстрактную тезу, раскрывающую социальную суть религии. Позже в мемуарах он делает запись о возможности непосредственной экранизации абстрактных понятий, раскрывая суть своего учения об «интеллектуальном кинематографе»: «Это учение об эмоциональном и интеллектуальном «обертоне» и схема «от тезы к образу — от образа к понятию»...» [8, с. 166] Таким образом, акт интеллектуального моделирования, переплыва идеи в строй пластических изображений, эмоционально захватывающих образов, с помощью определенных монтажных комбинаций дает возможность передать на экране процесс формирования мысли, научных истин и дает пищу для дискуссий, выработки методики на многие годы.

Осенью 1927 года Эйзенштейн, монтируя «Октябрь», параллельно задумывает экранизировать «Капитал» Карла Маркса, применяя приемы Джеймса Джойса, в романе которого он фиксирует возможности нового искусства. Это дало возможность ему ассоциативно развернуть различные компоненты, где монтажные фрагменты, своеобразно замыкаясь во внутреннем единстве, дифференцированы по отношению к действию как целому и в своем сопоставлении способны создавать новые смысловые связи. Размышляя над проектом фильма «Капитал», Эйзенштейн работал над новой эстетикой монтажа, его новой формой — *интеллектуальным монтажом*, суть которого — создание абстрактных понятий через сопоставления конкретных образов. В экранизации «Капитала» смысл в форме абстрактных «отвлеченных понятий» должен был опознаваться в сознании зрителя из системы ассоциативных связей монтажных сопоставлений. Цель Эйзенштейна — сопоставив коллективное и индивидуальное, ординарное и эксклюзивное, потустороннее и мирское, старое и новое, кинематографическим измерением обозначить сутки из жизни человека как бесконечное странствие. Отстранив повествовательное изложение событий, он взглянул на них как на разворот единой логической цепи, переключившись с конкретизации материального мира к абстракциям и обобщениям. Средствами интеллектуального монтажа в «Капитале» Эйзенштейн хотел выразить диалектику мысли, сложность самого мира без упрощения противоречий, присущих человеческому бытию.

Французский философ Жиль Делез в двухтомном труде «Кино» в области монтажа выделил четыре национальные школы в мировом

киноискусстве: американскую с ее органической направленностью, французскую с количественной тенденцией, немецкую с ее интенсивным экспрессионизмом и диалектическую концепцию советской школы. Для советских мастеров диалектическая концепция монтажа определяла сразу и практику, и теорию монтажа. Пудовкин в кино, по мнению Делеза, интересовался развитием пробуждающегося сознания, «качественными скачками». У Довженко диалектика иная, он рассматривает триаду «часть-множество-целое». Творчество Эйзенштейна обозначено «третьим законом диалектики, который, как полагают, содержит в себе другие: *Единое*, становящееся двумя и порождающее новое единство, сочетает органическое целое и патетический интервал» [2, с. 55]. Таким образом, советские кинематографисты обозначили в своей практической деятельности три концепции диалектического монтажа.

Суть эйзенштейновской революции Делез видит в том, что Эйзенштейн диалектику наделяет чисто кинематографическим смыслом, создав из «организма» диалектическую систему взглядов. Эйзенштейн обозначает конструирование фильма как особый вид познания, в котором соединены сознательно направленное творчество и «формирующий контроль» над ним. Произведение должно слагаться изнутри, словно ветви дерева, разрастающиеся в ширину листвой и побегам, из основы правильного ощущения идеи, контролирующей эмоции зрителей. Экспериментальный киноязык мастера не просто передает мысль, являясь инструментом сообщения, он является особым соединением, диалектической композицией, разрывающим плену в сознании зрителя.

В статье «Диккенс, Гриффит и мы», воздавая Гриффиту должное, Эйзенштейн отмечает: советская концепция монтажа вырастает из иного «образа» понимания явлений, иного метода мышления, отсюда и новый метод осмысления действительности. Картина единства, заложенная в «микрокосмосе советского монтажа» по мнению Эйзенштейна, представлена во внутреннем напоре противоречий, где монтаж по принципу противопоставления формирует в итоге новую сборку нового единства, в совершенно новом его осознании. Эйзенштейн в статье упрекает Гриффита, что в типичном для Гриффита монтажном методе — методе монтажного ведения параллельных сцен, врезанных друг в друга — не зафиксированы каноны генезиса и роста. В анализе «генезиса формы» Эйзенштейн разбирает «Божественную комедию» Данте в мистических гравюрах Гюстава Доре, где «Святое воинство в форме небесной розы» представлено «расходящимися кругами

блаженства», (где слой за слоем) и выходишь за пределы одного кольца к другому. Целое как подвижное следствие являет собой предпосылку собственной причины, круга, спирали. Поэтому целое в советском монтаже осуществляет некая «диалектическая спираль», констатирующая монизм, который Эйзенштейн противопоставляет гриффитовской классической дуалистической монтажной эстетике. Гриффит целое обеспечивает с чисто внешней стороны — как единство сборки, а не как «единицу производства, ячейку, производящую собственные части делением и дифференциацией» [2, с. 49]. Надо сказать, что и сам Гриффит разные истории в фильме не называл монтажом, а обозначал принцип «монтажа кусков» — *switch — bask*, что означает переключение. Переключение эпохи, фабулы Гриффит вносит в строение сценария, «переключая» эпохи перманентно, каждые три — пять минут. Он писал: «Эти разные истории сперва потекут, подобно четырем потокам, на которые смотришь с вершины горы. Вначале эти четыре потока побегут отдельно, спокойно и плавно. Но чем дальше они будут бежать, тем больше будут сближаться, тем быстрее будет их течение, и наконец, в последнем акте они сольются в единый поток взволнованной эмоции» [5, с. 114]. Преодоление норм времени и пространства Гриффит продемонстрировал в «Нетерпимости» с помощью параллельного монтажа, где «соотносимые между собой измерения» идут от древнего Вавилона до конторки бизнесмена. «Драмой сравнений» назвал Гриффит свой фильм, а не единым сплавом с обобщающим образом: зритель на экране увидел в «Нетерпимости» всего лишь сочетание четырех разных фильмов. По мнению Эйзенштейна, Гриффит не способен на «подлинно осмысленное абстрагирование явлений», а для советских мастеров важно было обобщенное осмысление событий из многообразия исторических свидетельств, так как общая идея искусства отражает не только диалектический ход природы, но и истории. Поэтому для молодых советских режиссеров монтаж стал способом достижения синтеза высшего порядка, принципиальным средством достигать через монтажные комбинации воплощения идейного замысла, пропитанного политикой.

Позже в работе «Неравнодушная природа» Эйзенштейн рассматривает диалектическую генерацию новых монтажных моделей не только как конфликтное столкновение между оппозициями, но и как столкновение двух независимых форм рождающих метаморфозу. Художник, погружаясь в работу, втягивается в процесс трансдукции, перемещения и переноса формы, преобразуя себя

в цвет, линию, выражая при этом не собственное страдание, а состояние вещи, вышедшей из себя и ставшей воплощением состояния самого художника. «Пламенное саморастворение» Ван Гога, «пылающий субъективизм, как на дыбе» Гойи демонстрируют нам полное единство в взаимном проникновении природы и человека [10, с. 472]. А пейзаж «Гроза над Толедо» Эль Греко без человека в пространстве картины все же содержит в себе живое человеческое присутствие, являя собой портрет автора. Рассуждая о картине Пикассо «Бык», Эйзенштейн объясняет, что для вечного диалектического движения важно и взаимное поглощение друг друга, через смерть слияние в единстве человека и зверя для гибели обособленного. В этих аналитических разборах различных композиций Эйзенштейн фиксирует фазы творческого процесса, диалектическое переплетение сознательных и бессознательных моментов, одержимость темой и выход за пределы предметности, приобщение к реальному процессу хода вещей, волевое рациональное направление автора и создание образа, раскрывающего сущность явления.

Примечательно еще одно важное обстоятельство: философско-эстетическое воззрение Эйзенштейна строилось на том, то, что ни один элемент подлинно реалистической формы и живого образа произведения «вне человека» ни родиться, ни расцвести не может, ибо неиссякаемым источником опыта является сам человек. Полного охвата всего внутреннего мира человека, многообразия неразрывного хода движения и смены его чувств и мыслей можно добиться только в искусстве кино, которое способно сверстать с помощью монтажа в обобщенный облик человека и то, что он наблюдает, и то, что составляет его окружение, и то, что он аккумулирует вокруг себя. Так как только кино за основу берет не фрагмент человека и не отрезок его жизни в ее взаимосвязи с действительностью, а более широкий диапазон отражения действительности и «владыки этой действительности — человека». При этом человек, его сознание и деятельность — не только канва отображения в содержании фильма, но и отражение человека в закономерностях формы как закона строения вещи, обобщенного образа произведения. Роль монтажа здесь в сочетании композиционного обобщения по изображению с самим изображением и обобщения устанавливаемого отношения к данному явлению на основе своего и человеческого опыта. По сути, монтаж, организуя композицию, моделирует ее по линии неразрывных человеческих эмоций и поэтому монтажная композиция всегда «человечна».

Особый интерес представляет стержневая идея Эйзенштейна: воплощение эмоционального замысла (включающего в себя строй ментальности творца, его одержимость темой, его личный опыт) в кинопроизведении и его отслеживание средствами монтажных форм, направленных на расширение авторского опыта за границы экранной области до виртуального погружения, обеспечивающего полный эффект зрительского присутствия. Разработки проблем взаимодействия сознания и монтажа Эйзенштейна базируются на убеждении в необходимости установления контроля над зрителем, так как в действиях зрителя и автора первенствуют сходные бессознательные механизмы. Они и позволяют получить доступ к эмпирии зрителя, индивидуальным переживаниям, личному опыту. В данном плане диалектический монтаж аттракционных сопоставлений, нажимая на определенные рефлекторные механизмы и провоцируя зрительский экстаз, способен смоделировать чувства и мысли зрителя и ввести в его сознание определенное понятие. Авторское «я», таким образом, расширяется с помощью монтажных средств, проникая в пространство воображения своего зрителя.

Обобщая опыт советских киноноваторов, можно полагать, что они искали подлинно новой сути экрана. Мыслить монтажно для них в киноискусстве — это рассмотреть деталь, фрагмент как «сколок бытия», как часть «его собственной истории», отметив взаимосвязь с прошлым и будущим, заключить в единый взгляд общее, и выстроить свою мысль «игрою» разнообразных средств и возможностей, создав форму, в основе которой синтетическое отражение действительности и человека в ней. Теоретические разработки новаторов были ориентированы на междисциплинарный синтез, интегрирующий элементы широкого спектра научных идей, в контексте которых исследовались проблемы взаимодействия человеческого сознания и монтажного мышления в кино. Широко взглянув на природу монтажа как феномена, наиболее соответствующего законам познающего мышления, Эйзенштейн и Пудовкин доказали, что монтажный путь мысли является интеллектуальным процессом, так как подчиняется диалектической логике, направленной на создание экранного образа, объемного зрелища. Где целое в монтаже моделируется по законам диалектики, как большая спираль, причем для выявления сущности объекта не обязательно запечатлеть его в объеме, достаточно точно выбрать и показать из возможных деталей ту выразительную деталь, которая манифестирует себя наиболее эксплицитно и через которую особенно

полно «прозвучит» обобщение и «достроиться» целое.

Важно отметить, что советская монтажная школа, философски осмысляя реальную действительность, от узкого понимания монтажа как средства производить эффекты подошла к перспективам передачи на экране процесса формирования мысли. Они продемонстрировали новое понимание возможностей монтажа в качестве уникального средства конструирования абстрактных понятий, осуществления логических процедур — абстрагирования, обобщения, синтеза посредством работы с образным, визуальным рядом. Говорить о монтажном мышлении для Эйзенштейна, Пудовкина означает создавать диалектику образного и мысленного, в которой они обуславливают друг друга и генерируют более высокий смысл, придавая составляющим фрагментам, (благодаря монтажу как сознательно применяемому методу) форму и единство. В своих аналитических размышлениях о монтажных возможностях в кино, новаторы открыли конкретное и ценное: монтаж не должен быть сведен к нарративности, его функции — поднять повествование до «повышенного, обобщенного порядка».

Теоретики предложили и оставили нам метод, в основе которого глубокое понимание самого принципа монтажного мышления, понимание реальных, жизненных и диалектических связей, а не формально-логических, возникающих между элементами. Можно полагать, что выстраивая свою философскую культуру на этих размышлениях, автор, детерминируя монтажное решение, основываясь на взаимосвязи бесчисленных количествах нитей с природой и обществом, предметами и людьми, не позволит человеку потеряться в мире вопросов, возникающих на новых этапах трансформации общества, развития науки и техники. Монтажные частные приемы со временем могут видоизменяться, выходить из употребления, но сам метод монтажа, базирующейся на диалектических законах, остается непреходящим. К тому же, размышления новаторов о монтаже как о методе смыслообразования в контексте опыта искусства и открытий науки продолжают вдохновлять на философское осмысление и исследования закономерностей строения кино, обобщать результаты монтажных экспериментов и проникать в сущность общей картины бытия.

Список литературы

1. Вейцман, Е. Очерки философии кино / Е. Вейцман. М. : Искусство, 1978. 232 с.
2. Делёз, Ж. Кино. Кино 1. Образ — движение. Кино 2. Образ — время. / Ж. Делёз. М., 2016. 560 с.
3. Подорога, В. А. Второй экран. Сергей Эйзенштейн и кинематограф насилия. Т. 1. Зеркальная подпорка. Материалы к психобиографии / В. Подорога. М. : BREUS, 2017. 352 с.
4. Пудовкин, В. И. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 / В. И. Пудовкин. М., 1974. 439 с.
5. Ромм, М. Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. Теория критика Публицистика. М. : Искусство, 1980.
6. Трауберг, Л. З. Дэвид Уорк Гриффит / Л. З. Трауберг. М., 1981. 208 с.
7. Фрейлих, С. И. Золотое сечение экрана / С. И. Фрейлих. М. : Искусство, 1976. 359 с.
8. Эйзенштейн, С. М. Мемуары / С. М. Эйзенштейн. Т. 1. М., 2019. 496 с.
9. Эйзенштейн, С. М. Неравнодушная природа. / С. М. Эйзенштейн. Т. 1. М., 2004. 686 с.
10. Эйзенштейн, С. М. Неравнодушная природа / С. М. Эйзенштейн. Т. 2. М., 2006. 622 с.

Сведения об авторе

Панова Стелла Викторовна — доцент кафедры режиссуры кино и телевидения Челябинского государственного института культуры, Челябинск, Россия. stella.panova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 92—99.

Editing thinking and its features in the concepts of soviet film innovators: philosophical interpretation

S.V. Panova

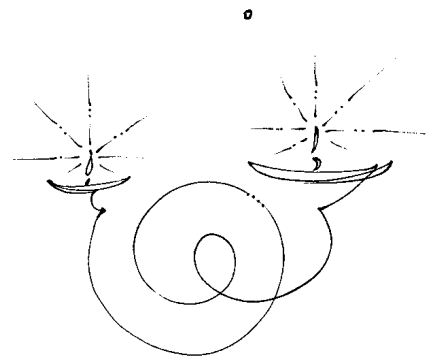
Chelyabinsk state institute of culture, Chelyabinsk, Russia. stella.panova@yandex.ru

The article offers a philosophical interpretation of early studies of the phenomenon of film editing in the works of Soviet innovators. The screen of the 20s successfully tried to express philosophical concepts with the help of editing experiments, demonstrating the possibility of bringing art and scientific knowledge closer together. Studying the works of S. M. Eisenstein, we can find that the possibilities of transmitting conceptual generalizations were laid down at the first steps of the new art, the material of which was the era of revolutions, the construction of a new society, the movement of the masses. Involved in spiritual practice, the Soviet school of editing was interpreted in theoretical and practical works in the Director's interaction in a dialogue with the world, in a structural connection with the surrounding reality, trying to return a holistic perception of the world to a person, including his "inner world order". The Directors sought to replace the "torn consciousness" of an abstract individual with a concrete integral personality corresponding to a new stage of history. Eisenstein, analyzing the nature of the montage image, its connection with thinking, studied it in conjunction with objective reality, its functional role in this system. Therefore, we have to turn again to the theoretical positions of Sergei Eisenstein and Vsevolod Pudovkin, with their desire to reveal philosophical views on life and art behind their techniques.

Keywords: *editing, thinking, Eisenstein, Pudovkin, dialectics.*

References

1. Vejzman E. *Ocherki filosofii kino* [Essays on the philosophy of cinema]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 232 p. (In Russ.).
2. Delyoz Zh. *Kino. Kino 1. Obraz — dvizhenie. Kino 2. Obraz — vremya* [Kino. Cinema 1. Image-movement. Cinema 2. Image-time]. Moscow, 2016. 560 p. (In Russ.).
3. Podoroga V.A. *Vtoroj ekran. Sergej Ejzenshtejn i kinematograf nasiliya. T. 1 Zerkal'naya podporka. Materialy k psihobiografii* [The second screen. Sergei Eisenstein and the Cinema of violence. Vol. 1 Mirror backup. Materials for psychobiography]. Moscow, BREUS Publ., 2017. 352 p. (In Russ.).
4. Pudovkin V.I. *Sobraniye sochinij* [Collected Works]. Moscow, 1974. 439 p. (In Russ.).
5. Romm M. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. T. 1. Teoriya kritika Publicistika* [Selected works: in 3 vols. Vol. 1. Theory of Criticism Journalism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. (In Russ.).
6. Trauberg L.Z. *Devid Uork Griffit* [David Wark Griffith]. Moscow, 1981. 208 p. (In Russ.).
7. Frejlih S.I. *Zolotoe sechenie ekrana* [The golden section of the screen]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 359 p. (In Russ.).
8. Ejzenshtejn S.M. *Memuary. T. 1* [Memoirs. Vol. 1]. Moscow, 2019. 496 p. (In Russ.).
9. Ejzenshtejn S.M. *Neravnodushnaya priroda. T. 1* [Not indifferent nature. Vol. 1]. Moscow, 2004. 686 p. (In Russ.).
10. Ejzenshtejn S.M. *Neravnodushnaya priroda. T. 2* [Not indifferent nature. Vol. 2.]. Moscow, 2006. 622 p. (In Russ.).

*Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 100—108.*

УДК 001.8
ББК 87.25

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10214

Диалог о возможности существования универсального научного метода

Р. А. Ярцев

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

Рассматривается проблема существования универсального научного метода, нормирующего проведение исследований в любой предметной области и выступающего в качестве критерия демаркации научного познания и соответствующего знания. С помощью убедительных контр-аргументов автор пытается разрушить наиболее стойкие предубеждения против самой возможности существования данного метода и вновь привлечь к проблеме внимание специалистов.

Ключевые слова: наука, универсальный метод, экспликация, нормирование, демаркация.

Лейтмотивом наших философских публикаций последнего десятилетия является проблема экспликации и обоснования универсального научного метода как последовательности из четырех этапов: 1) постановка вопроса; 2) выдвижение гипотез; 3) проверка гипотез и синтез ответа; 4) скептическая рефлексия над ответом. Несмотря на то, что по данной проблеме опубликовано более двух десятков статей и монография, защищена диссертация, критический анализ высказанных идей еще не появился. Однако последнее ничуть не мешает появлению целого ряда оппонентов метода, отрицающих его как достоверный научный результат.

Такая предубежденность не удивляет, если принять во внимание следующие обстоятельства: 1) предыдущие попытки обосновать подобный метод не увенчались успехом; 2) большинство современных философов науки утверждает культурно-историческую изменчивость научных норм; 3) отсутствие универсального метода, инвариантного к предметной области исследования, представляется ясным каждому, кто начинает размышлять о проблеме: ведь никто из практикующих ученых не в состоянии указать на такой метод, а исследуемые дисциплины порой настолько от-

личаются своей методологией, что непонятно, как можно искать здесь универсальность.

Столь неблагоприятное положение дел заставляет почувствовать себя средневековым коперниканцем, аргументы которого отклонялись ссылками на авторитет Аристотеля и примитивным эмпиризмом наблюдений за дневным Солнцем. Но история подсказывает также выход из ситуации, если вспомнить, сколько внимания в «Диалоге о двух системах мира» Галилей уделял обоснованию коперниканской системы на наглядных примерах, доступных даже обыкновенному здравому смыслу. Отсюда родилась идея написания диалога, имеющего целью разрушение наиболее стойких предубеждений против самой возможности существования универсального научного метода.

Настоящая статья намеренно не обсуждает этапы данного метода, фокусируя внимание на опровержении лишь тех аргументов, с помощью которых обычно доказывается его невозможность. Диалоговая форма статьи подсказана трудом Галилея и пытается воспроизвести реальность, в которой до сих пор протекали основные дискуссии по проблеме. Позицию автора в диалоге выражает Знайка (З), доказывающий существование метода. Его оппонентом является Многознайка

(М) — ученый иного типа [17, с. 17], систематизатор знаний, критически относящийся к любым непроверенным новациям. Третий участник диалога — Незнайка (Н) — выпускник философского факультета, который готовится в аспирантуру и ищет тему для исследования. Содержание диалога вымышлено, однако развернувшаяся полемика и ее итог отражают реальный опыт обсуждения авторской экспликации метода.

Н: Мы намеревались обсудить проблему существования метода, применимого в любой предметной области науки, который можно было бы назвать универсальным научным методом.

З: Уточню, что этот метод не просто применим он обязателен к применению в каждом научном исследовании для любой предметной области, то есть нормирует проведение научных исследований.

М: Уточните также, что следует понимать под научным исследованием и зачем его нормировать: не должны ли ученые быть полностью свободны в использовании любых методов, приносящих когнитивный успех?

З: Под научным исследованием традиционно понимается совокупность всех целенаправленных действий по получению когнитивного результата в виде конкретного научного знания, выполняемых индивидуальным или коллективным субъектом науки...

Н: Это, как пишут в научных журналах, «принимаемые статьи должны содержать результаты завершенных научных исследований»?

З: Верно. Подчеркну также, что и универсальный метод как когнитивная норма науки применим во всей полноте лишь к законченному исследованию, которое проходит все необходимые этапы. Он также допускает применение других методов, доказавших свою научную достоверность, регламентируя лишь наиболее общие действия, которые охватывают порядок установления конкретной истины, задаваемый каждым таким методом. Но совершенно свободным ученый здесь быть не может, поскольку связан необходимостью обосновывать научную истину.

М: Применим ли этот метод к исследованиям по гуманитарным наукам и, конкретно, философии?

Н: Интересный вопрос! Мне приходилось читать о том, что философия не является наукой, хотя сами авторы почему-то не отказывались от своих научных степеней по философии.

З: Это закономерный вопрос, на который я отвечаю утвердительно. Ведь если универсальный метод является специфической нормой научного

исследования, представляющего собой единицу всей исследовательской деятельности, то он служит критерием демаркации научного познания, а, значит, и получаемого при этом знания. Применение такого критерия в философии будет означать ее разделение на научную и ненаучную. Думаю, что научная философия по своему содержанию будет во многом близка так называемой «аналитической философии», хотя точный ответ даст лишь специальное исследование.

М: Звучит привлекательно, однако нельзя забывать, что история философии свидетельствует о тщетности попыток обнаружить подобный метод. Какие бы великие умы ни утверждали об открытии научного метода, последующий анализ всегда обнаруживал расхождение этих новаций с методологическими нормами в среде ученых. Так, и метод Поппера [7, с. 120], и методология научно-исследовательских программ Лакатоса [3] как нормы науки были опровергнуты полвека назад, нужно лишь поднять эти материалы.

Н: Скорее всего, именно дискуссии тех лет повлияли на негативную позицию многих современных авторов в отношении метода науки. Например, в одной статье [4] существование такого метода отрицается без доказательств, как если бы они были неоспоримы и широко известны. А в одном из учебников говорится о том, что отечественная философия науки рассматривает научное познание как исторически изменчивую когнитивную деятельность [2, с. 106].

М: Это было надежно установлено благодаря работам Куна, Фейерабенда, других известных авторов. Следовательно, отсутствие в науке универсального метода можно считать доказанным. Я не вижу здесь больше никаких перспектив, кроме повторения прежних ошибок.

З: Эта позиция современной философии науки не дает полной картины. Так, в зарубежной философии выделяется направление, занятое поиском кросс-парадигмальных критериев научности [5, с. 115]. Если все когнитивные нормы науки исторически изменчивы, то оно, очевидно, ищет впустую.

М: Существование этого направления еще ни о чем не говорит. Ведь, судя по научной и учебной литературе, оно не пользуется авторитетом в мире, перспективы же его не внушают оптимизма. Я, правда, не отрицаю здесь возможности интересных побочных результатов: алхимия, например, тщетно искала золото, но открыла и кое-что ценное.

Н: Но мы обсуждаем универсальный научный метод. Относительно него в данном направлении были предложены новые идеи?

М: Насколько я знаю, нет. Критерий увеличивающегося правдоподобия научных теорий (У. Ньютон-Смит), например, вообще не является процедурой.

З: Важно, однако, что данное направление существует и всерьез занято установлением внеисторических критериев, применимых в различных исследовательских парадигмах. Ведь ясно, что среди таких критериев можно обнаружить и общенаучный метод.

М: Далеко не факт: может быть, здесь ищут очередной «философский камень»...

З: Конечно. Но скептическая позиция сообщества, на которую Вы ссылаетесь, не является однозначной: есть альтернативные точки зрения, не поддерживающие историческую изменчивость научных норм, что открывает некоторые перспективы установить в будущем универсальный научный метод.

Н: Иначе говоря, позиция сообщества в целом не препятствует такой возможности.

З: И здесь даже можно увидеть прогресс. Ряд отечественных философов, например, признает независимость от влияния различных эпох и культур таких критериев научности, как системность, непротиворечивость, доказательность научного знания ([9, с. 233], [10, с. 5], [14, с. 49]), каждый из которых может иметь отношение к универсальному методу. Даже в трудах критиков метода можно найти указания на необходимость строить гипотезы «в пределах рациональной научной системы» [6, с. 223], отыскание в науке «более фундаментальных интеллектуальных норм» [6, с. 303], существование в ней процедур самокритики и «нормальных» процедур дисциплинарного развития [11, с. 171; 258]. А Фейерабенд, называя научную аргументацию «заклинаниями рационалистского требника» [12, с. 271], фактически признает наличие в науке когнитивных норм и подчинение им большинства ученых.

М: Кстати, о критиках метода: ведь это авторитетнейшие специалисты, выдвинувшие против него простые, наглядные, убедительные даже для здравого смысла аргументы, благодаря которым и нет смысла возвращаться к уже закрытой проблеме, теряя на этом время и силы.

Н: Но Вы допускаете возможность опровержения этих аргументов в новых исследованиях?

М: Лишь формально, потому что они настолько сильны, что доступны не только специалистам, но и всем здравомыслящим людям: не представляю, чем можно опровергнуть то, что очевидно каждому.

З: Я и хочу обсудить эти новые опровергающие аргументы, не менее доступные здравому смыслу.

Надеюсь, что в результате обсуждения проблема научного метода будет признана Вами заслуживающей дальнейшего изучения.

М: Хорошо, но вероятность такого исхода нашей дискуссии очень мала, что даже выводится по индукции: ведь все прежние попытки доказать существование научного метода заканчивались ничем, почему же следует ждать иного от очередной подобной попытки?

Н: Но индуктивные обоснования не являются достоверными [1, с. 228], на чем как раз и основывается доктрина фальсификационизма...

М: Однако фальсификационизм более не является перспективным направлением философии науки.

З: В нашем случае важным является не фальсификационизм, а положение о том, что индуктивный аргумент не дает решающего обоснования, поскольку всегда имеется возможность опровержений. При этом «индуктивный» скептицизм в отношении метода можно попытаться уравновесить подобным же рода оптимизмом, почерпнутым из исторических примеров. Так, коперниканцы в средние века покушались не только на авторитет церкви и таких ученых, как Птолемей и Аристотель, но также на здравый смысл современников, своими глазами наблюдавших оборот Солнца вокруг Земли. И все же они смогли найти убедительные возражения, развившиеся до опровержений, в результате чего здравый смысл одобряет сегодня уже гелиоцентрическую точку зрения.

М: Это избитый пример революционных изменений в науке, являющийся большим исключением в смысле ломки обыденного мировоззрения. Вероятность такого научного успеха, конечно, существует, но необычайно мала. Каков же, однако, другой пример?

З: Он относится к геометрии. Разве Риман, Гаусс или Лобачевский удовлетворились авторитетом Евклида и мнением здравого смысла о том, что через точку на плоскости нельзя провести более одной параллельной прямой? Разве им не удалось, в конечном итоге, построить альтернативную геометрию? Тогда почему в отношении универсального метода науки нельзя действовать подобным же образом, опираясь на ненулевую статистику?

Н: Предлагаю признать, что никакая статистика, демонстрирующая расхождение взглядов, не является доказательством в их поддержку или опровержение, и перейти, наконец, к обсуждению конкретной аргументации.

З: Согласен, но считаю, что инициатива здесь должна принадлежать моему оппоненту. Пусть он предъявит все аргументы критиков метода один

за другим, чтобы я мог оспаривать их новыми результатами, а затем мы сообща обсуждали, доказывается ли в каждом случае возможность существования метода.

М: Принимается. Начнем с того, что никто из ученых не знает, в чем заключается подобный метод [13, с. 25], который не могут сформулировать даже философы науки. Как же тогда он применяется в научной практике?

З: Неявно, как всякое профессиональное мастерство, распространяемое через обучение личным примером. Аналогично и поэтов можно спросить о применяемом ими методе: большинство, уверен, затруднится с ответом или даже скажет, что такого метода нет. Однако неявным образом он известен каждому поэту, когда тот разбивает сочиняемый текст на фрагменты, добываясь их ритмического звучания. Данный метод настолько «очевиден», что его обычно не замечают, хотя он является общепринятой в поэзии нормой. Важно также, что обучение ему происходит не путем изучения предписаний, а на примерах популярных стихотворений. И если филологи научились определять методологическую норму поэзии, то почему к подобному результату не могли бы прийти философы науки?

М: Данная аналогия, однако, неуместна применительно к научному методу, поскольку требование ритма или рифмы — это не метод, а, словами Полани, максима поэтического искусства, недостаточная для передачи самого искусства как метода личного творчества каждого поэта.

Н: Максима это или метод, но я замечаю, что эта норма имеет интересубъективное значение, поскольку принимается сразу всеми поэтами.

З: Верно! Также и любой научный метод, в противоположность взглядам Полани [6, с. 318], понимается учеными как совокупность предписаний, которой каждый придерживается в своей исследовательской практике. Иными словами, всякий метод можно понимать как «сложную максиму», применению которой на практике ничто не препятствует и которая, повторюсь, может быть известна человеку неявно, без рефлексии над своими методологическими убеждениями. Выявление же подобных убеждений и их формулировка в качестве предписаний — задача философов и методологов науки, которых при этом можно сравнить с филологами, описывающими все «ямбы» и «хореи» теории стихосложения.

Н: Но есть ли польза для ученых от решения этой задачи? Признаться, я не вижу особой пользы для поэтов от теории стихосложения: ведь можно о ней ничего не знать, но писать отличные стихи.

М: Вот именно. «Ритмическая» норма поэзии не помогает сочинять хорошие стихи, поэтому не является поэтическим методом. Аналогично и от научного метода должно рождаться ценное новое знание, иначе ученый просто следует некоторой максиме. Следовательно, данный метод нельзя обнаружить среди кросс-парадигмальных критериев научности.

З: Когнитивная полезность не поможет демаркации «сложных», «методологических» максимум от «простых» и «бесполезных». Ведь адекватная исследовательская максима любой сложности, недостаточна, но полезна для конечного результата, который достигается благодаря конкретным действиям ученого по реализации ее предписаний. Обратимся опять к нашей аналогии. Так, поэтический метод включает два предписания, «разбивать текст на фрагменты» и «добиваться их ритмического звучания», которые полезны для будущего стихотворения и поэтому должны быть исполнены сочинителем. Теперь возьмем сочиняющую стихи компьютерную программу, алгоритм которой является уже гораздо более «сложной» максимой с иерархической структурой, но и он требует ввод пользовательских данных о тематике стихотворения, размерности и т. п. На каком же основании можно требовать для поэтического метода названия максимы, а для максимы программного алгоритма — названия метода?

М: На том основании, что поэтическая программа гораздо полезнее для сочинительства, чем «ритмическая норма», поскольку может помочь даже начинающему поэту.

З: Значит, Вы не отрицаете полезность «ритмической нормы», говоря лишь о меньшей степени этой полезности. Это уже прогресс, потому что данная норма только кажется бесполезной поэту, который безоговорочно ее принял и применяет, как навык. Но можно ли считать даже малополезным основное требование, от которого зависит поэтический характер литературного произведения? Не менее полезной и универсальной должна быть также норма, которая является критерием научности любого исследования. Поэтому каждую из этих норм нельзя противопоставлять по полезности другим, уточняющим предписаниям, без нее не имеющим силы ни в поэзии, ни в науке. Отсюда мы и вправе говорить о ней, как о методе.

Н: Однако разве в философии науки не принято считать, что научные методы являются авторскими? Например, Тулмин пишет о том, что наука дифференцируется на автономные «рациональные предприятия», осуществляющие генерацию и отбор научного знания [11, с. 107]. Но как

тогда быть с авторством научного метода? Кто его придумал и обучил первых учеников? И почему этот метод распространился повсюду в качестве нормы, не встретив препятствий?

З: Хорошие вопросы, и ответы на них также можно искать с помощью аналогий. Например, история не сохранила имени первого поэта, имен изобретателя колеса, автора ориентирования по Полярной звезде и других гениальных новаторов. Тем не менее, эти новации успешно распространились среди всех народов, несмотря на культурные различия. Можно предположить, что простота и доступность этих идей не исключают принадлежности их авторства разным людям. А высокое прикладное значение объясняет большой интерес к ним и скорость беспрепятственного распространения. Не исключено, что к таким же новациям может быть отнесен и универсальный научный метод.

М: Хорошо, допустим, что он существует. Однако Вы ошибаетесь, полагая поэтический метод «ритмической нормой»: это, скорее, «ритмическое правило», которое строго не соблюдается. Так, к поэзии принято относить белый стих и верлибр: если для первого отсутствует рифма, но хотя бы имеется постоянный размер, то для второго нет даже этого ограничения. Аналогично и научный метод может не быть когнитивной нормой науки.

З: На мой взгляд, в указанных Вами случаях происходит расширение термина «стих» на промежуточные литературные формы между поэзией и прозой. Так, если просто разбить предложение на фрагменты, то получится верлибр, а если еще добиться их единого размера, то — белый стих. И то, и другое будет «недопоэзией» в классическом смысле слова. А нарушение отдельных норм науки приводит к появлению таких смежных сфер, как «паранаука» или религиозная теология, представители которых, однако, настаивают на научности своих занятий.

Н: Так, по-вашему, ни поэзию, ни науку не следует трактовать расширенно?

З: Если их рассматривать лишь как формы объединения творческих практик, демаркация которых имеет второстепенное значение, то такая трактовка, на мой взгляд, еще допустима. Но если для нас это сами творческие практики, по содержанию которых нет разногласий ни между создателями, ни между потребителями производимого продукта, то к ним нужно применять строгое нормирование, и на Ваш вопрос следует отвечать утвердительно.

М: Содержание этих практик как раз и вызывает возражения специалистов.

З: Я имею в виду лишь содержание, не вызы-

вающее возражений: ведь и адепты верлибра не станут отрицать, что творчество Пушкина — это поэзия.

М: Ладно, пусть для традиционного понимания некоторых практик их целесообразно нормировать. Но пойдём дальше: Ваш скепсис относительно отрицания научного метода легко развернуть и в обратную сторону. Ведь данный метод также не обладает абсолютной достоверностью. Почему же он может с уверенностью приниматься в качестве общенаучной нормы?

З: В качестве нормы непосредственно обсуждается не сам метод, являющийся неявным знанием ученых, а его конкретная экспликация, претендующая на адекватное описание метода. Ни одна такая экспликация, действительно, не застрахована от пересмотра. Более того, при ее обосновании возникает «проблема круга», поскольку научное рассмотрение проблемы метода требует опоры на неявное знание о самом методе. Однако все это не исключает получения экспликации, долгое время выдерживающей критические проверки и обладающей практической ценностью. Так, презумпция невиновности действует в праве уже много лет, хотя гипотетически возможность ее опровержения всегда имеется. Почему же для философии науки должен быть закрыт путь к эксплицированию подобных норм?

Н: Ввиду столь убедительной аналогии сложно не согласиться с такой перспективой.

М: От этого сама перспектива не становится менее призрачной. Потому что ни один научный метод не может охватить бесконечного разнообразия объектов мира, для познания которых нужны порой уникальные методы. Также и предписания любого метода недостаточны для передачи личностного мастерства [6, с. 58], что обесмысливает необходимость его экспликации.

З: Сам научный метод, конечно, не содержит сведений об особенностях объектов мира, но не исключает привлечение к исследованию методов частных наук, образуя основу их применения. Аналогично и поэтический метод не препятствует сочинительству в каком-то конкретном ритме, а процедура слушания судебных дел допускает методы любых необходимых экспертиз, обеспечивая в то же время правовой характер выносимых решений. Таким образом, пусть наш метод недостаточен для познания мира, но в этом нет никакого препятствия для науки, а лишь гарантия научности нового знания.

Н: Если аналогия с судебной процедурой верна, то понятна необходимость экспликации данного метода: это позволит осознанно контролировать научный характер всякого исследования.

М: Еще бы доказать, что она, на самом деле, верна. И как быть с аргументами недостаточности экспликации метода?

З: Любая аналогия верна лишь отчасти: ее границы устанавливаются специальным исследованием. Наша же аналогия важна уже тем, что показывает возможность нормирования любого исследования при помощи универсального метода. А практическая реализация предписаний метода может обходиться без их полного соответствия опыту автора. Ведь сознание человека, изучающего эти предписания, также не является «чистой доской», а уже содержит свое личностное знание, которого часто достаточно для их реализации. Так, покупателю сборной мебели обычно хватает инструкции по сборке, чтобы справиться с новой задачей.

М: Из недостаточности экспликации научного метода, однако, следует, что научный характер исследования можно утверждать лишь приблизительно.

З: Действительно, суждения о научности исследования могут расходиться между собой подобно тому, как расходятся во многих вопросах различные законодательства или не совпадают решения по делу, выносимые различными судами. Но личностный характер знания не исключает и претензий на объективность, если оно выражает общее мнение по вопросу. Например, можно сойтись во взглядах как на предвзятость решения в судебном деле, так и на нарушение научных норм в исследовании. Хотя гарантий объективности знания, конечно, не существует.

М: Разве личностное знание может претендовать на объективность? По Полани, не следует даже пытаться представлять знание обезличенным [6, с. 242; 263; 274].

З: Нельзя устранить зависимость личностных представлений от субъекта, но можно абстрагировать от различий в представлениях людей о некотором объекте. Например, при передаче знания между ними: если знание учеников порождается знанием учителя, то объяснение может состоять лишь в успешной объективации исходного знания, приобретающего межличностное значение. Уже само наличие языков реализует естественное стремление людей к объективности знаний. Отсюда и научный метод, несмотря на личностный характер его понимания и применения отдельными учеными, становится набором формально обезличенных предписаний, нормирующих когнитивную деятельность всей научной среды.

Н: Но у Полани, кажется, есть аргументы, указывающие на противоречие формальных методов научному творчеству...

М: Конечно. Он, например, считает, что всякая формальная процедура характеризуется обратимостью, т.е. после исполнения имеется возможность ее обратного восстановления до начала. Отсюда следует, что универсальный метод науки противоречит творческому характеру любого научного открытия, являющегося необратимым, поскольку от ученого здесь требуется иррациональное «озарение» [6, с. 180].

З: Любой научный метод как набор предписаний в конкретном применении должен дополняться личностным знанием исследователя. Для частных методов, ведущих к шаблонному решению задачи, это обычно не является проблемой, но для универсального метода от субъекта познания здесь обязательно требуется творческий «скачок». Творчество может даже явно предписываться методом, например, как «выдвижение гипотезы», поскольку подобные когнитивные действия анализируются лишь применением необязательных эвристик.

М: Полани также призывает к отказу от научной беспристрастности, иначе ученый не в состоянии творить [6, с. 18; 105]. Правомерность его призыва подтверждается, очевидно, историей многих научных открытий. Но как это согласуется с универсальным методом, применение которого требует от ученого «судейской» беспристрастности?

З: Судья, замечу, не единственный участник судебного процесса. Например, в гражданском праве там еще действуют истец, ответчик, их адвокаты, свидетели и эксперты, мотивация которых имеет различное значение. Если страсть истца, желающего выиграть дело, является главной движущей силой процесса, то адвокаты, занятые аналитикой, уже обязаны сохранять «трезвую голову», а судья в своем решении должен быть еще менее пристрастным. Однако в науке исследовательские функции часто выполняет один человек, от которого на разных этапах исследования требуются свои, иногда даже плохо сочетаемые «эпистемические добродетели»: стремление к истине, фантазия в генерации гипотез, критичность и аналитика в ходе их проверки, бесстрашие при вынесении решения и скепсис, допускающий его пересмотр. Тем не менее, примеры выдающихся ученых показывают, что эти свойства все же могут, так или иначе, ужиться в одном человеке.

Н: А не вредит ли научному творчеству внеисторический, культурно инвариантный характер метода? Не превращается ли при этом метод в защищенный от критики стандарт «закрытой рациональности» [15, с. 50]? Некоторые утверждают,

что такой консерватизм губителен для альтернативных исследовательских программ, отвергаемых даже без опровержения [13, с. 198].

З: А вредит ли поэтическому творчеству инвариантный характер «метода рифмования»? Нет, он же не препятствует сочинению белых стихов, верлибров, прозы. Гипотетически он мог бы «навредить» лишь правильной демаркации между поэзией и прозой, но опровержений здесь пока не находится. В случае предлагаемого научного метода, правда, требуется специальная дискуссия. Однако скептицизм относительно метода, предписываемый самим методом, способен превратить его в стандарт «открытой рефлексивной» рациональности.

М: У меня остался еще вопрос. Ранее известные подобные методы, рассчитывавшие на универсальность, оказывались неадекватны реальному развитию науки, а устанавливаемые ими границы между наукой и прочими когнитивными практиками выглядели для реального научного познания своего рода «прокрустовым ложем», представлявшим историю науки либо иррациональной, либо искаженной до неузнаваемости [8, с. 7]. Не обладает ли этим недостатком также Ваш вариант метода?

З: Этот аргумент действует лишь в отношении когнитивных стандартов, нормирующих развитие науки в целом — таких, как методология Лакатоса. Однако наш метод описывает науку в когнитивном аспекте, нормируя лишь процесс поиска и установления истины. А некогнитивный ценностный отбор знаний в профессиональной науке строгому нормированию не подлежит: его границы лишь приблизительно устанавливаются с помощью таких критериев, как «актуальность», «новизна», «практическая ценность». Поэтому данный метод, не являясь достаточным условием научного профессионализма, не позволяет также осуществлять рациональную реконструкцию известной нам науки. Как и поэтический метод, который не поможет определить, чьи стихи обладают художественной ценностью и добьются признания у читателей.

Н: Но тогда по аналогии с «любительской» поэзией возможна и «любительская» наука?

З: Да, как наука, удовлетворяющая когнитивным нормам научного познания, но не признанная научным сообществом, которую чаще всего и относят к «паранауке». Однако подведем итоги нашей дискуссии. Что вы скажете о проблеме метода теперь, в свете данных мной разъяснений?

М: Казалось бы, прозвучало достаточно, чтобы вызвать сомнение специалистов насчет невозможности существования научного метода и до некоторой степени оправдать исследования, возвращающие к старой, более не популярной проблеме. Однако наш сегодняшний разговор является лишь предварительной экспертизой и не дает права заявлять о состоявшемся научном открытии. Вы находитесь лишь в начале сомнительного пути, который должен получить признание научного сообщества в виде солидных монографий, публикаций в ведущих журналах, выигранных грантов, прежде чем у Вас появится моральное право пропагандировать свои исследования, вовлекая в них нашу научную смену.

Н: А я в ходе нашего разговора осознал необходимость возвращения к данной проблеме, которая выдвигается сегодня на «передний край» науки [14, с. 19], пусть даже нельзя предсказать результат ее нового рассмотрения. Но настоящая наука, по-моему, всегда связана с риском, в чем и заключается романтика научного поиска. К тому же, это такая интересная проблема...

М: Вас же, молодой человек, я должен предупредить, что нужно сначала защититься, а уже потом пускаться в исследовательские авантюры.

Н (вздыхая): Это верно (про себя: надо посоветоваться с Кнопочкой!).

З: Благодарю вас, коллеги. На большее я, конечно, и не рассчитывал, но надеюсь, что когда-нибудь мы еще продолжим наше обсуждение.

Заключение. С одной стороны, аргументация Знайки не встречает опровержения со стороны оппонента, что свидетельствует о возможности существования универсального научного метода. Однако прав и оппонент: утверждать это существование преждевременно, поскольку ни критическая сторона еще достойным образом не проявила своих возможностей, ни рассмотренных аргументов не достаточно для доказательства реальности данного метода. Тем не менее, необходимость возврата к обсуждению проблемы «по вновь открывшимся обстоятельствам» видится обоснованной, что и предлагается осознать широкому кругу специалистов.

Кроме того, обращаем внимание на ряд наших работ, где обосновывается конкретная экспликация научного метода, изложенная во введении [16, 18—20]. При этом в работах до 2016 года последний этап метода, не меняя своего содержания, формулировался иначе, что объясняется либо ранней редакцией, либо правкой статьи [19] опубликованным журналом.

Список литературы

1. Ивин, А. А. Современная философия науки / А. А. Ивин. М. : Высш. шк., 2005. 592 с.
2. Казарян, В. П. Философия науки. Ч. 2 / В. П. Казарян. М. : Изд. отдел факультета ВМиК МГУ, 2005. 208 с.
3. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос // Т. Кун Структура научных революций. М. : АСТ, 2003. С. 269—453.
4. Лебедев, С. А. Существует ли универсальный научный метод? / С. А. Лебедев, К. С. Лебедев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 56—72.
5. Мамчур, Е. А. Образы науки в современной культуре / Е. А. Мамчур. М. : КАНОН+, 2008. 400 с.
6. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. М. : Прогресс, 1985. 344 с.
7. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
8. Порус, В. Н. Рациональность, наука, культура / В. Н. Порус. М. : Ун-т Рос. акад. образования. Кафедра философии, 2002. 352 с.
9. Степин, В. С. История и философия науки / В. С. Степин. М. : Трикта, 2011. 423 с.
10. Султанова, Л. Б. Философия и методология науки / Л. Б. Султанова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. 176 с.
11. Тулмин, С. Человеческое понимание / С. Тулмин. М. : Прогресс, 1984. 328 с.
12. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд. М. : АСТ : АСТ Москва, 2010. 378 с.
13. Фейерабенд, П. Против метода: очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. М. : АСТ, 2007. 413 с.
14. Философия науки и техники : учеб. пособие / В. Г. Базалин [и др.]. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2003. 220 с.
15. Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В. С. Швырев. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
16. Ярцев, Р. А. Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности / Р. А. Ярцев // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3—4. С. 56—65.
17. Ярцев, Р. А. За журавлем или синицей (к типологии ученых) / Р. А. Ярцев // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 4. С. 16—34.
18. Ярцев, Р. А. Метод науки / Р. А. Ярцев. — Beau Bassin : LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018. 205 с.
19. Ярцев, Р. А. О ранжировании научного знания на основе рационального скептицизма / Р. А. Ярцев // Философия науки. 2013. № 2 (57). С. 48—60.
20. Ярцев, Р. А. Рациональность в структуре науки / Р. А. Ярцев // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 4. С. 71—76.

Сведения об авторе

Рустэм Альбертович Ярцев — доктор философских наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры автоматизированных систем управления Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ), Уфа, Россия. rust-66@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 100—108.

Dialogue on the possible existence of universal scientific method

R.A. Yartsev

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. rust-66@yandex.ru

The article examines the problem of the existence of a universal scientific method that normalizes research in any subject area and acts as a demarcation criterion of scientific cognition and related knowledge. One of the most important obstacles to a successful solution of the problem is the prejudice of the scientific community against the existence of this method, based both on professional argumentation and on common sense ideas. Therefore, the counter criticism, proving the possible existence of a universal method in science, is built with the use of illustrative examples. The analogy with the method of rhyming poetic texts suggests that the universal scientific method can

represent the implicit personal knowledge of scientists. From the analogy with the established lawsuit procedure, it follows that this method can exist as the most general procedure, allowing the involvement of private methods in scientific research and leaving a freedom to creativity. With the help of convincing counterarguments, the author tries to destroy the most persistent prejudices against the very possibility of the existence of this method and again draw the attention of specialists to the problem.

Keywords: *science, universal method, explication, normalization, demarcation.*

References

1. Ivin A.A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern philosophy of science]. Moscow, Higher School Publ., 2005. 592 p. (In Russ.).
2. Kazaryan A.A. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Vol. 2. Moscow, Moscow State University Publ., 2005. 208 p. (In Russ.).
3. Lakatos I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm [Falsification and the methodology of scientific research programmes] // T. Kuhn. *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST Publ., 2003. Pp. 269—453. (In Russ.).
4. Lebedev S.A., Lebedev K.S. *Sushhestvuet li universal'nyj nauchnyj metod?* [Does the universal scientific method exist?]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Herald of Tver State University. Philosophy], 2015, no. 2, pp. 56—72. (In Russ.).
5. Mamchur E.A. *Obrazy nauki v sovremennoj kul'ture* [Images of science in modern culture]. Moscow, KANON+ Publ., 2008. 400 p. (In Russ.).
6. Polanyi M. *Lichnostnoye znanie* [Personal Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p. (In Russ.).
7. Popper K. *Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyj podkhod* [Objective knowledge. An evolutionary approach]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 384 p. (In Russ.).
8. Porus V.N. *Ratsional'nost', nauka, kul'tura* [Rationality, science, culture]. Moscow, Russian Education Academy University Publ., 2002. 352 p. (In Russ.).
9. Stepin V.S. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow, Triksta Publ., 2011. 423 p. (In Russ.).
10. Sultanova L.B. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Ufa, BSU Publ., 2014. 176 p. (In Russ.).
11. Toulmin S. *Chelovecheskoe ponimanie* [Human Understanding]. Moscow, Progress Publ., 1984. 328 p. (In Russ.).
12. Feyerabend P. *Nauka v svobodnom obshhestve* [Science in a free society]. Moscow, AST Publ., 2010. 378 p. (In Russ.).
13. Feyerabend P. *Protiv metoda: ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against method: an essay on the anarchist theory of knowledge]. Moscow, AST Publ., 2007. 413 p. (In Russ.).
14. Bazalin V.G. et al. *Filosofiya nauki i tekhniki: ucheb. Posobie* [Philosophy of science and technology: tutorial]. Moscow, MSTU n.a. N.E.Bauman Publ., 2003. 220 p. (In Russ.).
15. Shvyrev V.S. *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a cultural value. Tradition and modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 176 p. (In Russ.).
16. Yartsev R.A. Dualizm zdravogo smysla kak osnova nauchnoj racional'nosti [Dualism of common sense as the basis of scientific rationality]. *Aspirantskij Vestnik Povolzh'ya* [Post-graduate herald of the Volga region], 2015, no. 3—4, pp. 56—65. (In Russ.).
17. Yartsev R.A. Za zhuravlem ili sinitsej (k tipologii uchennykh) [For the crane or tit (to the typology of scientists)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2019, no. 4, pp. 16—24. (In Russ.).
18. Yartsev R.A. *Metod nauki* [Method of science]. Beau Bassin, LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018. 205 p. (In Russ.).
19. Yartsev R.A. O ranzhirovanii nauchnogo znaniya na osnove ratsional'nogo skeptitsizma [On ranking of scientific knowledge on the basis of rational skepticism]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science], 2013, no. 2, pp. 48—60. (In Russ.).
20. Yartsev R.A. Ratsional'nost' v strukture nauki [Rationality in the structure of science]. *Uchenye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes of Transbaikalsk State University], 2015, no. 4, pp. 71—76. (In Russ.).

Схема как эквивалент вещи: деконструкция объективной реальности

Р. А. Зайнуллин

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.*

В статье рассмотрена классическая философская онтология в рамках которой заключены и социально-философские подходы к анализу общества. С целью обособления взгляда на социальность с точки зрения спекулятивного реализма предлагается рассмотреть на основе анализа классической философской методологии принципиальное различие реальности как динамического процесса становления и системы знания и как редукции реальности к мышлению. Эволюция формулировок понятия объективной реальности рассмотрена на основе принципов метафизики, кантовской философии и структурализма, как основных подходов интерпретации и систематизации акциденций вещей. В ходе обзора выявляется объективирующий принцип континентальной философии, заключающийся в выделении возможного образа в качестве сущности, определяя ею области вещей, и, соответственно, предикативность реальности к ней. Таким образом, проблематизируется синтетическое единство как концептуальная форма бытия, предикативность реальности к модели, диалектика трансцендентального основания и природы. В результате предлагается разворот от трансцендентальной редукции к имманентному становлению идентичности.

Ключевые слова: *метафизика, идеализм, абстракция, познание, иерархия, система, единство.*

Попытки дать описание различным природным, социальным и физическим процессам вначале привели человека к космогонической мифологии, а затем к мифотворчеству теогонистов и «физиков» [14, с. 8—9]. «Решительный отказ от мифологических (антропно- и зооморфных) образов и переход к чисто рациональным мотивировкам» [14, с. 9], все же не уберёг раннюю греческую мысль от витального принципа. В конечном счете, Фалес из милетской школы сформулировал принципиальный вопрос античной философии о сущности вещей: «Что есть все?».

Ответ, содержащий в себе предложения универсальных форм, единства, процессы становления и корреляции, а вместе с тем, единого логико-понятийного пространства, дали Платон и Аристотель в подходах «царства идей» и родо-видовой таксономии.

Метафизическая экспликация единства многообразия как обосновывающий и превосходящий реальность формулирующий эквивалент позволил различным дисциплинам вести дискуссию в рамках законов единой формы представлений, и её основных понятий. Данная концептуальная иерархическая система понятий характеризуется сущностной интерпретацией [1; 2; 5; 24] актуализацией через идею субъекта [12] и структурной редукцией [9; 18; 21]. Предметом интерпретации выступает актуализация реальности [4].

Метафизика. Поскольку символическая система детерминирует реальность через область пред-

ставления, приоритет универсалий перед частями [1, с. 47] Аристотель объяснял эмерджентными свойствами. В виду своей уникальности перед частями, как идеальные по отношению к вещи, они полагались как индивидуации для которой части лишь предикаты. Отсюда аристотелевское высшее понятие бытия это единичность абсолютного, восходящая через уровни тождества его предикатов, где согласно Платону, части и их отношения это становление целого [19, с. 11] для логико-рациональной мысли.

Благодаря этому, мы обнаруживаем античное описываемое понятие реальности в виде становления идеи, т. е. обнаруживаем её концептуальную экспликацию. Таким образом, вещи редуцированы к метафизической области, которая обозначает их в качестве основания. Её понятия связывают их в единый образ. Данные концентрации являются источником и способом бытия вещей в качестве отношений их форм по сущностным характеристикам.

Замкнутость онтологии идеалистической системы наглядно описана в аристотелевском понятии *энтелехии*, гласящем, что причина — это цель движения как осуществленность [2, с. 146, 246]. Части определяются как предикат субстанции через тождество множественного и концептуальную связь. Понятия, как метафизическая возможность бытия, существуют прежде своих признаков, поскольку являются одновременно причиной и целью, оборачивая становлением смысл через

реальность к идеям. Вещная реальность, в таком случае это тождество признаков к универсалиям, т. е., с одной стороны, мир вещей, а, с другой, их бытие в виде понятий, где становление обеспечивает необходимую онтологическую циркуляцию.

Антагонизм множественного и единичного через родо-видовую мембрану представлен в качестве *иерархии*. Она является способом становления сущностей, т. е. их *реализации* в виде вещей и актуализации в качестве понятий. Так, «Согласно Аристотелю, «быть» — значит «быть субстанцией, или вещью». Все другие значения бытия, как утверждает Аристотель, в конечном итоге возвращают к субстанции, поскольку абсолютно все из этих прочих форм бытия принадлежат субстанциям или становятся возможными благодаря им. Такова аристотелевская ориентация на бытие в качестве субстанции, или единичной вещи, отстаиваемая онтологией» [3, с. 73], — отмечает Леви Р. Брайант античное равенство между сущностью и бытием. Поскольку полагание субстанции происходит прежде предиката акциденции, то, по мнению авторов книги «Сложность и управление. Причуда или радикальный вызов системному мышлению?», цель концептуальной формы бытия заключается в рациональной телеологии т. е. поиске репрезентации, смысл которой служит способом связи вещей в единое представление бытия [23, р. 24].

В модели Платона-Аристотеля императивная иерархия *акциденция-субстанция-понятие* включает в скобки реальность, внутри которых описывает её как становление метафизической идеи, обозначаясь тем самым областью единства бытия реальности. Соответственно, слияние знания и предмета в идее обозначает сущность, в виде синонима истины. Схватывание отношения в идее это символический субъект бытия, «делающий возможной ту первичную фору консенсуса, какой является договоренность о смысле знаков и смысле мира, который они [средства] позволяют сконструировать» [5, с. 8], пишет Бурдье. Символическая иерархия служит прежде всего как инвариантный аспект интеграции и классификации, — являющихся инструментами целесообразной связи реальности, поскольку «они порождают смысл и консенсус о смысле с помощью логики включения и исключения» [5, с. 10].

Связь актуализируется как субстанция, акциденции которой являются *признаком* реальности. Таким образом, вещь, представлена в виде концептуального тождества реальности в единстве. В виду чего Бурдье замечает, что уровень обобщения реальности, т. е. идеи это уже самостоятельные, отдельные сущности [5, с. 556—557].

Между реальностью и её представлением находится механизм обобщения, который выделяет из реальности позиции и совокупность смыслов в виде понятия бытия. Данная модель определяет вещи как позиции в связях, т. е. позволяет обрести факт их бытия, как совокупности позиций в виде объекта [6, с. 11—16]. По этому поводу Нейман, как и Бурдье, отметил, что в процессе восприятия неопределенности, коей является многообразие вещи, «процесс субъективного восприятия является по отношению к внешнему физическому миру новой, не сводящейся к нему сущностью» [17, с. 307], ведь, объект как совмещение позиций содержательно превосходит вещь, которую он описывает. Это может быть обусловлено тем, что акциденции в отличие от сущностей не структурированы и, следовательно, не могут выступать в качестве структуры связи [3, с. 73].

Представление как «форма выражения и обобщения [в сущности — *Р. 3.*] имеющейся эмпирической информации» [5, с. 556] означает, что редукция к формальной логике происходит путем схватывания единств, создавая впечатление, что «Для классических «объектов» всегда может быть определена функция истинности и проведено различие «истинно-ложно», так что возможно утверждение, что эти свойства им присущи «объективно» и сознание не играет никакой роли» [7; 13]. В действительности же, «истина — человеческая. Ее можно назвать Майей, или иллюзией» [7; 23], поскольку заключается в соответствии субъективного знания субъективному объекту, как промежутка более сложного динамического процесса. Диланда называет подобную метафизическую иллюзию разума систематическим эссенциализмом [22, р. 28], который задает принцип познания через общие предзаданные предикаты, которые формулируют необходимые субъективные условия представлений о вещи. В таком случае проблема эссенциализма в том, что он опирается на априорный результат, обнаруживает его признаки на основании представлений о связи в других вещах, чем фокусируется лишь на построении классификаций и условий возможного опыта. В этом плане для реальности философия выступает лишь как область полагания вещи, которая описана как система её суждений, т. е. как мысль о ней.

Возможность позволяет выделить абсолютные, а значит универсальные, т. е. априорные принципы концептуального бытия. Построения тотального бытия связаны с рационалистической позицией, поскольку так субъект через обобщенные формы реальности схватывает единство доступной ему её полноты. Однако, так он обуславли-

вает её форму своими условиями, что говорит о зависимости степени объективной реальности от системы мышления субъекта: «Знание тождества и различия в понятии является предпосылкой знания тождества и различия в объекте. Из этого делается вывод, что любое первопорядковое различие между понятием и объектом должно подчиняться понятийному различию второго порядка, которое, в свою очередь, также должно концептуально подчиняться более высокому уровню, и так далее вплоть до Абсолютного Понятия» [4, с. 244].

Субъективная априорность бытия. Особенность того, что бытие обозначается в виде единства признаков реальности, заключается в субъективном аспекте, который обозначаются тем, что «картина мира в известной мере носит печать личности ее творца. Постулат объективности заменяется постулатом проективности. Мир предстает как проект» [13, с. 103]. В таком случае, «Реальность мира не пред-дана когнитивному агенту, и ее свойства не пред-заданы, она возникает в результате поисковой активности когнитивного агента и в соответствии с его когнитивными возможностями. Это — предстоящая, грядущая реальности» [13, с. 104], которая заключается в понятии объекта или, другими словами, проекта, поскольку является возможной, как единство восприятия эмпирического субъекта. Возможное бытие описывается конструктивистки, нивелируя картезианское разделение взаимным отношением. Категории обнаруживают частные аспекты бытия и поэтому служат инструментами поиска тождеств.

Таким образом, трансцендентальная философия, как суждение о реальности — это создание объекта на основе схемы его параметров. Для идеи бытия, как концептуального схватывания, категории являются инструментом детерминирования сущности в явлениях. Из этого следует, что трансцендентальное описание определяет реальность как субъективно синтезированный объект, т. е. как синтетическое тождество сознания в представлениях [12, с. 100]. Тем самым, система синтетического знания надстраивает над реальностью гносеологический аппарат, результатом которого является объект, а именно, объективная реальность, поскольку непосредственный доступ у человека имеется только к предметам восприятия, т. е. объектам из тождества реальности, другими словами, предметам мышления. Следовательно, метафизика эксплицирует через категории реальность до антиномии вещей и суждений о них, т. е. ее модели, или, другими словами, концептуального эквивалента.

По этим причинам, роль абсолютного субъекта заключается в категорическом императиве, как связи явлений в единую систему понятий, т. е. концепцию бытия. В виду этого, познание есть «схватывание нечто как нечто, как подведение объекта под понятие» [4, с. 231], в противном случае бытие реальности не раскрывается и является регистрацией соматических стимулов без значений и смыслов. Это означает, что «одна часть мира преобразует информацию из другой части мира» [4, с. 231], создавая тем самым субъективную копию реальности, а именно, понятие объективной реальности, т. е. идею бытия, поскольку структуру созерцаемого формулирует субъект [8, с. 55] где онтология подчинена структуре его мысли.

Следовательно, предмет философии это метафизика, как субъективные априорные данности [11, с. 121] и их законы, что есть подмена реальности на признак ощущения сущности или так называемый, наивный реализм. В таком случае вещь это предикат трансцендентального, т. е. истинного бытия, а именно, семантическая детерминация, а редукция к формам познания превращает концептуальную систему в конфигуративный аппарат действительности [5, с. 557], т. е. закрытую мыслительную систему субъекта, т. е. формальную логику.

Субъект не взаимодействует прямо с субстанцией вещи, он имеет дело лишь с схемой ее возможного образа в некоторый момент времени, что говорит о реальности, как о субъективном и статичном срезе опыта между некоторыми процессами её динамики. В таком случае, объект это единство содержания ограниченной плоскости, которое обозначается как результат системы условий, которые априори детерминируют реальность, фокусируясь на синонимах для осмысления. Описание отражает структуру восприятия и рассудка, его способность задавать правила для детерминации вещи. Формализация, как заключение в скобки, является способом подведения вещи под критерии познания. Субъективное обозначение вещей, т. е. их схемы, образуют единую систему трансцендентальной реальности, её возможные субъективные модели. В результате, объект обозначается как синоним реальности, и в виде схемы обозначает бытийный эквивалент вещи.

«Противопоставляя одно другому, объективный идеализм наделяет мысль самостийным онтологическим статусом. Получается, что не субъект, осваивая всеобщее, существенное, необходимое в действительности, формирует о ней понятия, а понятия, изначально концентрируя эти признаки, формируют действительность. Подлинные

отношения ставятся с ног на голову» [10, с. 314], если переносить центр существования в плоскость идеального.

Структурализм. На основе рассмотрения общества как отношений трансцендентального субъекта возник ряд конкурирующих социальных теорий, в которых инстанция социального бытия и способы его структурирования основаны на сущностных аспектах бытия. Редукция «между мыслительными структурами и действительностью» [10, с. 121] стала для социологов инструментом в поисках субстанции социальности через рассмотрение принципов отношений обозначающих социальный институт. В таком случае, понятие социального может трактоваться по-разному. Например, как априорная предзаданность, как возникающая в результате их деятельности, как медиатор между формой и акторами. В любом случае, понятие социального это нечто, которое неотделимо от индивидов и их деятельности. Вопрос лишь в том кто или что является эффектом и в свою очередь чего, т. е. заключается в определении онтологической схемы социальных отношений. Таким образом, социологи пытались обозначить направление редукции формализации.

Например, Дюркгейм наделил социальные факты атрибутами императива, поскольку, считал он, они «наделены принудительной силой» [8, с. 412]. В данном случае социальный факт, т. е. нормы, право, даже любовь, есть синоним категории, поскольку описывает феномен поведения индивида как схема социального поведения. Явление, тем самым, есть частный случай, а общество субстрат факта. Парсонс увидел эти внешне факторы [18, с. 463], которые координируют действия, в качестве структурно-функциональной системы, поскольку та «заменяет место личности в социальной системе главенствующей ролью позиции в ней актора» [15, с. 15]. Работая тем самым с социальной системой, как трансцендентальным субъектом, можно обнаружить, что его структура определяет функциональные необходимости отношений индивидов, т. е. их роли, что созвучно Канту. По этой причине Хабермас назвал её объективной связью в мире, которая придает функциональную связь коллективам [21, с. 187].

В данном случае мы наблюдаем у социологов социальную систему в качестве трансцендентального субъекта отношений индивидов, которая детерминирует их деятельность, что удобно для функционального описания феномена общества.

Рассматривая особенности описательного основоположения можно заметить, что классическая редукция, с одной стороны, представлена как описание способа идеалистической актуализации вещи, как сущности отношений, с другой, в виде осмысления условий формулирования объективной реальности (критика разума). Соответственно, через всю классическую философию проходит принципиальный разрыв между вещью и её возможным бытием, т. е. её субъективной актуализацией в виде схватывания в объекте многообразия влияний на субъекта, т. е. явлений, оставляя тем самым не рассмотренным становление имманентной структуры самой вещи. Таким образом, символическая система, обозначающая синтез через предикат связи детерминирует реальность через область её возможного субъективного полагания. Это создает необходимость деконструкции понятий субъективного формализма, как возврата к точке, за которой располагается имманентная структура реальности, т. е. вещь в себе. В таком случае, «мы должны обнаружить абсолютную необходимость, не возвращающую нас ни к какой форме абсолютно необходимой сущности», тем самым отличая абсолютизацию от абсолютистской мысли, а спекулятивизм от метафизики» [20, с. 83].

В заключение можно сказать, что для объективного идеализма реальность это область множества, в которой он обнаруживает отношения, создавая тем самым её дискурсивное бытие. Представление выступает в качестве актуализирующей надстройки реальности с целью выделения единой системной смысловой проекции. Объекты выступают как агенты между явлениями и понятиями, части определяются как признаки присутствия. Это, по мнению Квентина Мейясу, представляет собой корреляционизм картезианского типа [16], где бытие представлено как зависимость от смысла, т. е. «делает наборы свойств определяющими сущность» [22, р. 26].

Список литературы

1. Аристотель. Категории. С прил. «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Аристотель ; пер. А. В. Кубицкого ; ред., вступ. ст. и прим. Г. Ф. Александрова. М., 1939. 120 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / Аристотель ; под ред. В. Ф. Асмуса. М., 1976. 550 с.
3. Брайант, Л. Р. Демократия объектов / Л. Р. Брайант ; пер. с англ. О. С. Мышкина. Пермь, 2019. 320 с.
4. Брассье, Р. Понятия и объекты / Р. Брассье // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 227—262.

5. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / П. Бурдые ; отв. ред. перевода, сост. и послес. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 2005. 576 с.
6. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. ; пер. с нем. Л. Добросельского. М., 2018. 160 с.
7. Гриб, А. А. Квантовый индетерминизм и свобода воли / А. А. Гриб // Философия науки. Вып. 14: Онтология науки. М., 2009. С. 524.
8. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук / Э. Гуссерль ; отв. ред. Я. А. Силин; пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2004. 400 с.
9. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. М., 1991. 575 с.
10. Ильин, В. В. Объективный идеализм / В. В. Ильин // Философский словарь под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 314—315.
11. Ильин, В. В. Философия : учебник : в 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. Ростов н/Д., 2006. 832 с.
12. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М., 1994. 591 с.
13. Князева, Е. Н. Мир ускользающих структур / Е. Н. Князева // Философия науки. Вып. 14: Онтология науки. М., 2009. С. 103—116.
14. Лебедев, А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / А. В. Лебедев. М., 1989. 576 с.
15. Мантуров, О. В. Альтернативные модели структурирования социальности / О. В. Мантуров // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 11—27.
16. Мейясу, К. Время без становления : доклад в Университете Мидлсекса в рамках семинара Центра исследования современной европейской философии, организованного Питером Холлуардом и Рэем Брасье, 8 мая 2008 года / К. Мейясу; пер. с англ. А. Писарева // Гефтер. 2013. 14 февр. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 30.11.2020).
17. Нейман, И, фон. Математические основы квантовой механики / И. фон Нейман ; пер. с нем. М. К. Поливанова и Б. М. Степанова. М., 1964. 367 с.
18. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1996. С. 462—478.
19. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб., 2006. 632 с.
20. Тоскано, А. Против спекулятивизма / А. Тоскано // Логос. 2013. № 2 (92). С. 81—93.
21. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб., 2001. 380 с.
22. DeLanda, M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity / M. DeLanda. London ; New York, 2006. 150 p.
23. Stacey R.D., Griffin D., Shaw P. Complexity and management. Fad or radical challenge to systems thinking? London; New York, 2000. 240 p.

Сведения об авторе

Зайнуллин Радомир Альбертович — соискатель степени кандидата философских наук, кафедра социальной философии, департамент философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. zainoullin@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 109—115.*

Scheme as an equivalent of thing: deconstruction of objective reality

R.A. Zaynullin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

The article deals with the classical philosophical ontology in tendency which socio-philosophical approaches make analysis of society. In order to isolate the view of sociality from the point of view of speculative realism, it is proposed to consider the fundamental difference between reality, as a dynamic process of formation and a system of knowledge, as a reduction of reality to thinking, based on the analysis of classical philosophical methodology. The evolution of the formulations of the concept of objective reality is considered on the basis of the principles of metaphysics, Kantian philosophy and structuralism, as the main approaches to the interpretation and systematization of accidents of things. The review reveals the objectifying principle of continental philosophy, which consists in identifying a possible image as an essence, defining the area of things by it, and, accordingly, predicativeness of reality to it. Thus, synthetic unity is problematized as a conceptual form of being, the predicativity of reality to the model, the dialectic of the transcendental foundation and nature. As a result, a reversal from transcendental reduction to immanent identity formation is proposed.

Keywords: *metaphysics, idealism, abstraction, cognition, hierarchy, system, unity.*

References

1. Aristotel'. *Kategorii. S prilozheniem «Vvedeniya» Porfirija k «Kategorijam» Aristotelja* [Categories. With the Appendix of the "Introduction" of Porphyry to the "Categories" of Aristotle]. Moscow, State socio-economic publishing house, 1939, 120 p. (In Russ.).
2. Aristotel'. *Sochinenija: v 4 t. T. 1* [Works: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 550 p. (In Russ.).
3. Braiant L.R. *Demokratiya ob'ektov* [Object Democracy]. Perm, Gile Press Publ., 2019. 320 p. (In Russ.).
4. Brass'ye R. Ponyatiya i ob'ekty [Concepts and objects]. *Logos*, 2017, vol. 27, iss. 3, pp. 227—262. (In Russ.).
5. Burd'e P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Espace social: champs et pratiques]. Moscow, St. Petersburg, Aletheia Publ., 2005. 576 p. (In Russ.).
6. Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Logisch-Philosophische Abhandlung]. Moscow, AST Publ., 2018. 160 p. (In Russ.).
7. Grib A. A. Quantum indeterminism and free will. *Philosophy of Science*, 2009, Issue. 14: Ontology of Science, pp. 5—24. (In Russ.).
8. Gusserl' E. *Krizis evropeiskikh nauk* [Krise der europäischen Wissenschaften]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2004. 400 p. (In Russ.).
9. Dyurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [Sur la division du travail social. Méthode de sociologie]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 575 p. (In Russ.).
10. Il'in V. V. *Ob'ektivnyj idealizm* [Objective idealism]. *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. Pp. 314—315. (In Russ.).
11. Il'in V.V. *Filosofija: v 2 t. T. 1* [Philosophy: in 2 vols.. Vol. 1]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2006. 832 p. (In Russ.).
12. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p. (In Russ.).
13. Knjazeva E.N. *Mir uskol'zayushchikh struktur* [The world of elusive structures]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2009, iss. 14: Ontology of Science, pp. 103—116. (In Russ.).
14. Lebedev A.V. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1. Ot jepicheskikh teokosmogonij do vznikovenija atomistiki* [Fragments of early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 576 p. (In Russ.).
15. Manturov O.V. *Alternativnye modeli strukturirovaniya sotsial'nosti* [Alternative models of structuring sociality]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [News of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences], 2011, iss. 2 (91), pp. 11—27. (In Russ.).
16. Meiyasu K. *Vremya bez stanovleniya: doklad v Universitete Midlseksa v ramkakh seminaru Tsentra issledovaniya sovremennoi evropeiskoi filosofii, organizovannogo Piterom Kholliardom i Reem Bras'e, 8 maya 2008 goda* [Time without Formation: Report at the University of Middlesex in the framework of the

seminar of the Center for the Study of Contemporary European Philosophy, organized by Peter Hallward and Ray Brassier, May 8, 2008]. *Gefter*, 2013, February 14. Available at: <http://gefter.ru/archive/7657>, accessed 30.11.2020. (In Russ.).

17. Neiman I fon. *Matematicheskie osnovy kvantovoi mekhaniki* [Mathematische Grundlagen der Quantenmechanik]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 367 p. (In Russ.).

18. Parsons T. Sistema koordinat deistviya i obshchaya teoriya sistem deistviya: kul'tura, lichnost' i mesto sotsial'nykh sistem [Action coordinate system and general theory of action systems: culture, personality and place of social systems]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, International University of Business and Management Publ., 1996. Pp. 462—478. (In Russ.).

19. Platon. Sochinenija: v 4 t. T. 1 [Works: in 4 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Publishing house of Oleg Abyshko, 2006. 632 p. (In Russ.).

20. Toscano A. Protiv spekulyativizma [Against speculativeism]. *Logos*, 2013, iss. 2 (92), pp. 81—93. (In Russ.).

21. Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moralisches Bewusstsein und kommunikatives Handeln]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 380 p. (In Russ.).

22. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London, New York, 2006. 150 p.

23. Stacey R.D., Griffin D., Shaw P. *Complexity and management. Fad or radical challenge to systems thinking?* London, New York, 2000. 240 p.

УДК 101.8
ББК 87.22

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10216

Диалектика и логика понятий «ничто», «все» в практическом исследовании индивидуальной формы философствования

Д. А. Граханов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены некоторые логические и диалектические особенности указанных в теме философских понятий с целью демонстрации идеи творческого и процессуального характера философского рассуждения. Показана необходимость индивидуальной формы диалектического осмысления универсальных понятий и категорий.

Ключевые слова: *ничто, всё, диалектика, творческий процесс рассуждения, объем понятия, элемент действительности, класс элементов.*

Существует проблема обоснования необходимости и актуальности диалектического метода мышления в современной философской методологии и практике [1, с. 14—15]. Здесь мы совершим краткую попытку демонстрации пользы диалектической логики через осмысление некоторых категорий для формирования индивидуальной способности мышления как таковой.

Мы возьмем понятия «ничто» и «все» как философские категории и рассмотрим перипетии их логической и языковой взаимосвязи.

Ничто это отсутствие чего-либо или нечто противоречащее всему что существует, а также ничто суть дополнение ко всему что существует, что существовало, и что будет существовать и при этом является существующим в настоящее время. То, что существует, является тем, что имеет бытие, и вся совокупность сущего включается в объем понятия «все». То, что существовало в прошлом, и то, что будет существовать в будущем, но не существуют в настоящем, являются отсутствующим ничто, что является ничем, то есть тем, что включается в объем понятия «ничто». Существуют и такие вещи, которые никогда не существовали и не будут существовать. Они есть вечно не-сущее, не-сущее как в физическом, так и в метафизическом планах осмысления, как материальном, так и идеальном (в воображении) сферах бытия. Итак, элементами понятия «всё» являются какие угодно вещи материальной или идеальной природы, которые проходят через настоящее, которые этим вечно подвижным настоящим омываются, окутываются. Все эти вещи могут быть мыслимыми с помощью соответствующих им понятий. То для чего нет понятия — не существует в плане бытия. Но естественно думать, что то, что не мыслится понятийно, все-таки существует, но пока не замечено людьми и как бы ждет такого момента,

когда ими будет замечено и поименовано. Таким образом, в сферу сущего, в объем понятия «всё» можно включить и такие вещи, которые еще пока не замечены людьми, но тем не менее они существуют. Разум не имеет права отказать в существовании таким вещам, о которых человечество не знает или даже не предполагает об их существовании. Более того, в объем этого понятия можно включить и такие вещи, которые существуют, но их никогда люди не заметят и через определенную форму понятия в зону человеческого бытия не переведут. Есть такие вещи, которые существуют, но для человечества они вечно не будут замечены, то есть такие вещи, которые существуют в мире, но не существуют для мира человеческого сознания, и не будут существовать для него никогда. Так думать позволяет и здравый смысл, и разумная логическая культура. Таких несуществующих для человечества вещей, но которые существуют в мире, можно так же помыслить и материальными, и нематериальными. Есть такие идеи, которые ждут своего открытия, но они уже существуют до человека. Возможно, эти идеи открыты где-то во вселенной иноземным разумом. Но и до открытия их иноземным разумом, эти идеи существовали, ожидали своего открытия. Сама возможность существования таких идей вечная. И, конечно, естественно думать, что есть в мире такие идеи и образы, которые человечество никогда не помыслит и не вообразит. Но тем не менее эти идеи и образы существуют и их вполне можно логическому рассудку включить в объем понятия «всё» в качестве его элемента. То же можно помыслить и о материальных вещах. В связи с этим, мы склонны поддержать известную платоновскую концепцию «идей», существующих вечно в умопостигаемом месте и которые ждут своего открытия, осмысления и воплощения

в материальном мире. Например, идея подводного корабля ранее считалась фантастической, но она является частью реальности, даже и до своего материального воплощения, и она была частью реальности и до человечества. Идея подводного корабля действительно существует вечно, до и после человечества. Человечество додумалось до этой идеи, но могло и не додуматься. Вполне рационально думать, что эту идею перевести в область логического понятия могли и не земляне. Вполне рационально думать, что эту же идею когда-то переведут в область понятия иные существа вселенной уже намного позже существования человечества. Как материальные вещи подводные лодки могут в одно время существовать, а в другое время не существовать, но как идея подводная лодка существует вечно, хоть и иногда только в возможности.

Таким образом, в класс понятия «всё» включается всё то, что существует в вечности или в настоящее время, а в класс понятия «ничто» включается всё то, что не существует ни в вечности, ни в настоящем времени. В связи с этим появляется вопрос о том, является ли «ничто» элементом класса «всё»? Отсутствующее как нечто может ли мыслиться в логическом смысле как подмножество множества по имени «всё»? Нечто никогда несуществующее ни в мысли, ни в пространстве является идеей не-сущего, но при этом как идея это не-сущее существует. Несуществующее существует как идея: всё несуществующее суть нечто существующее. Следовательно, несуществующее является существующим. Иными словами, ничто есть элемент понятия «всё».

Само по себе ничто есть то, что не существует и является пустым множеством. Есть универсальный класс имени «всё», в который входят все вещи, которые существуют. В данном случае, мы и идеи, и образы мыслим как особые виды вещей. Ничто же есть нечто находящееся за пределами этого универсального класса. Дополнением к этому классу «всего существующего» будет являться класс пустого множества, а дополнением к классу пустого множества будет являться класс всего существующего [5, с. 47]. Иначе говоря, дополнением к «ничто» будет «всё», а дополнением к «всё», будет «ничто». Но само ничто есть идея, следовательно, как идея ничто существует, а значит, ничто есть элемент универсального класса «всё». Здесь важно пояснить, что, например, если идея НЛО суть сущее, и понятие НЛО есть общее, непустое понятие, то и идея НИЧТО суть сущее и понятие НИЧТО есть общее, непустое понятие. Если придерживаться концепции о невозможности существования пустых понятий, так как объем

всякого понятия включает в свои пределы элементы, и этими элементами могут быть либо материальные вещи, либо образы, либо идеи. Исходя из этого, в объем понятия НИЧТО входят образы, мысли, слова, идеи НИЧТО где-либо воображенные, помысленные, в словах воплощенные, в сознании идеями пробежавшие. Поэтому понятие «ничто» можно мыслить элементом объема понятия «всё». Тогда получается, что дополнением к классу ВСЁ является элемент этого же класса, а именно НИЧТО. Вроде бы тут получается, что дополнения к универсальному классу «всё» не существует. И это само несуществование можно также поименовать словом «ничто». Получается, что понятие ничто мыслится диалектически, противоречиво как существующее и как несуществующее одновременно.

В связи с этим, мысль движется к тому, чтобы подумать о невозможности мышления несуществования «несуществования». Невозможно помыслить небытие как несуществующее, так как небытие существует именно как идея того, что не существует. И то, что не существует является идеей-элементом объема понятия «ничто», но ведь это ничто есть нечто [2, с. 69]. В опыте религиозной, философской, художественной, научной мысли идея и понятие ничто существует как нечто вдохновляюще греющее сознание слово, мысль, идея. Идея ничто есть греющая сознание человека идея, которую он использует в том или ином смысле. Идее ничто придают различные значения, которые чаще всего выступают в образе согревающего надеждой или вспышкой аффекта нонсенса. Этот образ ничто существует как нечто эстетически созерцаемое, логически понимаемое, религиозно или художественно наполняемое.

Дополнением к классу «всё» не может относиться ни один класс, в том числе и класс пустого множества, так как класс пустого множества уже включается в класс «всё». В итоге, получается, что дополнения к классу «всё» не существует, существует только всё, сплошное «всё» как бы заполняет всё, и кроме него ничего нет. И тут мысль выворачивается наизнанку вместе с языком, без которого мысль не существует, и мыслит то, что «ничего» действительно есть, так как кроме всего ничего нет, а значит, ничего есть как то, что отсутствует. Ничто действительно есть как то, что не существует ничего, кроме всего. И в этой форме утверждения отсутствия чего-либо кроме всего, и существует само ничто. И тут же само оно как ничто включается в это всё.

Как идея «ничто» существует, как реальность «ничто» отсутствует. Например, если понятие «ничто» содержательно представить как идею

отсутствия чего-либо, то в объем этого понятия будут входить идеи ничто, в разных головах возникающие как существующие идеи. Если понятие ничто представить как знак, указующий на реальное небытие, то в таком случае в объем этого понятия не будет входить ни один элемент, это понятие будет пустым. И здесь интересно то, что понятие ничто будет действительно пустым, знак ничто будет указывать в пустоту. Знак понятия ничто имеет означаемое, но не имеет означающего, но как раз этот факт неимения означаемого как будто демонстрирует действительное наличие отсутствия. И тогда объем рассматриваемого понятия имеет элементом само это присутствующее отсутствие. Поэтому, понятие «ничто» по своему объему не является пустым.

Диалектические спекуляции в логических цепочках рассуждений полезны в процессе освоения или поддержания, или углубления философской формы мышления [4, с. 26]. Философское мышление всякого индивида движется на основе его личного уровня приобщения к культурным моделям различных областей знания, а также на базе его генетического склада ума, жизненного опыта, привычек и склонностей. Продукты философского мышления создаются на основе эклектического материала: смеси знаков выстраиваются благодаря смеси методов, распределяющих смеси освоенных знаний. Роль диалектики в логическом исследовании особого рода понятий, категорий оказывается неизбежной, так как мышление в процессе осмысления таких понятий выталкивает на «карусель» постоянной взаимообратимости противоположностей и противоречий. Так же как понятия жизни и смерти взаимно воссоздают друг друга в процессе их осмысления, так как эти понятия являются соотносительными в своих определениях, то и некоторые иные парные категории требуют такого диалектического подхода к себе.

«Всё» это «ничто», а «ничто» это «всё». Вот известные формулы диалектической логики. Они существуют как особые заключения диалектики понятий. Но каждый раз требуются субъективные ходы мысли для выведения данной формулы: нужно своим собственным путем, но при этом и с помощью разработок диалектической логики заключить в ходе рассуждений такой же тезис. Ссылки на чьи-то удачные умозаключения по этому поводу не вызывают существенного интереса, какой может быть вызван собственным путем достижения выведения данной мысли. Необходимо творческое повторение выведения подобной формулы «всё-ничего», но не приобщение к неизменному эталону такого рассуждения, в ходе которого получена данная формула [4, с. 18]. Возможно

ли в ходе такого рассуждения рациональная логическая непрерывность и достоверность? Или же здесь понадобятся литературно-поэтические образы, прерывистость произвольно связанных цепочек образов и идей.

«Всё» как понятие — понятие многозначное. Какое его значение нужно избрать, чтобы удобнее было диалектическое выведение из него понятия «ничто»? Всё — это Вселенная. Вселенная — это всё что существует, вся совокупность элементов действительности и фантазии. Если человек пытается представить себе это всё и если он желает строго помыслить и представить себе это всё, то перед его мысленным взором возникает предельно неопределенное нечто образа, который ничего конкретного не допускает в свои пределы. Ни это ли есть образ ничто. В это «всё» входит всё мыслимое и немислимое, всё известное и неизвестное, всё физическое и метафизическое, реальное и идеальное, и совместное присутствие всего того, что существует, дает образ не то чтобы предельно не выятный, но ведь просто даже невозможно себе представить такой образ всего. Этот образ представить невозможно, следовательно, такого образа не существует. Итак, представляя образ всего, мы пришли к тому, что такой образ не существует, а значит, он есть образ-ничто или ничто образа, ничто образа всего.

Если помыслить понятие «ничто» таким способом, чтобы оно трансформировалось в понятие «всё», то диалектическое единство этих противоположностей окажется очевидным и ладным, что можно обозначить как форму эстетического удовольствия. Вообще стоит упомянуть об эстетическом характере диалектического логического конструирования, он имеет творческий смысл, так как каждый раз по-разному необходимо воссоздавать цепь диалектического рассуждения. Эта цепь часто имеет индивидуальный характер и требует личностной смеси понятийных значений и применение усвоенных способов мышления. Если ничто — это отсутствие чего-либо, то ничто — это всё то, что отсутствует. Если ничто — это всё то, что отсутствует, то ничто есть всё отсутствующее. Если всё — это всё то, что присутствует, то всё есть всё присутствующее. Если всё присутствующее есть бытие, то всё присутствующее есть ничто небытия. Таким образом, всё есть ничто небытия. Ничто есть ничто бытия. Всё есть всё бытия. Ничто есть всё небытия.

В результате рассмотрения диалектики и логики данных понятий и в рамках темы диалектическая логика можно выделить два полезных процесса для индивидуального интеллектуального развития собственной философской формы или поддержа-

ния в тоне мыслительной способности. Первый процесс связан с чтением значительных трудов по диалектической логике и диалектике, где важен тщательный путь продумывания авторских ходов мысли, приобщение к особенной логической связи сотворенных рассуждений [6, с. 28]. Второй процесс связан с самостоятельными попытками сотворения логической связи диалектической связи каких-либо понятий и категорий без специальной опоры и цитирования классических образцов диалектической логики. Философский уровень размышления это не научный уровень, так как он связан с сингулярной, сугубо неповторимой и единичной формой осмысления собственного мышления, мышления по поводу чего угодно [3, с. 15—16]. Поэтому, первый процесс необходим для воспитания вкуса к философскому мышлению, которое немислимо без диалектики и логики, развития внимания и вкуса к труду понимания мыслительных проходов, переходов, связей, развязок, превращений и обращений. Второй процесс необходим для того, чтобы развить собственный вкус, узнать собственную идею мысли, в процессе самопознания собственной мыслительной

способности постоянно совершать попытку как бы вытащить в свет сингулярную, сугубо личностную сеть-слепок своего мозгового характера мышления. Роль диалектики в этих двух процессах особенная, она позволяет развить софистическую пластичность мышления, позволяет развить критическую способность по отношению к логическим формам мысли и тем самым еще более строго и утонченно логически мыслить в ходе личностного развития понимания универсальных логических форм и понятий [7, с. 275—276]. Соотношение диалектической логики с жизнью, природой и научным мышлением проблематично и требует особенной индивидуальной заинтересованности в этом, но выявление таких связей, безусловно, может оказаться продуктивным в ходе формирования личного мировоззрения. Важным является не столько уверенность в связи мира и личной формы философствования, хотя эта связь является важной в личном удовлетворении и удовольствии от понимания себя и мира, а сколько индивидуальная выраженность качества этой формы и способность её творческой трансформации в процессе самопознания сознанием.

Список литературы

1. Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. М. : Академ. проект, 2011. 538 с.
2. Гегель, Г. Наука логики / Г. Гегель. СПб. : Наука, 2005. 800 с.
3. Делез, Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87 / Ж. Делез. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 337 с.
4. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.
5. Суханов, К. Н. Логика : учеб. пособие / К. Н. Суханов. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. 217 с.
6. Церетели, С. Б. Диалектическая логика / С. Б. Церетели. Тбилиси : Мецниереба, 1971. 363 с.
7. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. М., 1967. С. 275—276.

Сведения об авторе

Граханов Денис Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск. Россия. grakhanov@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 116—120.*

Dialectics and logic of the concepts of “nothing”, “everything” in the practical study of the individual form of philosophizing

D.A. Grakhanov

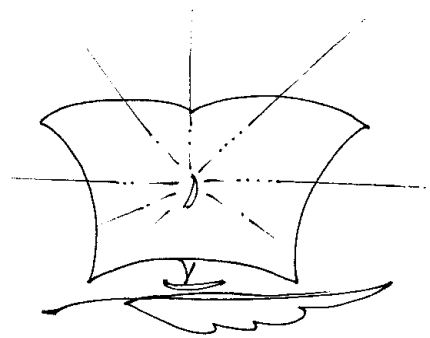
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, grakhanov@mail.ru

Some logical and dialectical features of the philosophical concepts mentioned in the topic are considered in order to demonstrate the idea of the creative and procedural nature of philosophical reasoning. The necessity of an individual form of dialectical understanding of universal concepts and categories is shown.

Keywords: *nothing, everything, dialectics, creative process of reasoning, scope of concept, element of reality, class of elements.*

References

1. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow, Academic project, 2011. 538 p. (In Russ.).
2. Gegel' G. *Nauka logiki* [Science of logic]. St. Petersburg, Nauka, 2005. 800 p. (In Russ.).
3. Delez G. *Leksii o Leibnitse. 1980, 1986/87* [Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 337 p. (In Russ.).
4. Delez G. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg, Petropolis, 1998. 384 p. (In Russ.).
5. Sukhanov K.N. *Logika* [Logics]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2012. 217 p. (In Russ.).
6. Tsereteli S.B. *Dialekticheskaya logika* [Dialectical logic]. Tbilisi, Metsniereba, 1971. 363 p. (In Russ.).
7. Engel's F. Lyudvig Feierbakh i konets klassicheskoi nemetskoi filosofii [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. *K. Marks, F. Engel's. Sochininiya* [K. Marx, F. Engels. Works]. Vol. 21. Moscow, 1967. Pp. 275—276. (In Russ.).

*Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 121—126.*

УДК 101.8
ББК 87.6

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10217

Субъектные трансформации принципа монизма в объяснении социального (в анализе социальной концепции Г. В. Плеханова)

В. А. Жилина, Д. В. Гранин

*Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия*

Статья посвящена проблеме исследования социального, в частности, проблеме семантического наполнения и методологической эффективности принципа монизма. В сравнительном анализе основных положений классического марксизма и социальной концепции Г. В. Плеханова в статье раскрыто содержание принципа приоритетного монизма. Гипотеза данного исследования заключается в предположении, что в современной социальной практике социальный субъект активен на уровне причины, что позволяет в теории констатировать некоторую новую форму детерминизма. Раскрыта суть предлагаемой мыслителями трилеммы в объяснении основных закономерностей социального развития. Предпринята попытка универсализации принципа монистического объяснения социального через синкретичность принципа материалистического понимания истории и синергетики. Показано, что безусловным приоритетом в исследовании общества остается принцип монизма, но в силу потребностей практики существенно трансформированный. В этом контексте предпринята попытка определения специфики целостности современного социального субъекта, который определен в работе как коммуникативный. Обосновано, что согласно принципу монизма ядром целостности носителя общественных отношений может стать статус человека как человека производящего. Особое внимание уделено субъектной стороне производительных сил в концепции Г. В. Плеханова.

Ключевые слова: *принцип монизма, социум, субъект, коммуникации, марксизм, общественные отношения.*

Современное социальное развитие характеризуется кардинальным изменением международного политического климата, устойчивым кризисным состоянием мировой экономики. В свою очередь, эти процессы детерминируют нарастание противоречий коммуникационных и информационных потоков, которые доминируют в системе общественных отношений. Следовательно, в общей оценке социального поля констатируется неустойчивость отдельных социальных организмов. Культурная среда становится агрессивной в отношении собственных носителей [3]. В измененных социальных условиях наблюдается формирование нового социального субъекта, который в срезх социально философского анализа может быть оха-

рактеризован как коммуникативный. Новый социальный статус специфичен в силу многогранности самой коммуникации. Последняя может трактоваться предельно широко: от способа речезыкового включения человека в мир через коммуникацию как вид программирования собственной деятельности до экзистенциальной коммуникации как принятия Другого. Соответственно, субъектность сегодня предполагает включенность в некоторую систему, активность в качестве элемента и некое растворение в границах Другого. Но усложнение субъекта происходит и в силу обозначенных выше причин — он становится бытийно многослойным. В результате существенно меняются традиционные свойства носителя истории.

Если еще в XX веке гражданская идентичность социального субъекта выступает субстанциальным основанием его социальной активности и мобильности, то в условиях нарастания глобализации целостность субъекта выходит за его рамки и «врастает» во все феномены и институты культуры. В логике онтологического анализа бытия и экзистенции субъекта гражданская идентичность сегодня является ступенью развития гражданской позиции от простого принятия наследия культуры до критической самоидентификации. Следовательно, размытость целостности социального субъекта чревата деструкцией целостности всей культуры. Теоретическая мысль остро реагирует на данные риски, в частности, в общей логике онтологии. В рамках традиций «хорошей» метафизики поднимается вопрос о монистическом начале в истоках анализа самых разных феноменов. Более того, сегодня наблюдается некоторое возрождение «основных» вопросов философии: исследователи часто конкретизируют принцип монизма в приоритетах. Появляется даже несколько новый онтологический принцип — принцип приоритетного монизма [13]. Актуальность такого направления философского анализа подтверждается тем, что в настоящее время принцип приоритетного монизма активно исследуется и применительно к космосу в аспектах его роли ведущего материального объекта мира [2; 4]. Следует отметить, что традиционно социальная сфера более многослойна по сравнению с природной, следовательно, можно констатировать особую актуальность монистического подхода в ее исследовании. И в научных традициях социального анализа, и в философии принцип монизма в объяснении социального ассоциируется со школой марксизма, где он впервые и был обнаружен в виде принципа материалистического понимания истории. Тем самым, само обращение к наследию марксистской концепции общества актуально. Но обращает на себя внимание еще один факт. В анализе обозначенных сложных социальных процессов сегодня становится очевидным, что негативные последствия их развертывания напрямую затрагивают еще и вопросы безопасности отдельных стран, влияют на степень живучести их культур. Отсюда представляется значимым и востребованным в теории ретроспективное обращение к опыту отечественного марксизма в анализе социальных отношений в России. В частности, в моделировании целостности современного социального субъекта интерес вызывает теоретическое наследие Г. В. Плеханова, в котором сочетается традиционный для марксизма универсализм монистического снятия истории с уникальностью работы данно-

го методологического принципа в исследовании именно самобытности российского общества.

Инновационным элементом современного монистического принципа исследования социальной целостности следует считать его градуированность. Другими словами, онтологический принцип сегодня далек от метафизической демаркации отдельных сторон или свойств, а, напротив, нацелен на выяснение поля взаимодействия отдельных свойств социального субъекта. Это отвечает напрямую запросам практики, так как в предельных основаниях коммуникативный субъект — это новая форма мировоззрения человека, где элементарная самоидентичность неизбежно должна детерминировать монистическую форму в целях минимизации риска потери субъектом самого себя.

Неопределенность соотношения онтологических уровней социального субъекта существенно меняет монистическое снятие его целостности. Если ранее, например, марксистская философия видела работу принципа монизма в объяснении истории в поле деятельности носителя общественных отношений, то сегодня социальный анализ вслед за практикой делает акцент на аксиологическом отношении субъекта к среде и к самому себе. Современная философская мысль сегодня уже подводит к констатации нового типа социального детерминизма [14].

В анализе марксистских направлений мысли обнаруживается различие классического направления и отечественной школы. Традиционный принцип материалистического монизма настаивает на доминанте бытия в отношении общественного сознания и на особой роли базиса как совокупности производственных отношений в системе социума. Отечественный марксизм в силу многих причин акцентирует больше внимание на роли надстройки. Концепция Г. В. Плеханова в отношении социального субъекта вообще преломляет принцип монизма в активном социальном действии, в частности, через анализ роли выдающихся личностей в истории. Но в любом случае и в любой форме детерминизма данные философские системы исходят из того, что причина онтологически порождает следствие. В этом аспекте следует отметить, что современный философский подход принципиально меняет суть принципа монизма: субъект сегодня признается активным и на уровне действия причин. Формируется некоторая трилемма: причина, следствие, субъект. Роль последнего в том, что он участвует в механизмах причинной связи, агрегируя причины. Объективно значимым становится не только выбор субъектом наиболее ценных моментов, но и принципиальное иное понимание личной ценности: это все та

же определенная сумма взвешенных результатов действия, но вес каждого результата может существенно отличаться от вероятности, которую субъект ему изначально приписывает [1]. Отсюда становится понятным почему принцип монизма сегодня уточнен как принцип приоритетного монизма и почему в логике философской мысли происходит определённое отрицание отрицания через возвращение к вопросу классической философии: что первично? Одновременно такая трансформация рождает и достаточно серьезный риск нивелирования роли субъекта в поле социальной онтологии [12].

Данные риски возникают из противоречивого столкновения объективной и индивидуальной детерминации. Отчасти понять суть роли такого противоречия в системе социальных закономерностей поможет ретроспективный анализ марксистского принципа материалистического монизма в истории. Как уже отмечалось выше, марксизм как социально-философское учение семантически неоднороден. Если сами классики учения больше настаивают на объективно закономерной роли базиса в естественном процессе истории, то, например, в исследовании социальных воззрений Г. В. Плеханова обнаруживается особое акцентирование именно на сознательной роли субъекта и в действии объективных законов общества. В решении современных актуальных социальных задач такая позиция может служить универсальным теоретическим основанием, так как коммуникации как детерминанта развития общества с необходимостью требуют субъекта. В этом аспекте следует заметить, что плехановская концепция общественного развития отлична от классического марксизма пониманием соотношения случайного и необходимого в истории. Признав ведущую роль принципа материалистического монизма, Плеханов в реальном социальном анализе вследствие «практической» привязки к социальным процессам в России своего времени не может не обратить внимание на сознательно волевое участие субъекта в социальном событии. «Влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» [5, с. 326]. Но экономическая ориентированность марксизма в целом провоцирует и в этом случае упрощение модели носителя общественных отношений через сведение его сущности исключительно к общей социальности [6].

Современная философская мысль предлагает рассматривать проблему многослойности субъекта

и аспекты теоретической трансформации принципа монизма в ее исследовании в рамках синкретического подхода, соединяющего методологию синергетики и положения принципа материалистического монизма [9]. Представляется, что такая методология эффективна в плане получения реальных практических решений, так как субъект предстает как некоторая саморазвивающаяся система, имеющая определённые точки бифуркации и, соответственно, флуктуации способны естественным путем приводить к появлению новых структур [7; 8; 10; 11]. Следовательно, принцип приоритетного монизма «погружается» во внутренние структуры социального субъекта и, самое главное, из него элиминируется линейная схематичность объяснения. Можно констатировать, что применение новой методологии в исследованиях возвращает им антропологическую составляющую.

С точки зрения академического философского подхода марксизм Плеханова представляет интерес в обнаружении в трактовке социального субъекта экзистенциальных характеристик, что, в целом, не характерно для этой школы. При этом общая особенность российской культуры, когда внешние причины рассматриваются как деструктивный фактор в отношении целостности общества, детерминирует сохранение самого человека и в структуре производительных сил. Стержнем, на который могут быть нанизаны все социальные «ипостаси» субъекта, определяется такая грань социального субъекта как человек производящий. Это в теории выводит на проблематику коллективного субъекта. Коллективный субъект — это не суммирование индивидуальных социальных единиц. Отдельные люди объединены целью преобразовать общество, но при этом сохраняют собственную индивидуальность. Безусловно, при анализе конкретных ситуаций в теории Г. В. Плеханова чувствуется метафизический разрыв субъектности социальной сферы: историю творит народ, а образ ей придают отдельные личности. Но и в этом случае в его попытках моделирования социального сохраняется значимый тезис: общественные отношения формируют человека, но эти общественные отношения сотворены человеком.

В анализе истории данное кардинальное противоречие: человек подчиненный и человек творящий Г. В. Плеханов рассматривает в дилемме сознательное — стихийное. В преломлении такого подхода в поле рассматриваемой здесь проблемы принципа монизма следует заметить, что приоритетный монизм в отношении субъекта основанием может иметь только сознательную активность

человека. Глобализация с необходимостью требует творческого отношения субъекта к социальному бытию и, тем самым, рождает новую форму противоречия: индивид творящий против субъекта, теряющего индивидуальность. Выход «подсказывает» коммуникация: субъект собирается в целое через выделение собственной активности. При этом его характер свидетельствует о трансформации статуса: сегодня он инновационная сила истории, а принцип приоритетного монизма констатирует его в качестве активной, коммуницирующей в режиме диалога причины социального развития. Такой подход во многом объясняет каким образом безличная глобалистика обретает черты субъектности. Получается, что современная эпоха подтверждает правоту просветителей: во всех многообразных проявлениях человек сохраняет свою сущность — это существо, способное начать собственный причинный ряд. Однако действие принципа монизма в объяснении этой сущности иное: формируемая человеком причина направлена не вовне, а вовнутрь. Другими словами, причины, множимые человеком, множат его социальную сущность. С одной стороны, такое понимание преемственно с традиционной трак-

товкой человека: человек сохраняет свои позиции в мире, которые были легализованы еще христианством. Но, с другой, — этот статус Властелина сегодня иной. Субъект даже в основаниях общественной природы не типичен, а уникален. И уникален не благодаря соотнесенности с некоторой трансцендентной силой, а сам по себе. Он брошен в мир, одинок и изолирован при многослойности сущности.

Трудно спорить с тем, что от такого кардинального изменения сущности человека принципиально меняется наполнение исторического процесса. И современное социальное развитие — это не только следствие определенного этапа развития производительных сил, но и опредмеченная форма социальных отношений, в основании которых лежит измененный субъект социума. Значимость социального анализа Г. В. Плеханова сегодня определена эффективностью использования им принципа монизма в трактовке личностного начала субъектов. В его концепции основанием целостности носителя истории выступает объективная общественная потребность. Сегодня приоритетом монистического толкования социального субъекта может служить внутренняя смысловая идентичность.

Список литературы

1. Бородин, Л. И. Историческая синергетика: еще раз о роли личности в истории / Л. И. Бородин // XXI век: актуальные проблемы исторической науки : материалы междунар. науч. конф. посвященной 70-летию БГУ. Минск : БГУ. 2004. С. 308—310.
2. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. СПб. : Лань. 1999. 480 с.
3. Жилин, А. Ю. Метаморфозы социализации современного человека / А. Ю. Жилина, В. А. Жилина // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 19 (374). С. 88—91.
4. Князева, Е. М. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. М. Князева, С. П. Курдюмов. СПб. : Алетея, 2002. 414 с.
5. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1956. С. 300—335.
6. Плеханов, Г. В. О материалистическом понимании истории / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1956. С. 236—266.
7. Пригожин, И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. М. : Прогресс. 1994. 272 с.
8. Пригожин, И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин. Ижевск : Ижевская республиканская типография. 1999. 216 с.
9. Сидорцов, В. Н. К вопросу о роли личности в истории: взгляды Г. В. Плеханова и представителей синергетики / В. Н. Сидорцов // Российские и славянские исследования : науч. сб. / Белорус. гос. ун-т. ; отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский [и др.]. Вып. 3. Минск, 2008. С. 165—169.
10. Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М. : Прогресс Традиция 2004.
11. Хакен, Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен. М. ; Ижевск : Ин-т компьютер. исследований. 2003. 320 с.
12. Johnston, M. The subject and its apparatus: are they ontological trash? / M. Johnston // Philosophical Studies. 2020. URL: <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01543-7>
13. Kovacs, D. M. What is priority monism? / D. M. Kovacs // Philosophical Studies. 2020. URL: <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01588-8>.

14. Nissan-Rozen, I. Weighing and aggregating reasons under uncertainty: a trilemma / I. Nissan-Rozen // *Philosophical Studies*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01587-9>.

Сведения об авторах

Жилина Вера Анатольевна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. Магнитогорск, Россия. vera-zhilina@yandex.ru

Гранин Денис Владимирович — аспирант кафедры философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. Магнитогорск, Россия. philosophy-magtu@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 121—126.

Subjective transformations of the principle of monism in the explanation of the social (in the analysis of the social concept of G.V. Plekhanov)

V. A. Zhilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia. vera-zhilina@yandex.ru

D.V. Granin

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia. philosophy-magtu@rambler.ru

The article is devoted to the problem of social research, in particular, the problem of semantic content and methodological effectiveness of the principle of monism. In a comparative analysis of the main provisions of classical Marxism and the social concept of G. V. Plekhanov, the article reveals the content of the principle of priority monism. The hypothesis of this study consists in the assumption that in modern social practice, the social subject is active at the level of cause, which allows us to state a new form of determinism in theory. The essence of the trilemma proposed by thinkers in explaining the basic laws of social development is revealed. An attempt is made to universalize the principle of monistic explanation of the social through the syncretism of the principle of materialistic understanding of history and synergetics. It is shown that the absolute priority in the study of society remains the principle of monism, but due to the needs of practice, it is significantly transformed. In this context, an attempt is made to determine the specifics of the integrity of the modern social subject, which is defined in the work as a communicative one. It is proved that according to the principle of monism, the core of the integrity of the carrier of social relations can be the status of a person as a person producing. Special attention is paid to the subjective side of the productive forces in the concept of G. V. Plekhanov.

Keywords: *principle of monism, society, subject, communication, Marxism, social relations.*

Reference

1. Borodin, L.I. *Istoricheskaya sinergetika: eshche raz o roli lichnosti v istorii* [Historical Synergy: Once Again about the role of the Individual in History]. *XXI vek: aktual'nye problemy istoricheskoy nauki* [21st century: topical problems of historical science]. Minsk, BGU, 2004. P. 308—310 (In Russ.).
2. Vasil'kova V.V. *Poryadok i kaos v razvitii social'nyh sistem: Sinergetika i teoriya social'noj samoorganizatsii* [Order and chaos in the Development of Social Systems: Synergetics and Theory of Social Self-organization]. St. Petersburg, Lan', 1999. 480 p. (In Russ.).
3. Zhilin A.Yu., Zhilina V.A. *Metamorfozy socializatsii sovremennogo cheloveka* [Metamorphoses of socialization of modern man]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2015, no. 19 (374), pp. 88—91 (In Russ.).
4. Knyazeva, E.M. *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* [The Foundation of Synergy. Modes with Peaking, Self-organization, Temporary]. St. Petersburg, Aleteya, 2002. 414 p (In Russ.).
5. Plekhanov, G. V. *K voprosu o roli lichnosti v istorii* [On the Role of Personality in History] *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya: v 5 t. T. 2* [Selected philosophical works: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, Gospolitizdat, 1956. Pp. 300—335 (In Russ.).

6. Plekhanov G.V. O materialisticheskom ponimanii istorii [On the Materialist Understanding of History]. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya: v 5 t. T. 2* [Selected philosophical works: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, Gospolitizdat, 1956. Pp. 236—266 (In Russ.).
7. Prigozhin I. *Vremya, haos, kvant* [Time, Chaos, Quantum]. Moscow, Progress, 1994. 272 p (In Russ.).
8. Prigozhin I. *Konets opredelennosti. Vremya, haos i novye zakony prirody* [The End of Certainty. Time, Chaos and New Laws of Nature]. Izhevsk, Izhevskaya respublikanskaya tipografiya, 1999. 216 p (In Russ.).
9. Sidorcov V.N. *K voprosu o roli lichnosti v istorii: vzglyady G.V. Plekhanova i predstavitelej sinergetiki* [On the Role of Personality in History: Views of G.V. Plekhanov and Representatives of Synergetics]. Iss. 3. Minsk, 2008. P. 165—169 (In Russ.).
10. *Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya* [Synergetic Paradigm. Cognitive and Communicative Strategies of Modern Scientific Cognition]. Moscow, Progress Tradiciya, 2004. (In Russ.).
11. Haken, G. *Tajny prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodejstvii* [Secrets of Nature. Synergetics: the Doctrine of Interaction]. Moscow, Izhevsk, Institut komp'yuternyh issledovaniy, 2003. 320 p (In Russ.).
12. Johnston, M. The subject and its apparatus: are they ontological trash? *Philosophical Studies*, 2020. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01543-7>.
13. Kovacs D.M. What is priority monism? *Philosophical Studies*, 2020. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01588-8>.
14. Nissan-Rozen I. Weighing and aggregating reasons under uncertainty: a trilemma. *Philosophical Studies*, 2020. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01587-9>.

УДК 13
ББК 71.07

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10218

Философские лекции А. И. Галича в коллекции Ульяновской областной научной библиотеки

В. А. Гуркин

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

На примере создания Симбирской Карамзинской общественной библиотеки прослежена личная преемственность просветительских идей между немецкой романтической философской школой и русской романтически-просветительской традицией. Петербургский философ А. И. Галич был учителем философии у А. М. Языкова в 1820-е годы и в значительной степени повлиял на его взгляды. В приложении представлен текст вступительной лекции Галича «Введение в философию», записанной А. М. Языковым.

Ключевые слова: *А. И. Галич, А. М. Языков, В. В. Розанов, Симбирская Карамзинская общественная библиотека.*

На вопрос о том, что такое просвещение, Иммануил Кант дал ответ, что это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Далее он добавляет: «Ведь так удобно быть несовершеннолетним! Если у меня есть книга, мыслящая за меня... то мне нечего и утруждать себя» [1, с. 25]. Эти слова были сказаны в 1784 году, когда в России еще и не существовало общественных библиотек. В этом отношении прежде чем отказаться от книги, чтобы попытаться думать самостоятельно, надо было сначала создать пространство где все желающие могли бы знакомиться с книгами. В Симбирске публичная библиотека появилась благодаря усилиям нескольких симбирских дворян, и в первую очередь — братьев Языковых, как памятник знаменитому земляку — Николаю Михайловичу Карамзину историку, как возможность осуществлять те просветительские идеи, освещавшие все творчество.

Мы мало знаем о духовной жизни провинциального Симбирска в начале XIX века, но русская литература того времени достаточно ярко характеризует эту жизнь. Здесь можно вспомнить эпатажное высказывание молодого Николая Языкова — «Симбирск — это болото человеческих глупостей» [4, с. 408] или слова мужа его сестры, морского офицера А. Д. Валуева — «Если бы я должен был вечно жить в Симбирске, то скорее согласился бы быть лошадей, чем симбирским дворянином» [4, с. 408]. При такой ситуации становится ясно, почему средний из братьев — Александр Языков так радовался первым читателям библиотеки: «Читают уже двадцать человек дома с залогами и сорок постоянно в комнате библиотеки. Петр Михайлович пишет, что чрезвычайно умилительно и отрадно видеть в Симбирске сорок

человек, сидящих вместе и читающих! — У нас можно сидеть вместе ежедневно и более сорока человек, но за картами. Дворянство же Карамзинской Библиотекой не пользуется, оно удерживает за собой карты, а книги уступает низшим классам народа — черта истинно аристократическая и современная!» [2, письмо от 05. 05.1848].

16.06.1846 Языков пишет: «Весть о библиотеке меня порадовала; авось и в Симбирске станут читать и просвещаться; право жаль смотреть на дикий застой, который у нас царствует. Заведение это мы поддержим, станем руководить и помогать... В нашем Богом спасаемом граде учреждена еще библиотека при клубе; тут получают много Журналов и почувствовали необходимость в книгах» [2].

Все бремя организационных вопросах взяли на себя Языковы: «Брат П(етр) М(ихайлович) все занимается учреждением Карамзинской библиотеки и почти все подготовил к открытию; теперь идет составление каталогов и прочее. Начальство и дворянство помогает плохо; все надобно делать насильно и с большим трудом. Заведение, которое в образованном государстве встретило бы общее и радужное участие всех, здесь не вживается и может держаться только неотвязчивою силой двух-трех беспокойных просветителей...» [2, письмо от 3.09.1847].

В истории публичной библиотеки в Симбирске есть любопытное обстоятельство, в котором прослеживается преемственность между идеями западноевропейского просвещения с жизнью сонного Симбирска через произведения тех русских профессоров, какие учились в Германии в начале XIX века. Одним из этих профессоров был Александр Галич, любимец учеников Царскосельского лицея (в том числе и молодого Пушкина).

Александр Языков учился в Горном кадетского корпусе в Петербурге и слушал философские лекции Галича у него на дому. И хотя Александр Языков не стал философом в профессиональном отношении, однако смог воспринять и передать любовь к философии и своему брату поэту Николаю и своей младшей сестре Екатерине, ставшей впоследствии женой славянофила Алексея Хомякова и хозяйкой знаменитого литературного салона в Москве. Более того, Александр воплотил просветительские идеи в создании Симбирской Карамзинской общественной библиотеки. Как далекое свидетельство этого периода юношеского знакомства с философией в отделе рукописей Ульяновской областной научной библиотеки сохранились пять курсов лекций, записанные Языковым у Галича.

Карамзинская общественная библиотека послужила связующим звеном в цепи личной преемственности просветительских идей между немецкой романтической философской школой, которую прошел Галич в Гельмштадте и в Геттингене — русской романтически-просветительской традицией, к которой относились братья Языковы, но не только. Спустя два десятилетия, в Симбирске учится будущий известный литератор и философ В. В. Розанов. Именно благодаря тому, что в это время там уже была прекрасная общественная библиотека, он смог уже в зрелые годы назвать Симбирск своей духовной родиной. В частности, он так охарактеризовал значение библиотеки в своей жизни: «Да будет благословенна Карамзинская библиотека! Без нее я думаю, невозможно было бы осуществление этого «воскресения», даже если бы мы рвались к нему... «величественные и благородные люди города» установили прекрасное и местно-патриотическое правило, по которому каждый мог брать книги для чтения домой совершенно бесплатно, внося только 5 руб залога... Когда я узнал ... что книги выдаются совершенно даром, даже мне, такому неважному гимназисту, то я точно с ума сошел от восторга и удивления!.. «Так придумано и сколько доброты». Довольно эта простая вещь, простая филантропическая организация поразила меня великодушием и «хитростью изобретения»... это отделялось всего несколькими месяцами от времени, когда я уже читал Бокля и конспектировал «Физиологические письма» К. Фохта» [3].

Как видно, эта просветительская преемственность оказалась намного более эффективной, чем связь идей во многих официальных учреждениях. Не случайно, оценивая достопримечательности Поволжья, В. В. Розанов писал: «В самом деле, Казанский университет, Карамзинская библиоте-

ка в Симбирске и Радищевский музей в Саратове суть выдающиеся точки культуры на Волге» [3].

Такое положение дел происходило и во всех остальных организациях культуры и образования, когда социальные инструменты, предназначенные для распространения просвещения, оказывались по большей части не задействованными. И лишь там, где дело держалось на нескольких энтузиастах, то и могло произойти что-нибудь хорошее. Видимо, эта особенность отечественной культуры должна быть принята как одна из характерных и здесь мы вынуждены согласиться с уже цитированным горьким выводом Языкова в связи с теми трудностями, которые им пришлось преодолевать при открытии Карамзинской общественной библиотеки: «Заведение, которое в образованном государстве встретило бы общее и радушное участие всех, здесь не вживается и может держаться только неотвзвизчивою силой двух-трех беспокойных просветителей...».

Приложение (из лекций А. И. Галича) [4]. Введение в философию

§ 1. Всякое занятие человека искусствами и науками основывается на известных расположениях и потребностях физической или духовной его природой, делающих подобные занятия необходимыми.

Исследовав расположения и потребности, на каких основывается наука, получаем определенное понятие о цели и средствах всей науки: итак, чтобы найти цель чудесной по многим отношениям науки философии, надобно взойти к началу тех подробностей духа человеческого, из коих истекает всякое любознательство и кои причины исследуемы философией.

§ 2. Всякое любознательство рождает в духе человеческого неудовлетворенность теми познаниями о мире, какие доставляют ему опыт и чувственные наблюдения: ибо если бы подобные познания удовлетворяли его, то он и оставался бы при одном рассматривании позорища света, т. к. опыт являет оное и не размышлял бы ни о чем далее; но побуждаемый разумом желает он истолковать себе начало цель и исход вещей в мире, поставляя сие средством к просвещению всего рода — философское умозрение.

Итак, справедливо можно сказать: загадочные вещи, усматриваемые в бытии, устройстве и назначении мира, подают повод к любознательности, которое всегда имеет целью разрешить и пояснить оные задачи; или, другими словами: философ, недовольствуемый чувственным рассматриванием мира, творит себе лучшее совершеннейшее об оном познание.

§ 3. Загадочные явления в мире, с одной стороны, и способ, каким философ решает оные, с другой стороны, составляют вместе дух его философии.

§ 4. Великие загадки в жизни мира разрешаемы были духом человеческим разными — и потому ложными способами: ибо единая Вселенная, едино и истинное об той познание; и истинная философия должна быть объективно истинною. Для сего определим признаки, входящий в понятие философии.

§ 5. Хотя предмет сей науки широк и до сих пор остается спорным, однако как философия производится самостоятельностью разума и при том по известным видам, то разум и может показать в полной мере то, что он преднамеревает в своем стремлении, или может дать определенное понятие о науке, хоть бы не имея даже подлинного познания о предмете оной.

§ 6. Философия есть наука и потому требует чтоб принятие чего-либо за истину сопровождалось внутренним принуждением или было непреложно, и чтобы разные части познания состояли между собой в законной связи. Первый характер исключает в ней всякую вероятность или правдоподобие, второй — сообщает ей систематическое единство.

§ 7. Но к природе души нашей принадлежит также и побуждение отыскивать всему условно существующему безусловную причину, т. е. такую, в рассуждении коей неможно и ненужно спрашивать ни о чем другом. Сие то особенное стремление разума человеческого доходит не до ближайшей причины ближайшего явления, но до последней основы всего данного, стремления, которое одно удовлетворяет настоятельную потребность духовной нашей природы и чуждо человеку на всяком другом пути познания, — отличает и самую философию, как науку о безусловных началах всякого конечного, зависимого бытия.

§ 8. Данный характеристический признак философии, заимствованный из существа самой вещи, был всегда и всеми любомудрами подразумеваем. Разногласие происходит частью от того, что в определение науки всяк из них вносил и свое безусловное, которым мнил истолковать великую загадку мира. К философии принадлежат суждения двоякого рода: а) об условном и его качествах и б) безусловном: первые общи ей с другими науками и составляют ее материи; вторые — свойственны ей исключительно и составляют ее отличительную форму.

§ 9. Четыре безусловно великие идеи, истины, изящества, правоты и благости, называемые четвероякое, отношение человека к самому себе,

частью к предметам внешним, необходимо разделяют и саму философию на четыре главные отрасли: Метафизику, Эстетику, Правоведение и Нравовучение.

Науки, каковы Психология и Логика, не касающиеся безусловных начал тех законов, под коим состоит деятельность душевных сил, не принадлежат к философским, хотя и составляют необходимое приготовление к оным.

§ 10. История философии искони была историей бесконечных прений и разногласий, причины коих должны заключаться в существе человеческого духа, вообще предназначенного к развитию многосторонней и разнообразной. Хотя один и тот же мир действует на дух человеческий, возбуждая его к размышлению, но он не во всех людях изображается одинаково, здесь много зависит также от естественной способности, равно как и образования оной, по сему весьма естественно, если:

- а) устройство в мире объемлется философами в совершеннейшем или недостаточнейшем виде, и если:
- б) одно и то же загадочное явление для одних важнее нежели для других

Еще же более разность производит способность любомудров составлять и порождать в себе идеалы, т. е. образцы совершенства, превышающего все, что усматривается на опыте. Разрешение загадки мира не дается из вне, а совершается внутренним актом творящей силы, которая состоит в связи с неограниченной в своих действиях фантазией. Истина основывается на доверии к изречениям внутреннего сознания, — сие же сознание объемлет в себе сведения и чувствования или ощущения, следовательно, смотря по тому, сильнее ли действуют в философе понятия и общие начала познавательной способности, или же движение способности чувствующей, смотря по тому и служат для философа либо оныя понятия и общие начала, либо же сии движения сердца, источником мудрости и нередкою истины.

§ 11. Поскольку философия есть произведение самодеятельности духа, которое определяется особенным свойством каждого, то и не может быть изучено, а предполагает известный талант — философский ум, которому принадлежит: частью правильное и многообразное наблюдение света, частью же способность составлять идеалы, воскреляющие над всем обыкновенным; в прочем как любомудрствование должно совершаться по известному методу или известным правилам, то наставления по этому предмету и возможны, и нужны.

§ 12. Вопрос: к чему пригодна философия? Значит, другими словами, к чему пригоден для

человека разум? Ибо любомудрствование о мире и об отношении нашем к нему есть собственная жизнь и деятельность разума; которым человек отличается от животных.

Философия занимается высочайшими предметами для духа человеческого, и коль скоро сей дух достиг известной степени образования и получил вкус к занятиям важным, то знает, какой интерес имеет для него идеи о существовании совершеннейшем, о премудром соглашении вещей в мире, о назначении человека, о несомненном знании и т. п. Вообще, она не служит удовлетворению суетного любопытства, но в надлежащем применении может иметь благодетельное влияние не только во все науки, но и во все дела, касающиеся назначения человеческого: ибо как человеку во всем суждено поступать от худшего к лучшему, то философия отменно способствует такому возвышению духа над всем заоблачным ежедневным, — воздвигая идеалы и побуждая к совершенству, которого хоть нельзя достигнуть в полной мере, но к которому приближаться значит уже много.

§ 13. Впрочем, сии выгоды философия доставляет только тогда, когда не употребляют ее на служение другим наукам, ибо в сем случае отторгают ее от корня, т. е. разума, и обращают на прикрасу учений, не состоящих ни в какой связи с потребностями человечества. Философия имеет собственную свою цель и преуспевает лишь тогда, когда свободные размышления одушевляются чистою и постоянною любовью к истине.

§ 14. Правда, под предлогом философского просвещения, часто проповедуемы были неверие и злочество, осмеиваема святыня, нарушаемо общественное спокойствие и пр.; но считать философию ради всех причин вредною для веры, добродетели, гражданского благосостояния, значит, смешивать истинную мудрость с ложною; и заблуждение может ослеплять дух человеческий, но не всегда, — пусть дух сей обнаруживает свои мысли и чувствования вольно, без всяких предписаний — и он сам собою, внутренней силою, одолеет все то, что не происходит от разума и истины; где же он подавлен, там заблуждения неизбежны и вечны.

Список литературы

1. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // И. Кант. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6. М., 1966.
2. Переписка А. М. Языкова и В. Д. Комовского // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 348. Оп. 2, № 1.
3. Розанов, В. В. Русский Нил // В. В. Розанов. Собрание сочинений. Около народной души (Статьи 1906—1908 гг.). М. : Республика, 2003. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1907_russky_nil.shtml.
4. Рукопись № 54 // Отдел редких книг и рукописей Ульяновской областной научной библиотеки.
5. Языковский архив. Вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) / под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913.

Сведения об авторе

Гуркин Владимир Александрович — доктор культурологии, профессор кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета, Ульяновск, Россия. vgrk@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 127—131.*

Philosophical lectures by A. I. Galich in the collection of the Ulyanovsk Regional Scientific Library

V.A. Gurkin

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia. vgrk@mail.ru

On the example of the creation of the Simbirsk Karamzin public library, the personal continuity of educational ideas between the German romantic philosophical school and the Russian romantic-educational tradition is traced. Petersburg philosopher A.I. Galich was a teacher of philosophy under A.M. Yazykov in the 1820s and to a large extent influenced his views. The appendix contains the text of Galich's introductory lecture «Introduction to Philosophy», written by A.M. Yazykov.

Keywords: *A.I. Galich, A.M. Yazykov, V.V. Rozanov, Simbirsk Karamzin Public Library.*

References

1. Kant I. Otvet na vopros: chto takoe Prosveshchenie? [Answering the Question: What Is Enlightenment?]. *I. Kant. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6* [I. Kant. Collected works: in 6 vols. Vol. 6]. Moscow, 1966. (In Russ.).
2. Perepiska A. M. Yazykova i V. D. Komovskogo [Correspondence of A.M. Yazykov and V.D. Komovsky]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. F. 348. Op. 2, no. 1. (In Russ.).
3. Rozanov V.V. *Russkii Nil* [Russian Nile]. V. V. Rozanov. *Sobranie sochinenii. Okolo narodnoi dushi (Stat'i 1906—1908 gg.)* [V.V. Rozanov. Collected works. About the soul of the people (Articles 1906—1908)]. Moscow, Republic, 2003. Available at: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1907_russky_nil.shtml (In Russ.).
4. Rukopis' № 54 [Manuscript No. 54]. *Otdel redkikh knig i rukopisei Ul'yanovskoi oblastnoi nauchnoi biblioteki* [Department of Rare Books and Manuscripts of the Ulyanovsk Regional Scientific Library]. (In Russ.).
5. *Yazykovskii arkhiv. Vyp. I. Pis'ma N. M. Yazykova k rodnym za derptskii period ego zhizni (1822—1829)* [Archive of N.M. Yazykov. Vol. I. Letters from N.M. Yazykov to his relatives during the Dorpat period of his life (1822—1829)]. St. Petersburg, 1913. (In Russ.).

Выдающиеся личности и проблема идеального правления

О. В. Гуторович

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия

Каждая историческая эпоха затрагивала тему выдающейся личности и, в частности, выдающегося правителя. Перед автором стоит задача показать, что представляют собой данные описания, затронув тему идеального правления. Исследование также акцентирует внимание на критериях, позволяющих отличать выдающихся людей от рядовых, и факторах, оказывающих влияние на их формирование.

Ключевые слова: *выдающиеся личности, идеальное правление, историческая эпоха, правитель, герои.*

Осмысление процесса развития общества, неизбежно приводит к анализу роли великих исторических личностей, чей талант, труд и заслуги способствуют всеобщему прогрессу. Их имена живут, дела восхищают и вызывают интерес у исследователей. Без таких имен, как Аристотель, Платон, А. Македонский, Ю. Цезарь, Ф. Аквинский, Вольтер, Ч. Дарвин, Л. Эйлер, А. Эйнштейн, Шарль де Голь, Ф. Рузвельт и многих других, невозможно представить движение вперед человечества. Обращает на себя внимание колоритность личности, ее неординарность, умение преодолевать сложные ситуации и управлять ими. Тем не менее, ещё П.-С. Лаплас, знаменитый французский математик и астроном, утверждал, что человеку проще двигаться вперед, чем погружаться в себя, осваивать внешний мир, чем познавать себя [19]. Наверное, поэтому до сих пор существует масса вопросов, связанных с природой и сущностью выдающихся личностей, среди них: критерии определения выдающейся личности; факторы, способствующие формированию выдающейся личности; отношение общества к выдающимся личностям; историческая роль выдающихся людей; наконец, способы удержания выдающимися личностями лидерских позиций.

Философия всегда интересовалась проблемой выдающихся личностей. Независимо от исторического времени философы обсуждали их основные черты, определяли характер, пристрастия, взгляды. Исследователей интересовал вопрос, что позволяет человеку выделиться и проявить себя как великую личность, оставляющую неизгладимый след в истории. Проанализируем, как философы описывали великих правителей, какие требования они выдвигали к выдающимся государственным деятелям, как они представляли себе идеальное правление.

Безусловно, Античная эпоха, затрагивая проблему выдающихся личностей, останавливает

свое внимание на тех людях, которые ярко проявили себя в сфере политики. Это не случайно. Занятие политикой рассматривалось в Древней Греции в качестве права и обязанности всех граждан полиса. Политическая деятельность определяла качество жизни всего полиса и каждого конкретного человека, поэтому человек, прославившийся на этом поприще, всегда был в центре внимания греков. Кроме того, Античная эпоха с ее героической системой ценностей преклонялась перед мужеством и умом, самоотверженностью и благородством, культивировала добродетель и справедливость.

Гераклит, например, обращает внимание на духовные ценности, его восхищает честность, ум и порядочность человека. И совсем неважно его происхождение. Рассуждая о «наилучшем» представителе человечества он отрицает данное основание. Богатство и происхождение не определяют сущности человека, не позволяют ему стать выше толпы.

Куда важнее внутренний мир человека. И в этом убежден Сократ, утверждавший, что великий правитель должен сочетать в себе высокие морально-нравственные характеристики с образованностью и мудростью. Мыслитель был убежден, что духовное совершенствование позволит человеку подавить в себе низменные инстинкты, обуздать страсти и желания, поставив во главу угла заботу об общем благе. Только такой человек достоин правления, а не те, кому это право досталось по наследству, в результате слепого жребия, путем обмана или благодаря насилию.

Платон, затрагивая в работе «Государство» тему идеального государственного устройства, для определения сущности совершенного правления, использует понятие искусство. Достойное правление великого правителя — это всегда искусство. В его классификации любая модель правителя —

пастуха, врача, ткача или пастыря — становится наилучшей, если правитель демонстрирует прекрасное образование, обладает необходимыми личностными качествами и опытом, позволяющими принимать искусные решения в целях достижения разумного всеобщего блага. Это общая черта, отличающая достойнейшего от остальных, есть философствующая душа. Великий правитель не может не быть философом. При этом каждой модели правления характерны свои особенности. Правитель-пастух проявляет себя на поприще попечения, он проявляет постоянную заботу о своих подданных. Правитель-врач искусен в средствах и методах исцеления граждан или общества от недугов. Правитель-кормчий — это мудрый рулевой, специалист, точно определяющий государственный курс. Наконец, правителю-ткачу характерно умение эффективно управлять государственными делами, тонко и кропотливо справляться с любыми сложными делами. Великое царское искусство призвано соединить в себе особенности и нравы разных людей, но, прежде всего, мужественных и благоразумных [17, с. 740, 759, 779].

В сочинении «Никомахова этика» Аристотель утверждает, что величайшим искусством государственного мужа является умение находить равновесие между крайностями, опираясь на мудрый философский ум, рассудительность, чувство справедливости, гуманность и неподкупность. Величие правителя в способности вершить дела не просто сообразно добродетели, а сознательно, преднамеренно и уверенно [1, с. 83]. Величайшего мужа отличает сдержанность, правдивость является его принципом. Он руководствуется знаниями, а не мнением, истиной, а не случаем, ценит себя по достоинству, оказывает beneficia и не обсуждает других людей [2, с. 130—134].

Новая историческая эпоха связана с трансформацией ценностных ориентиров, вследствие чего Бог признавался абсолютным Благим, в качестве основной добродетели рассматривалась любовь ко Всевышнему. Статусом великости, как правило, наделялся правитель. Великий правитель должен был объединять в себе две основные особенности: властные полномочия и необыкновенную харизму. С учетом особенностей средневековой эпохи образ великого человека не мог исключать также веры, особого отношения к нравственным и духовным качествам человека, наделенность божественными свойствами. В представлении о выдающейся, великой личности закладывалось понимание о его богоизбранности, святости и рыцарских качествах. Великий человек воспринимался в качестве наместника высших сил. Он должен был обладать знанием абсолютной Ис-

тины, ему одному была открыта божественная воля, за свои поступки он нес ответственность исключительно перед Богом. Великому человеку многое подвластно, в том числе и выполнение важнейшей функции, связанной с воспитанием и убеждением людей в необходимости духовного самосовершенствования.

Историческим примером великого правителя, выдающегося человека, служит фигура Карла Великого (742—814). Биограф К. Эйнхард, давая характеристику Карлу, отмечал, что он вел победоносные войны, благодаря чему сумел вдвое увеличить территорию Франкского государства, объединив христианскую Западную Европу [22]. Выдающиеся способности военачальника он сочетал с яркой государственной реформаторской деятельностью: занимаясь церковным преобразованием, он создал систему образования, дворцовую библиотеку, поддерживал культурные контакты с миром греческой культуры, воссоздал академию по аналогии с Платоновской Академией и т. д. Итогом деятельности Карла Великого стало Каролингское Возрождение. Его имя вошло в героический эпос, он стал героем «Песни о Роланде». В его характере наблюдалась решительность, мужество, отвага, дальновидность. Ему присущ талант правителя. Он обладал пронизательным умом. О нем говорили как о поборнике нравственности, отмечали его красноречие, прилежность в занятии науками, умеренность в привычках. Карла Великого отличало крайне редко встречающееся равновесие всех душевных сил. В нем гармонично сочеталась дальновидность государственного мужа с набожностью христианина, воинская храбрость и уважение к дружбе. Его личность внушала одновременно любовь и уважение.

Советник Карла Великого Алкуин (735—804), вдохновитель Каролингского Возрождения, рассуждая на тему идеального правления, отмечает добродетели, обязательные для правителя. К ним он отнес четыре качества — «рассудительность, справедливость, мужество, умеренность» [15]. Алкуин поясняет, что рассудительность — это не просто умение мыслить здраво, а знание и понимание сути человеческих и божественных вещей, способность логически мыслить, трезво оценивая ситуацию, предвидя опасности. Справедливость — это нравственное понятие, представляющее собой благородство души. Это качество, которое позволяет соблюдать принцип соответствия деяния и воздаяния, а также уважать законы и праведный суд. Мужество — качество, предполагающее стойкость души, ее твердость, терпеливость, настойчивость и неотступность в реализации добрых дел, решительное противостояние

порокам. Умеренность есть самоограничение, образ всей жизни, характеризующийся тщательным рассуждением и стремлением к реализации принципа «ничего слишком». Складывается впечатление, что автор Каролингских «зерцал» рисует образ идеального правителя с Карла Великого, выдающейся личности своей эпохи.

Современник Алкуина, настоятель монастыря в Сен-Мишель Смарад, посвятивший свой трактат «Королевский путь» будущему королю Людовику Благочестивому, убежден, что правитель как истинный христианин должен заботиться о процветании государства. Только правитель, наделенный добродетелями, способен принести благо своему обществу. Источником добродетели является мудрость. Только она «дарует справедливость и рассудительность, мужество и умеренность, подает доблесть и трезвение, делает их устойчивыми в правлении, правдивыми в речи, приятными в беседе, веселыми в дарении, в милосердии человеколюбивыми, в ответах любезными, в различении [добра и зла] пронизательными, в благоденствии кроткими, в несчастии надежными, острыми в разумении, мирными в деянии, обликом прекрасными, в битве отважными», а также «умножает бесконечные богатства, укрепляет непобедимость государства» [15]. Смарад отмечает, что царской добродетелью следует считать рассудительность. Кроме того, на положение дел в государстве влияет терпение государя, благодаря которому умеряется гнев и вспыльчивость, что позволяет сохранить трезвость ума и ведет к принятию мудрых решений. Смарад, как и Алкуин, считает, что выдающийся правитель должен отличаться высокой нравственностью.

Следует отметить, что классики эпохи средневековья также обращаются к теме идеального правления, отмечая черты выдающегося правителя. Ав. Августин указывает на твердость, последовательность, мудрость, следование заповедям Бога, Ф. Аквинский добавляет ещё одну черту — направление людей к общему благу [3, с. 209]. Важно также подчеркнуть, что средневековые представления о выдающихся личностях связаны с увеличением масштаба самой исторической личности: наблюдается расширение горизонтов ее деятельности, поступки приобретают большую значимость, но важнейшую роль приобретают те, что связаны с приобщением человека к мудрости Бога [20].

Эпоха Возрождения, сменившая средневековье, утверждала ценность творческого деятельного человека. Такой подход не мог не отразиться на представлениях о выдающихся личностях. Талант выдающейся личности может обнаружить себя в

любой сфере — художественной, научной, управленческой. Истинными творцами прекрасного были Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль Санти, Альбрехт Дюрер, Тициан, Сандро Боттичелли, Данте Алигьери, Уильям Шекспир и др.

«Золотым веком» в эпоху Возрождения было названо время правления Лоренцо Медичи (1449—1492). Не совершив ни одного великого военного похода, не отличившись великими политическими деяниями, он снискал звание Великолепного. Его отличали решительность и жесткость, гибкость и изворотливость ума. О нем слагали легенды, славя его тонкий художественный вкус. Лоренцо Медичи вошел в историю как мудрый правитель с искусными задатками дипломата, склонного к компромиссам. Его можно назвать выдающимся монархом Ренессанса, в том числе за любовь к поэзии и музыке, за обширные знания, в частности, классических языков, за покровительство творчеству и творческим натурам Возрождения.

Без сомнения философов привлекал этот образ. Н. Макиавелли в «Истории Флоренции», не будучи склонным к восторженным заключениям, писал, что со смертью Лоренцо Медичи «не только Флоренция, а вся Италия потеряла гражданина столь прославленного своей мудростью и столь горестно оплакиваемого своим Отечеством» [4].

Основные черты, присущие государственному мужу Лоренцо Великолепному, отразились в представлениях философов эпохи Возрождения об идеальных правителях. Данная тема затрагивается Эразмом Роттердамским в работе «Воспитание христианского государя», посвященной будущему императору Священной Римской империи — Карлу V Испанскому. Основное внимание философа привлекает характер княжеского правления.

От личности правителя, убежден представитель возрожденческого гуманизма, зависит разумное управление. Нравственные качества правителя и его субъективное сознание имеют непосредственное отношение к качеству управления. Идеальный государь должен быть честен, усердно радеть и поступать во благо, оставляя личные пристрастия в стороне. «Наихудшие советники государя — честолюбие, гнев, сладострастие и лесть» [23, с. 10]. Его мудрость и справедливость должны быть сравнимы с мудростью царя Соломона. Правителю следует быть предусмотрительным, добродетельным, душевно умеренным. Ему должны быть присущи три вида благородства. Первый — это добродетель и правильные поступки. Второй — знания достойных наук. Третий — вид, о котором судят по происхождению. У государя должна быть вся полнота благородства» [21].

Вывод очевиден: идеальное правление Э. Роттердамский связывал с нравственностью государя. Противоположную точку зрения отстаивал Н. Макиавелли, утверждая, что совсем не обязательно считаться с общепринятыми моральными нормами, если правитель действует и поступает в интересах государства. «Великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи, в конечном счете, преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность» [11, с. 351]. Для Н. Макиавелли героем-правителем был расчетливый и хитрый Цезаре Борджиа (1475—1507), отличавшийся негибкой волей, коварством, хладнокровием и жестокостью, сочетавший в себе талант, ум и целеустремленность. Философ считает, что правитель должен комбинировать в себе «природу человека и зверя» [11, с. 351], отдавая предпочтение лисице и льву. Лисица хороша тем, что умеет обходить капканы, а лев способен отпугнуть волков [11, с. 351]. С образом великого государя не ассоциируется малодушие, в своих поступках он должен проявлять великодушие. Легкомыслие и нерешительность не составляют славу государю, она прирастает покровительством дарований, умением привлекать на службу одаренных людей [11, с. 368]. Презрение же вызывает непостоянство и изнеженность [11, с. 353].

По мнению итальянского мыслителя, у великого государя на первом месте всегда должны стоять общегосударственные интересы. На фоне других его должно отличать стратегическое мышление, а также способность захватить власть и удержать ее. В сложное политическое время он обязан быть авторитарным. Его задача не ограничивается стремлением в период своего правления добиться всеобщего блага, ему важно, чтобы «благо не пропало после его смерти» [12, с. 407].

Отметим, что на протяжении достаточно длительного времени исследования, связанные с анализом особенностей выдающегося правления государственных мужей, не проводились. Отчасти это объясняется социально-политическими задачами наступившей эпохи Нового времени. Вплоть до XIX века мыслителей больше интересовала проблема создания общественных структур, способных ограничить власть правителей, а не особенности и характеристики выдающихся правителей. Поэтому размышления знаменитого французского философа-просветителя Ф.-М. Вольтера о просвещенном монархе как идеальном правителе воспринимаются, скорее, как исключение в это время.

С точки зрения Вольтера, история разных народов хранит память о великих правителях. В своем

труде «Опыт о всеобщей истории и о правах и духе народов со времен Карла Великого вплоть до эпохи Людовика XIV» он повествует о мусульманских правителях, восхищаясь их заслугами. Его внимание привлекла фигура арабского халифа Харуна ар-Рашида (766—809), правителя Аббасидского халифата, по прозвищу «Праведный». Описывая его заслуги, философ отмечал его ум и политическую дальновидность, результатом чего явилось развитие науки и прирост талантливых и образованных людей в стране. Благодаря Харуну ар-Рашиду в Багдаде были открыты университет и библиотека. Значительными успехами были отмечены сельское хозяйство, торговля, ремесло, развитие культуры. «На смену варварству по всей обширной территории его владений пришла вежливость и учтивость» [14].

Личность Харуна ар-Рашида, по мнению французского просветителя, вполне укладывалась в представления о просвещенном монархе. Свое признание Вольтер высказывал и самому просвещенному среди современников османскому султану Мехмеду II (1432—1481), в свое время завоевавшему Константинополь и прославившемуся веротерпимостью и уважительным отношением ко всем религиям, исповедуемым на территории собственного государства. Философ рисует образ правителя, стремящегося к совершенствованию своих знаний, отмечает его интерес к языкам. Халиф изучил греческий, арабский языки, фарси и латынь. Достоинно восхищения его увлечение географией и математикой, о которых он «знал все, что могло быть известно» [14]. Такие описания сравнимы с описаниям прусского короля Фридриха Великого (1712—1786), которого Вольтер называл «надеждой человеческого рода»: «умен, остроумен, учтив и исполнен желаний нравиться. Он стремится к образованию и пишет музыкальные пьесы и стихи» [5, с. 16].

Вольтер высоко ценил просвещенность правителей, но еще больше восхищался их просветительской и реформаторской деятельностью. К таким деятелям он относил Петра I (1672—1725), которого называл «великим государем, законодателем, творцом новой нации, превосходным плотником, превосходнейшим адмиралом, лучшим лоцманом на севере Европы» [13]. Гений этого великого человека явился источником преобразований, позволив изменить величайшую империю, создать новую нацию. Для Вольтера Петр Великий олицетворение прогресса, «герой мировой истории, вытянувший человечество из времен варварства» [13]. В своей «Истории Российской империи» Вольтер рисует выдающуюся личность, олицетворением которой является неутомимый

труженик и преобразователь, с творчески умом, способным учиться и учить.

В XIX веке появляются исследования Г. Гегеля, Т. Карлейля, Ф. Ницше, затрагивающих тему выдающихся личностей.

Пытаясь осмыслить сущность исторического процесса, Г. Гегель анализирует роль великих личностей в истории. В отличие от предшествующих исследователей он выступал категорически против анализа деятельности великих людей исключительно с точки зрения психологии [7]. Внутренние мотивы или особенности характера не раскрывают всей сущности и логики поступков великих людей. Одной амбициозностью и стремлением к власти не объяснить военные походы и завоевания Александра Македонского, Юлия Цезаря или Наполеона Бонапарта. Есть более глубокие причины — это противоречия, возникающие в обществе, и появляющиеся, вместе с тем, возможности, имеющие важнейшее историческое значение. Для их реализации необходимы личности — «великие люди в истории, личные цели которых содержат в себе тот субстанциальный элемент, который составляет волю мирового духа» [6, с. 82]. Их появление на исторической сцене неизбежно. Несомненно, они обладают блестящим умом, они прекрасно оценивают происходящее и понимают, что требуется обществу в данный момент. Такие люди способны разрешить сложившиеся противоречия, найдя правильные решения. Им под силу спасти всех от гибели, действуя решительно, и реализовать имеющиеся в обществе возможности. Великая личность — это своеобразная «индивидуальная вершина», в которой нуждается история, герой, осознающий в себе нечто такое, что заставляет других поверить ему, принять и подчиниться. Великая личность увлекает своей энергией и целеустремленностью. Она достойна уважения, так как действует во благо собственного народа и государства. Реформируя и изменяя общественные уклады, такие государственные деятели рискуют вызвать непонимание и недовольство населения, неспособного увидеть перспективы данных преобразований и пожертвовать своими интересами ради всеобщих целей. В связи с этим возрастает вероятность осуждения действий великих людей. По мнению Гегеля, критика со стороны моральных норм неуместна, «так как политические поступки осуждаемых носят объективный характер, способствуют прогрессу человеческого общества, и ради этого приходится жертвовать интересами отдельных личностей» [7].

В свою очередь, Фридрих Ницше приходит к выводу, что выдающиеся личности имеют право

на свою собственную систему ценностей. Такой вывод не предполагает объяснения, отсылающего вопрошающего исследователя к действию объективных законов. Следует просто принять утверждение, что выдающийся человек сочетает в себе силу, благородство и смелость, следовательно, всё, что он осуществляет, что ему присуще оценивается исключительно с положительной стороны.

На восхищение немецкого философа кастой великих людей указывал датский критик Г. Брандес, статья которого «Аристократический радикализм», вышедшая в 1889 г., принесла общеевропейскую известность Фридриху Ницше. По его мнению, Ф. Ницше преклонялся перед «их стремлением к власти, здоровьем и внутренней свободой и особой, аристократической моралью, в которой нет понятия справедливого и несправедливого, плохого и хорошего» [8]. Выдающуюся личность отличает способность творить и отдавать, возвышаясь над массой, притягивая к себе толпу своими решительными действиями. Перед нами не образованный филистер, а человек, гений которого способен придать смысл нашему существованию. Наделенный внутренней свободой, верой в собственные силы такой человек призван оставить яркий след в истории человеческого общества. Речь идет о высшем биологическом существе, наделенном выдающимися личностными качествами, о Сверхчеловеке. «Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же воля ваша и скажет: Да будет Сверхчеловек смыслом земли!» [16, с. 10].

Не менее интересны рассуждения шотландского историка, публициста и философа Томаса Карлейля о выдающихся людях. В его исторической концепции центральное место занимает «культ героев». Герои — это великие личности, руками которых творится всемирная история. Они способствуют развитию общества, выступая в качестве движущей силы исторического процесса. Эта мысль просматривается уже в ранних работах Т. Карлейля, но наиболее полно она воплотилась в работах «Герои, почитание героев и героическое в истории» и «Прошлое и настоящее». Великие люди выполняют важнейшую функцию в своем государстве и для своего народа. Они выступают вождями, воспитателями, образцами, творцами всего, к чему, подчас не осознавая, стремится масса людей. «Все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир» [9]. Как бы мы к ним не относились и не оценивали, но именно их следует рассматривать в качестве полезной части общества, от соприкосновения с которой выигрыва-

ют все. Они озаряют этот мир своим природным даром, в их сиянии «всякая душа чувствует себя хорошо» [9]. Общение с такими людьми вызывает в душе человека благородное чувство удивления их великодушием, мужеством и героизмом. Т. Карлейль не сомневается, что история великих людей «составляет поистине душу всей мировой истории».

Каждая эпоха дарит нам Великого Человека. Со временем мы понимаем, что он является той самой искрой, способной разжечь пламя, или спасителем, вселяющим веру в лучшее в этом мире, человеком высшего порядка, призванным руководить. Такими выдающимися людьми, по мнению Т. Карлейля, были Наполеон, Кромвель, Фридрих II, Шиллер, Гёте.

Своих героев Т. Карлейль описывал с любовью. Так, повествуя об Оливере Кромвеле (1599—1658), Т. Карлейль отмечал, что это был человек, в котором чувствовалось нечто настоящее. Да, его не отличало стремление к размеренности, он порывист, в нем проявлялась неистовость и дикость, но он всегда вступал в битву с врагами с открытым забралом, лицом к лицу. Великий, свирепый, но стоящий человек-гигант. Он «выше всякого иного рода людей» [9]. Не стоит думать, что жизнь великих людей похожа на праздник. Их удел битвы, походы, постоянная борьба, тревоги, страдания. Их жизнь — «не праздная прогулка по душистым апельсиновым рощам и зелёным цветущим лугам в сопровождении поющих муз и румяных гор, а суровое паломничество через знойные пустыни, через страны, покрытые снегом и льдом. Великий человек странствует среди людей; он любит их неизъяснимой нежной любовью, смешанной с состраданием, любовью, какой они ему не могут ответить, но душа его живёт в одиночестве, в далеких областях мироздания» [10, с. 337].

Очевидно, что каждый философ внес свой вклад в представление о выдающейся личности. Всех их объединяет понимание, что такой человек, должен обладать яркой индивидуальностью, позволяющей оставить неповторимый след в истории. Данное утверждение касается любого проявления выдающегося таланта. Но одной этой характеристикой невозможно обойтись. Необходим перечень критериев, позволяющих отличать выдающихся людей от рядовых.

Обратимся к исследованию Н. В. Розенберг, выделяющей основные критерии выдающейся личности [19]. По ее мнению, к таким критериям следует отнести, прежде всего, *интеллект*, от уровня развития которого зависят творческие способности человека. При этом интеллект не

предполагает исключительно умственные способности, позволяющие решать познавательные задачи. Интеллект — это и практическая способность, помогающая реализации поставленных целей и задач, а также управлению происходящими событиями, используя собственные знания. Речь не идет и о запредельном IQ, он должен соответствовать выбранной профессии или специальности, а дальше начинают действовать дополнительные факторы, ведущие человека к успешным решениям и действиям — это личностные ценности и черты характера.

Существенное значение для определения выдающейся личности играет его *творческая активность*, то есть способность к созданию объективно нового и уникального. Причем творческую активность не следует сводить к логическим решениям. Здесь уместно вспомнить Н. Бора, произнесшего однажды: «Эта теория недостаточно безумна, чтобы быть верной», как бы подчеркивая, что для творческого процесса важны также интуиция, воображение, знания и умения.

В качестве оснований выдающейся личности рассматриваются также *индивидуализация* и потребность в *индивидуальной самореализации*. Речь идет об обретении собственной автономии, о понимании собственной персональной ценности, о возможности развивать свои задатки, а также о возможности реализовывать себя всесторонним образом в обществе. Процесс индивидуализации играет важнейшую роль в жизни любого человека, но чем выше уровень индивидуализации, тем на более высоком уровне развития будет находиться индивид. Что же касается самореализации, то в системе истинных ценностей человека-творца она занимает доминирующее место.

К критериям выдающейся личности относят и *стремление к познавательной деятельности*. Выдающихся людей отличает не только наличие усвоенных навыков творящего, созидającego человека, но и постоянное желание заниматься подобной деятельностью.

Данные критерии взаимосвязаны, совокупное их рассмотрение гарантирует более объективный взгляд на понимание сущности выдающихся людей. Очевидно, и то, что эти критерии определяют лишь каркас или узловые точки выдающихся личностей. В каждом же конкретном случае мы сталкиваемся ещё и с совокупностью неповторимых особенностей, которые составляют и питают таких людей. К таким характеристикам могут быть отнесены самые разнообразные черты характера: целеустремленность, решительность, энергичность, гибкость, амбициозность, инициативность, самоуверенность, уравновешенность,

работоспособность, независимость, самостоятельность, обязательность, честность, смелость. Внимание на себя обращают также навыки, которыми должен овладеть выдающийся человек. Среди них назовем умение убеждать, организовывать, рисковать, разбираться в людях, проявлять дипломатичность и такт, быть надежным. Наконец, анализ интеллектуальных способностей выдающихся людей позволяет отметить их образованность, рассудительность, проницательность, интуитивность, оригинальность, любознательность, знание дела, способность логически мыслить. Но важно понять, что наличие этих уникальных черт не всегда гарантирует появление на свет выдающейся личности. Их наличие лишь увеличивает вероятность проявления выдающихся начал.

Следует также вспомнить, что на формирование любой личности, оказывает влияние целый ряд факторов: объективных и субъективных, биологических и социальных, внутренних и внешних, проявляющихся стихийно или в соответствии с определенными целями. Выдающиеся личности при этом не являются исключением. Конечно, важны унаследованные психофизиологические свойства и задатки, определяющие мыслительную деятельность человека и особенность всех его психических процессов. Но ещё большее значение играют социальные факторы, включающие в себя разнообразные внешние обстоятельства: условия жизни конкретного человека и его семьи, особенности его воспитания и образования, социально-политическую и экономическую ситуацию, в которой пребывает человек, характер исторических процессов и многое другое. Совокупное воздействие данных факторов ведет к формированию уникальных личностных структур каждого конкретного человека.

Такая позиция не является однозначной. Например, по мнению экзистенциалистов, социальная среда нивелирует личностные особенности, губительно действуя на ее творческую активность, уничтожая ее неповторимость. Более того, личность и общество противопоставляются, как самостоятельные. Такой взгляд имеет право на су-

ществование, однако, мы будем придерживаться точки зрения, что в реальности между личностью и обществом существует диалектическая связь, что подтверждается их взаимным влиянием.

В завершении исследования хотелось бы обратить внимание на значение деятельности выдающихся личностей для общества. Перед нами не стоит задачи определить главную силу социальных преобразований, в силу убеждения, что народные массы и личности представляют собой две стороны единого исторического процесса. Рассуждения касаются исключительно великих людей, сумевших воспитать в себе Человека с большой буквы. Такие люди оказывают существенное влияние на общество в целом, подавая своим поведением достойный пример для подражания. Именно они способны вселить веру и разжечь огонь преобразований, поставить задачу и увлечь ее решением, проявить свои лучшие качества и вписать свое имя в историю. Они охвачены великими замыслами, их воля и ум, титанический труд направлены на их реализацию. Великие люди способны видеть дальше и глубже, они зачастую становятся источником разнообразных идей и свершений. Выдающиеся личности подчас удивляют своей экстраординарностью, имеют яркие биографии, наполненные самыми разнообразными событиями, получают общественное признание, их именами гордятся соотечественники. Страницы истории хранят их имена. Мученики, герои, культурные деятели, ученые, писатели, государственные мужи, полководцы — они вносят лепту в преобразование социума, смело возлагая на себя почин удовлетворения общественных нужд. Их великие портреты вселяют надежду, а цельность заслуживает доверия. Каждый из них имеет высокую цель, осознает свою миссию и несет ответственность за свои поступки. Г. В. Плеханов в работе «К вопросу о роли личности в истории» писал: «Великий человек велик... тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени... В этом — все его значение, в этом — вся его сила» [33].

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 53—293.
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 441—699.
3. Асмус, В. Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус; 3-е изд. М. : Высшая школа, 2005. 400 с.
4. Басовская, Н. И. Лоренцо Великолепный. Блестящий правитель Флоренции / Н. И. Басовская. URL: <https://history.wikireading.ru/91009> (дата обращения: 23.04.2020).
5. Вольтер. Мемуары Вольтера, написанные им самим в 1759 году и напечатанные лишь в 1784 году // Вольтер. Философские трактаты и диалоги. М. : Эксмо, 2005. С. 11—73.

6. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. А. М. Водлена. СПб. : Наука, 1993. 477 с.
7. Гобозов, И. А. Гегель и философия истории / И. А. Гобозов // Философия и общество. 2017. № 4 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gegel-i-filosofiya-istorii> (дата обращения: 25.04.2020).
8. Капралова, Н. Н. Постнигилистический человек Ницше в творчестве Кнута Гамсуна рубежа XIX—XX вв. / Н. Н. Капралова // Скандинавская филология. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postnigilisticheskiy-chelovek-nitshe-v-tvorchestve-knuta-gamsuna-rubezha-xix-xx-vv> (дата обращения: 25.04.2020).
9. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. М. : Эксмо, 2008. 864 с. URL: <http://ww.marsexx.ru/lit/karlei-geroi.htm> (дата обращения: 10.04.2020).
10. Карлейль, Т. Теперь и прежде / Т. Карлейль. М. : Республика, 1994. 415 с.
11. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли // Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1982. С. 301—378.
12. Макиавелли, Н. Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия / Н. Макиавелли. СПб. : Издание Русской Книжной Торговли, 1869. 503 с.
13. Мезин, С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I / С. А. Мезин. Саратов, 2003. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-3.html> (дата обращения: 24.04.2020).
14. Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье / А. С. Мигаль // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2017. № 3 (195). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-musulmanskogo-pravitelya-v-filosofskih-trudah-voltera-i-monteskie> (дата обращения: 24.04.2020).
15. Ненарокова, М. Р. Средневековый путь к идеальному мироустройству (писатели эпохи Каролингов о государстве и власти) / М. Р. Ненарокова // Соловьевские исследования. 2015. № 3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovyy-put-k-idealnomu-miroustroystvu-pisateli-epohi-karolingov-o-gosudarstve-i-vlasti> (дата обращения: 27.04.2020).
16. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. М.: Интербук, 1990. 301 с.
17. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. М. : Мысль, 1998. 798 с.
18. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 300—334. URL: https://studwood.ru/1251026/istoriya/gv_plehanov_o_rol_i_lichnosti_v_istorii (дата обращения: 28.04.2020).
19. Розенберг, Н. В. Выдающиеся личности, критериальный аппарат / Н. В. Розенберг // Аналитика культурологии. 2007. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vydayuschiesya-lichnosti-kriterialnyy-apparat> (дата обращения: 20.04.2020).
20. Сергеева, С. А. Эволюция философских идей и концепций лидерства / С. А. Сергеева // Армия и общество. 2013. №1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-filosofskih-idey-i-kontseptsiy-liderstva> (дата обращения: 22.04.2020).
21. Формирование новой модели человека в педагогической мысли Европы XV—XVI веков. URL: https://studbooks.net/518402/istoriya/obraz_gosudarya_model_cheloveka_trudah_erazma (дата обращения: 23.04.2020).
22. Эйнхард, К. Жизнь Карла Великого / К. Эйнхард // Памятники средневековой латинской литературы. VIII—IX века / пер. М. С. Петровой. М. : Наука, 2006. С. 178—202.
23. Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя / Эразм Роттердамский ; пер. с лат. и коммент. А. В. Тарасовой. М. : Мысль, 2001. 368 с.

Сведения об авторе

Гуторович Ольга Викторовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия. olwikgut@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 132—141.*

Outstanding personalities and the problem of ideal government

O.V. Gutorovich

Mozhaisky Military Aerospace Academy, Saint-Petersburg, Russia. olwikgut@yandex.ru

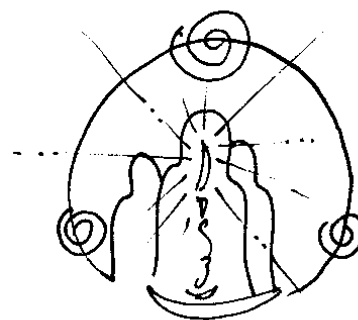
Each historical epoch touched upon the theme of an outstanding person and, in particular, an outstanding ruler. The author's task is to show what these descriptions are, touching on the topic of ideal government. The study also focuses on the criteria that distinguish outstanding people from ordinary people. We are talking about intelligence, creative activity, individualization, individual self-realization and the desire for cognitive activity. However, these criteria indicate only the main characteristics of outstanding people, and each specific case involves a description of the unique qualities of outstanding individuals. These include a variety of character traits, skills, and intellectual characteristics. The article also emphasizes that the presence of unique features does not guarantee the appearance of outstanding personalities, since its formation is greatly influenced by a number of factors, including social ones.

Keywords: *outstanding personalities, the perfect Board, historical epoch, the ruler of heroes.*

References

1. Aristotel'. Nikomahova etika [Nikomakhov's ethics]. *Sochinrniya: v 4 t. T. 4* [Works: in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl', 1983. Pp. 53—293. (In Russ.).
2. Aristotel'. Politika [Politics]. *Drevnegrecheskaya filosofiya: Ot Platona do Aristotelya* [Ancient Greek philosophy: from Plato to Aristotle]. Moscow, AST, Kharkiv, Folio, 2003. Pp. 441—699. (In Russ.).
3. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow, Higher school, 2005. 400 p. (In Russ.).
4. Basovskaya N.I. *Lorenco Velikolepnyj. Blestyashchij pravitel' Florencii* [Lorenzo The Magnificent. The brilliant ruler of Florence]. Available at: <https://history.wikireading.ru/91009>, accessed 23.04.2020. (In Russ.).
5. Vol'ter. *Memuary Vol'tera, napisannye im samim v 1759 godu i napechatannye lish' v 1784 godu* [Memoirs of Voltaire, written by himself in 1759 and printed only in 1784]. *Filosofskie traktaty i dialogi* [Philosophical treatises and dialogues]. Moscow, Eksmo, 2005. Pp. 11—73. (In Russ.).
6. Gegel' G.V.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg, Nauka, 1993. 477 p. (In Russ.).
7. Gobozov I.A. Gegel' i filosofiya istorii [Hegel and the philosophy of history] *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 2017, no. 4 (85). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gegel-i-filosofiya-istorii>, accessed 25.04.2020. (In Russ.).
8. Kapralova N.N. Postnigilisticheskij chelovek Nicshe v tvorchestve Knuta Gamsuna rubezha XIX—XX vv. [Postnigilistic man Nietzsche in the works of Knut Hamsun of the turn of the XIX-XX centuries]. *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian Philology], 2009, no. 10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postnigilisticheskij-chelovek-nitshe-v-tvorchestve-knuta-gamsuna-rubezha-xix-xx-vv>, accessed 25.04.2020. (In Russ.).
9. Karlejl' T. *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [Heroes, the veneration of heroes and the heroic in history]. Moscow, Eksmo, 2008. 864 p. Available at: <http://ww.marsex.ru/lit/karlel-geroi.htm>, accessed 10.04.2020. (In Russ.).
10. Karlejl' T. *Teper' i prezhdde* [Now and before]. Moscow, Republic, 1994. 415 p. (In Russ.).
11. Makiavelli N. Gosudar' [Sovereign]. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow, Fiction, 1982, pp. 301—378. (In Russ.).
12. Makiavelli N. *Gosudar' i Rassuzhdeniya na pervye tri knigi Tita Liviya* [Sovereign and Reasoning on the first three books of Titus Livy]. St. Petersburg: Publishing house of the Russian Book Trade, 1869. 503 p. (In Russ.).
13. Mezin S.A. *Vzglyad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French authors of the XVIII century about Peter I]. Saratov, 2003. Available at: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-3.html>, accessed 24.04.2020. (In Russ.).
14. Migal' A.S. *Obraz musul'manskogo pravatelya v filosofskih trudah Vol'tera i Montesk'e* [The Image of the Muslim ruler in the philosophical works of Voltaire and Montesquieu]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki* [University news. North Caucasus region. Series: Social Sciences], 2017, no. 3 (195). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-musul'manskogo-pravatelya-v-filosofskih-trudah-voltera-i-monteskie>, accessed 24.04.2020. (In Russ.).

15. Nenarokova M.R. Srednevekovyj put' k ideal'nomu miroustrojstvu (pisateli epohi Karolingov o gosudarstve i vlasti) [The Medieval path to an ideal world order (writers of the Carolingian era about the state and power)]. *Solov'evskie issledovaniya* [Solovyov research], 2015, no. 3 (47). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovyj-put-k-idealnomu-miroustrojstvu-pisateli-epohi-karolingov-o-gosudarstve-i-vlasti>, accessed 27.04.2020. (In Russ.).
16. Nicshe F. *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [So spoke Zarathustra. A book for everyone and no one]. Moscow, Interbook, 1990. 301 p. (In Russ.).
17. Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik [State. Laws. Politik]. Moscow, Thought, 1998. 798 p. (In Russ.).
18. Plekhanov G.V. K voprosu o roli lichnosti v istorii [On the question of the role of personality in history]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t. T. 2.* [Selected philosophical works: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, 1956. Pp. 300—334. Available at: https://studwood.ru/1251026/istoriya/gv_plehanov_o_rol_i_lichnosti_v_istorii, accessed 28.04.2020. (In Russ.).
19. Rozenberg N.V. Vydayushchiesya lichnosti, kriterial'nyj apparat [Outstanding personalities, criteria apparatus]. *Analitika kul'turologii* [Analysis of cultural studies], 2007, no. 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vydayushchiesya-lichnosti-kriterialnyy-apparat>, accessed 20.04.2020. (In Russ.).
20. Sergeeva S.A. Evolyuciya filosofskih idej i koncepcij liderstva [Evolution of philosophical ideas and concepts of leadership]. *Armiya i obshchestvo* [Army and society], 2013, no. 1 (33). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-filosofskih-idej-i-kontseptsiy-liderstva>, accessed 22.04.2020. (In Russ.).
21. *Formirovanie novej modeli cheloveka v pedagogicheskoy mysli Evropy XV—XVI vekov* [Formation of a new human model in the pedagogical thought of Europe of the XV—XVI centuries]. Available at: https://studbooks.net/518402/istoriya/obraz_gosudarya_model_cheloveka_trudah_erazma, accessed 23.04.2020. (In Russ.).
22. Eijnhard K. Zhizn' Karla Velikogo [The Life Of Charlemagne]. *Pamyatniki srednevekovoj latinskoj literatury. VIII—IX veka* [Monuments of medieval Latin literature. VIII—IX centuries]. Moscow, Nauka, 2006. Pp. 178—202. (In Russ.).
23. Erazm Rotterdamskij. *Vospitanie hristianskogo gosudarya* [The education of a Christian sovereign]. Moscow, Mysl', 2001. 368 p. (In Russ.).

*Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 142—144.*

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10220

Полузабытые имена в русской философии: Я. П. Козельский

В. А. Кузнецов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Яков Павлович Козельский — российский мыслитель, писатель, ученый XVIII века, депутат екатерининской Уложенной комиссии 1767 года. Лишь в XX веке о Я. Козельском, прежде всего как писателе и переводчике впервые было рассказано П. Столпянским в статье «Яков Павлович Козельский», опубликованной в журнале «Русская старина» за декабрь 1906 года и исследователем его биографии В. Модзалевским в «Малороссийском родословнике», вышедшем в Киеве в 1910 году. В советский период истории наиболее подробно государственная, общественная деятельность и научное творчество Я. Козельского проанализированы в статье профессора И. Бака, опубликованной в журнале «Вопросы истории» в первом номере за 1947 год. Впоследствии вышли специальные исследования его биографии и творчества: Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958; Щипанов И. Я. Философия русского просвещения. 2-я половина XVIII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971; Лотман Ю.М. К биографии Я. П. Козельского // Вопросы философии. 1959. № 8.

Русский просветитель Я. П. Козельский родился предположительно в 1728 году в семье сотника Полтавского полка. Изучал в Киевской духовной семинарии латинский язык и риторику. С 1750 г. он обучался в гимназии при Академии наук в Петербурге. В 1752 г. Козельский поступает на военную службу. В 60-х гг. он несколько лет преподавал математику и механику в «Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе благородного

юношества». В этот период он написал учебные пособия: «Арифметические предложения» (1764), «Механические предложения» (1765). В эти же годы Козельский занимается переводом на русский язык сочинений иностранных авторов. В 1766 г. он переходит на «статскую службу» секретарем одного из департаментов сената и в 1767 г. избирается депутатом от Полтавского пикинерного полка в «Комиссию о сочинении проекта Новаго Уложения».

Мы попытаемся очертить круг тех философских идей, которые интересовали Я. Козельского, а, следовательно, и его читателей — людей XVIII века. Во время работы в екатерининской Комиссии он пишет и выпускает в свет в 1768 г. свой главный труд — «Философские предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего Сената секретарем Яковом Козельским». Обращение к читателю. СПб. 1768). В работе оцениваются разные теории и учения, в которых говорится о проблеме «общего благополучия».

В философии он выделяет теоретическую и практическую стороны. Практическая философия для него важнее теоретической философии. Теоретическую философию он делит на логику и метафизику, а практическую (нравственную) — на юриспруденцию и политику. Козельский подчеркивает, что о практической философии «основательно писали» Руссо, Монтескье, Гельвеций; о теоретической философии — Х. Вольф. Судя по трудам Козельского, он основательно изучил труды европейских современников, так повлия-

явших на его мировоззрение. Русский мыслитель также опирается на «Моральную философию» англичанина Э. Шефтсбери, переведенную Д. Дидро. Для Козельского научным авторитетом являлся один из вождей демократического крыла французского просвещения Ж. Руссо, тогда как Екатерина II поддерживала взгляды Ф. Вольтера, о чем свидетельствует ее обширная переписка с ним. Козельский вообще не анализирует взгляды Вольтера, тогда как идеи Руссо им критически были переработаны.

В «Философических предложениях» русский писатель и философ излагает свой идеал общественного устройства и некоторые пути его достижения. Многие из этих идей он озвучил во время своих выступлений в заседаниях Уложенной комиссии. На одном из них Козельский выступил против законопроекта о преимуществах дворянства и требовал предоставления дворянского звания за выслугу лицам низших сословий; выступал за ограничение числа и тяжести повинностей крестьян, за предоставление крестьянам не только права собственности на движимое имущество, но и права наследственного владения землей.

В 1770 г. в России вышел сборник избранных статей из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера в переводе Козельского, в котором содержатся философские, юридические и статьи об этике и политике. Тем самым он внес значительный вклад в распространение идей Французского Просвещения в России. Далее научная деятельность Козельского встретила затруднения в связи с его отправкой в армию, а затем вынужденной продолжительной службой до 1778 г. в «Малороссийской коллегии», находившейся в городе Глухове. С 1788 по 1793 гг. он работал в комиссии по проекту нового уложения и одновременно занимал пост инспектора гимназии чужестранных единоверцев в Петербурге.

Козельский «молчал» 18 лет и после возвращения в Петербург в 1788 г. выпустил в свет первый том задуманной им популярной энциклопедии знаний в форме диалога — «Рассуждение двух индийцев Калани и Ибрагима о человеческом познании» (считается, что этот компилятивный труд написан в соавторстве с известным врачом Н. М. Максимовичем-Амбодиком). Если в «Философических предложениях» анализируется логика, метафизика, психология, этика, юриспруденция и политика, то его «Рассуждения...» ограничиваются естественно-научными темами.

В 1793 г. Козельский ушел в отставку по болезни и поселился в своем имении в Крутом Береге близ Полтавы. Умер он в Петербурге, но когда? — осталось неизвестным.

Основные философские взгляды в области натурфилософии выработаны им в процессе изучения взглядов французских материалистов. В своих текстах Козельский анализирует взгляды И. Ньютона на движение и обосновывает категорию причины через закон инерции. Русский философ находился под влиянием механистического материализма.

Козельский как эмпирик считает основой познания чувственное восприятие, он не признает врожденных идей, считая, что мы «получаем понятия... одними чувствами» («Философические предложения»). По его мнению, научное познание должно быть основано на опыте. Он был убежден в больших возможностях науки и человеческого познания, но при этом он не был атеистом. Его мировоззрение можно определить как деизм, он уповал на «мудрость создателя». Козельский считал, что сама наука должна учиться у природы, «которая всех наук умнее и превосходнее». Философию, философское познание Козельский рассматривает в связи с такими науками как математика и история. Специфику и цель философии он видит в «испытании причин истины», что философия исследует «генеральные познания о вещах и делах человеческих». Козельский утверждает, что эволюционирующую природу можно познать.

Рассматривая проблемы общества и человека, Козельский считал важнейшим содержанием жизни и деятельности людей «искание благополучия». Что ранее (в золотом веке) в природных условиях человечество жило вполне счастливо. Козельский придерживается теории Руссо об общественном неравенстве, причину, источник которого Руссо видит в наличии частной собственности, возникающей на определенном этапе развития общества. Козельский, как и Руссо, сторонник договорного происхождения государства, и он говорил о необходимости нового общественного договора.

Русский публицист и философ в отличие от Руссо признает прогрессивную роль науки и искусства в истории эволюции общества. Козельский писал, что все зло происходит не от науки и искусства, а от «худого их употребления». Он подчеркивал, что народ отказаться от жизни в обществе, от науки и искусства не может. Идеальное общество Козельский видит в том, «... чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других», но при этом в обществе наличие частной собственности обязательно, она есть ее основа. В данном случае он расходится с Руссо. Козельский считает, что частные интересы должны согласоваться с общественными интересами. Закон общества: не должно быть ни нищеты, ни роскоши. В этом идеальном обществе все должны трудиться (по

8 часов), что «трудолюбие составляет богатство народов». Во время законодательной работы в Уложенной комиссии Козельский выступал с предложениями об ограничении законами помещичьего произвола. Но он не смог прийти к выводу об уничтожении крепостной зависимости крестьян в своем Отечестве.

В это время он отстаивает свободу слова и печати, так как наука «умирает без вольности», что политические вопросы должны обсуждаться все-

ми гражданами и ставит в пример Англию. Он противник войн, но оправдывает войны оборонительные, поэтому армия России нужна. Козельский считал, что управлять государством должны просвещенные люди, философы. Для XVIII в. социально-политические и экономические взгляды Козельского, его социальная философия являлись довольно передовыми. Конечно, некоторые идеи Козельского были утопичны в условиях екатерининского общества в России.

Сведения об авторе

Кузнецов Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. *filos@csu.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

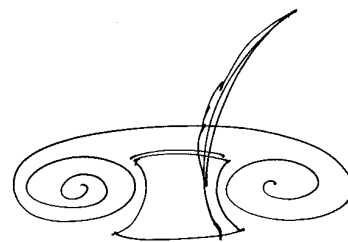
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 142—144.

Half-forgotten names in Russian philosophy: J.P. Kozelsky

V.A. Kuznetsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. filosof@csu.ru

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Авидья-майя — термин в древнеинд. философии, обозначающий иллюзию, основанную на невежестве и обрекающую человека на бесконечную череду «горя» и «радости».

Вай (термин кит. философии) — внеположенность, внешнее, трансцендентное.

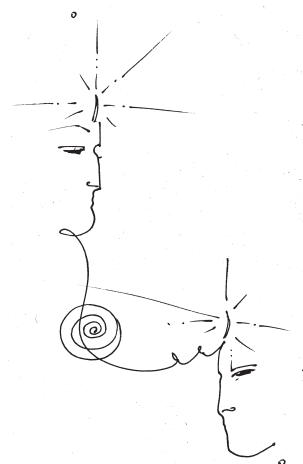
Лектор — так назывались у римлян рабы, которые за столом или при приеме ванны господином, или перед сном, должны были читать ему вслух произведения.

Саудамини (букв. «рожденная щедро дающим (облаком)») — в эпосе «Махабхарата» название молнии, отличающейся особенной красотой.

Хапи («единственно текущий») — в древне-египетской мифологии бог реки Нил («Повелитель реки несущей растения»), податель влаги и урожая; изображался в виде тучного человека, держащего в руках сосуда с водой; праздник Хапи приурочивался к началу разлива Нила.

Яочи (кит., букв. «Яшмовый пруд») — место пребывания богини фей Сиванму; в кит. мифологии так называется озеро в райских садах Сиванпу, расположенное на отрогах гор Кунь-лунь.

(Из словаря В. А. Кузнецова. Краткий словарь-справочник по истории, мифологии, религии, философии, искусству Древней Индии и Древнего Китая. — Челябинск, 2013. — 406 с.)

*Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 146—151.*

УДК 327.36 +159.9:316.6
ББК 87.2.

**Культура и обусловленный разум: от предрассудков и конфликтов
к когнитивному пониманию и умению жить в мире**

(рецензия на книгу Терренса Уэбстер-Дойла

*«Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов,
или Как научиться жить в мире» = Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice
and How Learn Live Peacefully : научно-просветительское издание / Т. Уэбстер-Дойл ;
Самарское культурологическое общество «Артефакт — культурное разнообразие». —
Самара: Самарский научный центр РАН, 2020. — 55 с. — ISBN 978-5-6044585-9-4)*

С. Н. Фоломеев

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

Конфликты раздирают человеческое общество с момента его формирования. Конфликты были характерны и для предков человека, но там они базировались на инстинктах. Homo sapiens внес в конфликты много нового: целеустремленность, выгоду, масштаб и др. Конфликт начинает охватывать все сферы человеческой жизни: политическую, экономическую, социальную, этническую, межличностную и т. д. Силовое разрешение конфликта становится нормой, которая с некоторыми изменениями дожила до нынешнего дня.

Но одновременно с таким подходом к конфликту уже в древности зарождается стремление избежать его. Вспомним хотя бы Конфуция: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» [7] и этот подход был характерен не только для Древнего Китая. Уже в Новое время люди начинают задумываться о разрушительности конфликтов в человеческом обществе и стремятся к их минимизации. В наиболее развитых странах начинают говорить об отмене рабства, недопустимости геноцида, о правах и свободах человека, толерантности и веротерпимости, пытаются реализовать «гуманные» нормы ведения войны и т. д., но дале-

ко не всегда это удается реализовать. Конфликты становятся все масштабнее и разрушительнее и это, как ни парадоксально, связано с развитием человеческой цивилизации и техническим прогрессом. Но параллельно растет и стремление людей предотвратить конфликты, либо минимизировать их разрушительные действия. В этом драматичном процессе велика роль институций культуры [3—5]. Важным представляется и опыт социокультурного проектирования в образовательных практиках миротворчества [6].

Вопросам разрешения конфликтов посвящено большое количество книг, научных статей и диссертаций, разработано множество концепций. Представленная вашему вниманию небольшая книга Т. Уэбстер-Дойла (Terrence Webster-Doyle) предлагает бороться не со следствием конфликтов, когда обычно рассматриваются многочисленные способы их урегулирования и минимизации ущерба, а с устранением причин их вызывающих. В небольшой по объёму книге содержатся весьма значимые идеи, нацеленные на то, чтобы сделать мир лучше.

Автор книги — известный и авторитетный специалист по профилактике и разрешению кон-

фликтов, директор международного института когнитивного образования за мир, президент *Atrium Society*, основатель и руководитель Музея культуры миротворчества для детей (Паония, Колорадо, США). Автор более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий и 20 учебных пособий. Лауреат Золотой медали имени Бенджамина Франклина за книгу «Борьба с невидимым врагом. Понимание эффектов обусловленности», которая была опубликована в 1993 году (№ с 1-7) на русском языке ведущим советским и российским педагогическим журналом «Детская литература». Известны и другие труды Т. Уэбстер-Дойла в российских изданиях [10—14].

В отличие от многих многостраничных исследований с их гипотезами и убедительными доказательствами предлагаемых концепций, посвященных данной проблеме, книга Т. Уэбстер-Дойла отличается оригинальностью построения материала. Первая ее часть «*Игры разума: испытание миром, или что делает наш мозг полем битвы?*» обосновывает антропологическую природу конфликтов людей и рассматривает такие вопросы как природу предрассудков человека, предрасположенность людей к предрассудкам. Автор отмечает известные способы их преодоления, а также задается вопросом способна ли культура предотвратить насилие. По мнению автора необходимо реформировать существующую систему образования, не способную предотвратить конфликты, и перейти к принципам психологической самокоррекции действий человека. Когнитивное понимание себя и своей природы есть ключ к миру. В рамках рассмотрения указанных вопросов автор приходит к выводу, что традиционные способы разрешения конфликтов (медикаменты и психотерапевты, переговоры, дипломатические и политические способы примирения, судебное и военное вмешательство) только «регистрируют уже возникший конфликт и лишь регулируют отношения между людьми в конфликтной ситуации... и сами по себе его не предотвращают» [9, с. 9].

Выход из создавшегося положения Т. Уэбстер-Дойл видит в понимании причин конфликта. Поиск причин конфликта и их устранение достаточно традиционны для современной науки. План биологической самозащиты, воплощенный в образе врага, недруга, надвигающейся угрозы, закрепленных в нашем сознании («генетически запрограммированной инстинктивной реакцией»), инстинктами самосохранения и в определенной степени необходимый в первобытном обществе по мере развития цивилизации «оборачивается нетерпимостью, насилием и враждой» и не всегда

соответствует действительности. Сформированный в определенное время в мозге образ врага по инерции может оказывать влияние на принятие последующих решений, хотя бывший враг уже перестает быть таковым, но мозг оказывается не в состоянии отличить реальную угрозу от мнимой. Конфликт, порожденный биологической генетической программой, по мнению автора, является системным дефектом первозданной биологической природы, который характерен для всех людей, унаследовавших от своих предков не только «эффективный опыт выживания», но и груз предрассудков прошлого, мешающих пониманию настоящего и ведущих к разрушительным конфликтам. И здесь перед автором встает главный вопрос: «сумеем ли мы стать свободными от этого саморазрушительного генетического наследства или продолжим поддаваться инстинктам, так и не сумев их превзойти?» [9, с. 12]

Возникает вопрос: действительно ли мы настолько подвержены влиянию саморазрушительных инстинктов, что не можем их преодолеть несмотря на всю последующую историю развития человечества от первобытного общества до наших дней?

К аргументу в пользу позиции автора можно причислить рост конфликтности в обществе. Вместе с тем нельзя не признать, что растет и количество населения на планете Земля и увеличивается число причин для конфликтов (экономические, политические, территориальные, религиозные, этнические, межличностные), которых не было в первобытном обществе. С другой стороны, общество ищет и находит способы предотвращения конфликтов или их минимизации. Поэтому столь категоричная позиция автора в том вопросе вызывает сомнения.

Сомнения возрастают, когда автор в качестве едва ли не главного способа решения конфликта указывает на необходимость правильного миротворческого образования. Он ставит под сомнение эффективность старых подходов и программ в системе образования, не способных предотвращать конфликты. Новое понимание образования, его «когнитивный принцип» определяется им как проприоцептивное обучение. «Здесь обучение не включает в себя сбор и анализ информации как таковой, чтобы в итоге прийти к определенному интеллектуальному заключению. По существу, здесь знания не играют принципиальной роли. *Проприоцептивное обучение* — это навыки или способность осознавать свое индивидуальное положение и социальные действия в мире за счет способности к психологической самокоррекции» [9, с. 13].

Одним из первых феномен *проприоцепции мышления* обосновал известный физик Дэвид Джозеф Бом [1—2]. В чём состоит значение проприоцептивного обучения? Вот как описывает принцип проприоцепции мышления в своей недавней статье М. Тиллманнс [8]. «Например, я злюсь из-за каких-то слов, сказанных в мой адрес, но я знаю, что не должна так делать. Это то, что Бом называет “несогласованностью в мышлении”. Проприоцепция мышления освобождает его от рефлексов, которые заставляют нас верить, что наше мнение о мире, в котором мы живем, является истиной в последней инстанции. Эти рефлексы — главная помеха в мышлении! Бом утверждает, что у нас есть склонность рассматривать мысль как застывшую истину, а не как движение, таким образом, мы застреваем в этих “истинах” и препятствуем дальнейшему движению мысли» [8].

Признавая, что человеческое общество технологически и с научной точки зрения продвинулось очень далеко, Т. Уэбстер-Дойл утверждает, что психологически мы находимся в «пещере невежества». Можно предположить, что автор прав, ибо не все сферы жизни человека в процессе эволюции развивались с одинаковой быстротой. Но выступая за проприоцептивное обучение как способ решения конфликтов, он отрицает роль знаний в развитии человечества, т. е. всего того, что человечество достигло. Приходится усомниться в возможности «психологической самокоррекции» без опоры на знания.

Видимо, понимая, что сказанное выглядит чересчур креативно, автор вопреки ранее высказанным положениям начинает утверждать, что проприоцептивное обучение само по себе не есть идеальное решение конфликта, что «человеческие действия основаны на обусловленном мышлении и мысль не может сама себя контролировать» [9, с. 13]. Мысль — да, а человек?

Книга Т. Уэбстер-Дойла построена таким образом, что теоретические выводы предшествуют 90 тезисам о метаморфозах обусловленного мышления, каждый из которых еще разбит на несколько проблемных вопросов и развернутые ответы на них, вероятно, заняли бы не один том. Выберем некоторые из них, как наиболее важные и актуальные на наш взгляд, так и вызывающие сомнения.

«Случается ли, что само знание становится причиной конфликта, а не средством его разрешения?» [9, с. 17]. Значит ли это в понимании автора, что от знания нужно отказаться, чтобы не допустить конфликт? Знание само по себе нейтрально, но в результате полученных знаний человек понимает, что он обманут, что нарушены его

права и интересы и т. д. и это ведет конфликту. Но без знаний человек будет деградировать, цивилизованные формы разрешения конфликта уступят место нецивилизованным и чем это закончится?

Нельзя не согласиться с автором в том, что этноцентризм гипотетически несет в себе угрозу конфликта. С одной стороны, этноцентризм граничит с расизмом и шовинизмом, а с другой — с национализмом и патриотизмом. Вопрос только в мере.

Безусловно прав автор в том, что современное преподавание знаний о конфликтах среди студентов страдают отрывочностью и опираются в основном на знания академической специализации. Но он идет дальше и сомневается, что исследование проблем конфликта с позиций междисциплинарного подхода также не создаст предпосылки для его разрешения, так как масштабные исследования ученых в различных областях не дали удовлетворительных результатов, и каждая теория пыталась стать истиной в последней инстанции и не способствовала искоренению проблем насилия в обществе. Не изобретая ничего нового солидаризируюсь с теми, которые считают, что практика — критерий истины. Именно она показывает степень эффективности данных теорий.

Что же заставило Т. Уэбстер-Дойла усомниться в полезности для общества предвзятых и провокативных образов так называемого «обусловленного мышления» — большие и малые конфликты в обществе, начинающиеся с буллинга (хулиганство и травля) и заканчивающиеся войнами, а также абстрактные, оторванные от реальности знания современного образования. Основываясь на исследованиях американских психологов, установивших, что еще у 9—14 месячных младенцев начинает формироваться поведение, ведущее впоследствии к буллингу, автор утверждает, что именно гены «оказывают прямое влияние на качество взаимодействия со сверстниками», в силу чего подобные исследования могут стать «основой для будущих стратегий борьбы с буллингом».

Не ставя под сомнение выводы ученых, но сомневаясь в применимости их данных к выводам автора, следует признать, что дети в этом возрасте — *tabula rasa* (чистая доска) в том смысле, что они еще руководствуются в своем поведении биологическими инстинктами на смену которым со временем приходят знания и опыт, которые ведут не только к конфликтам, но и к компромиссам и поиску путей разрешения конфликта. Безусловно, подобные исследования необходимы для изучения поведения детей, у которых впоследствии могут сформироваться предпосылки к буллингу.

Ссылаясь на работы Дэвида Бома [1—2], автор идет дальше и утверждает, что выход из создавшегося положения может дать проприоцептивное обучение, которое не накапливает знания для их дальнейшего анализа и поиска решения проблемы, а рассматривается им как «состояние некумулятивно-наблюдения, которое видит обусловленное мышление без суждения, без попытки его изменить», заявляя в то же время, что «проприоцептивное обучение — это врожденная способность к психологической самокоррекции» и потому образование молодежи должно быть направлено «на изучение природы и структуры обусловленного мышления». Не вызывает сомнения необходимость дальнейшего изучения природы окружающей человека, которое дало немало фундаментальных открытий, безусловное стремление к решению экологических проблем, созданных деятельностью людей.

Как нам представляется, в некоторых размышлениях автора присутствует логическое противо-

речие между врожденной способностью к психологической самокоррекции и необходимостью ориентации образования на изучение природы и структуры обусловленного мышления. Это выглядит как смешение кислого и пресного. Последнее основано на знаниях, информации и их анализе и не может выступать как состояние некумулятивно-наблюдения без попыток его изменить, без выработки суждения. Кроме того, автор стремится найти универсальное средство решения всех конфликтов – от буллинга до войны, что в принципе вряд ли возможно.

Тем не менее, книга Т. Уэбстер-Дойла побуждает задуматься над тем, как укротить всплески насилия и агрессии в обществе и научиться жить в мире. Многие идеи и рекомендации автора весьма полезны и заслуживают дальнейшего изучения. Стремление понять природу конфликта, чтобы попытаться его предотвратить или минимизировать следует всячески приветствовать и поддерживать.

Список литературы

1. Bohm, D. Limits of Thought: Discussions, with Jiddu Krishnamurti / D. Bohm. London : Routledge, 1999.
2. Bohm, D. The Unity of Everything: A Conversation with David Bohm, with Nish Dubashia / D. Bohm. Hamburg : Tredition, 2018.
3. Ionesov, V. Can Peacemaking be a Peace Maker? / V. Ionesov // Peace Review. 2018. № 30:4. P. 527-536
4. , В. И. Культура и трансформация: метаморфозы адаптации и развития / В. И. // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 4-7
5. , В. И. Соппротивление культур: к особенностям нашего времени / В. И. // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. а, Л. М. Артамоновой. М., 2014. С. 166—173.
6. , В. И. Культура, миротворчество и социальное подвижничество в региональных проектных практиках / В. И. , Э. А. Куруленко // Культурологический журнал. 2013. № 1. С. 15.
7. Конфуций. 25 золотых изречений / Конфуций. URL: https://naturalworld.guru/article_konfuciy-25-zolotih-izrecheniy.htm (дата обращения: 12.01.2021)
8. Тиллманнс, М. Применение проприоцепции мышления в философствовании с детьми / М. Тиллманнс // Социум и власть. 2019. № 4 (78). С. 69—76.
9. Уэбстер-Дойл, Т. Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов, или как научиться жить в мире / Т. Уэбстер-Дойл ; Самарское культурологическое общество «Артефакт — культурное разнообразие». Самара : Самар. науч. центр РАН, 2020. 55 с.
10. Уэбстер-Дойл, Т. Почему меня обижают: как справиться с задирами / Т. Уэбстер-Дойл. М. : Рудомино, 1995. 132 с.
11. Уэбстер-Дойл, Т. Исследования природы конфликта в модели когнитивно-психологической обусловленности: от игровой площадки до поля битвы / Т. Уэбстер-Дойл// Креативная экономика и социальные инновации. 2017. Вып. 7. № 4 (21). С. 131—141.
12. Уэбстер-Дойл, Т. Игры разума: к исследованию обусловленности конфликта и возможности миротворчества в культуре / Т. Уэбстер-Дойл // Креативная экономика и социальные инновации. 2018. Вып. 8, № 2 (23). С. 151—157.
13. Уэбстер-Дойл, Т. Наше обусловленное сознание: почему я всегда выбираю себя? / Т. Уэбстер-Дойл // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 52. Философские науки. 2019. № 5 (427). С. 19—22.
14. Уэбстер-Дойл, Т. Креативность действия в драме преодоления насилия / Т. Уэбстер-Дойл // Креативная экономика и социальные инновации. 2020. Вып. 10, № 2 (31). С. 99—103.

Сведения об авторе

Фоломеев Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного права и политологии Самарского государственного экономического университета, Самара, Россия. *cissime@yandex.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 146—151.

Culture and conditioned mind: from prejudice and conflict to cognitive understanding and art of peaceful life (review to the book of Terrence Webster-Doyle «*Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice and How Learn Live Peacefully*» (Samara, 2020))

S.N. Folomeev

Samara State Economic University, Samara, Russia. cissime@yandex.ru

References

1. Bohm, D. *Limits of Thought: Discussions, with Jiddu Krishnamurti*. London, Routledge, 1999.
2. Bohm D. *The Unity of Everything: A Conversation with David Bohm, with Nish Dubashia*. Hamburg, Tredition, 2018.
3. Ionesov V. Can Peacemaking be a Peace Maker? *Peace Review*, 2018, no. 30:4, pp. 527—536.
4. Ionesov V.I. Kul'tura i transformatsiya: metamorfozy adaptatsii i razvitiya [Culture and Transformation: Metamorphosis Adaptation and Development]. *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2009, no. 8, pp. 4—7 (In Russ.).
5. Ionesov V.I. Soprotivlenie kul'tur: k osobennostyam nashego vremeni [Resistance of Culture: Particularities of Our Time]. *Modernizatsiya kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii* [Modernization of Culture]. Samara, Samara State Institute of Culture, 2014. Pp. 166—173. (In Russ.).
6. Ionesov V.I., Kurulenko E.A. Kul'tura, mirotvorchestvo i sotsial'noe podvizhnichestvo v regional'nykh proektnykh praktikakh [Culture, Peace-Creativity and Social Work in Regional Project Practice]. *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Studies], 2013, no. 1, p. 15 (In Russ.).
7. Konfutsii. *25 zolotykh izrechenii* [25 golden sayings]. Available at: https://naturalworld.guru/article_konfuciy-25-zolotih-izrecheniy.htm, accessed 12.01.2021. (In Russ.).
8. Tillmanns M. Primenenie propriotseptsii myshleniya v filosofstvovanii s det'mi [The application of proprioception of thinking to doing philosophy with children]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 2019, no. 4 (78), pp. 69—76. (In Russ.).
9. Webster-Doyle T. *Igry razuma: k ponimaniyu prirody predrassudkov i konfliktov, ili kak nauchit'sya zhit' v mire* [Mind Games: to Understanding the Roots of Prejudice and How Learn Live Peacefully]. Samara: Publisher "Samara Scientific Centre of Russian Academy of Sciences", 2020. — 55 p. (In Russ.).
10. Webster-Doyle T. *Pochemu menya obizhayut: kak spravlyat'sya s zadirami* [Why Is Everybody Always Picking on Me]. Moscow, Rudomino, 1995. 132 p. (In Russ.).
11. Webster-Doyle T. Issledovaniya prirody konflikta v modeli kognitivno-psikhologicheskoi obuslovlennosti: ot igrovoi ploshchadki do polya bitvy [The study of human conflict created by cognitive — emotive — bio-reactive conditioning: from the playground to the battlefield]. *Kreativnaya ekonomika i sotsial'nye innovatsii* [Creative Economics and Social Innovations], 2017, vol. 7, no. 4 (21), pp. 131—141. (In Russ.).
12. Webster-Doyle T. Igry razuma: k issledovaniyu obuslovlennosti konflikta i vozmozhnosti mirotvorchestva v kul'ture [Mind games: to research of conditionality of human conflict and the possibility of peacekeeping in culture]. *Kreativnaya ekonomika i sotsial'nye innovatsii* [Creative Economics and Social Innovations], 2018, vol. 8, no. 2 (23), pp. 151—157. (In Russ.).

13. Webster-Doyle T. Nashe obuslovennoe soznanie: pochemu ya vseгда vybirayu sebya? [Our conditioned consciousness: why am I always picking on myself?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 52. Filosofskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Issue 52. Philosophical Sciences], 2019, vol. 52, no. 5 (427), pp. 19—22. (In Russ.).

14. Webster-Doyle T. Kreativnost' deistviya v drame preodoleniya nasiliya [Creativeness of action in drama for overcoming violence]. *Kreativnaya ekonomika i sotsial'nye innovatsii* [Creative Economics and Social Innovations], 2020, vol. 10, no. 2 (31), pp. 99—103. (In Russ.).

